М.Ю. Кузнецов

Русские черты в вепсском синтаксисе

Venäkelen pirdad vepsän kelen sintaksisas

Санкт-Петербург
2018

М.Ю. Кузнецов

Русские черты в вепсском синтаксисе

Санкт-Петербург
2018

М. Ю. Кузнецов. Русские черты в вепсском синтаксисе. − СПб: 2018. − 166 с.

В пробном выпуске монографии «Русские черты в вепсском синтаксисе» автором в полной мере продемонстрирована зависимость письменного вепсского языка от выражения различных грамматических значений в русском языке. Грамматическая система вепсского языка, прибалтийско-финская в своей основе, претерпевает процесс перестраивания синтаксических моделей под русский язык. Выявленные в работе синтаксические черты письменного вепсского языка классифицируются по четырём группам: порядок слов, синтаксис имени, синтаксис глагола и служебные элементы. В каждой из этих групп обнаруживаются синтаксические элементы, которые строятся вепсским языком по русским моделям. Кроме того, многие элементы исконной прибалтийско-финской грамматической системы, не имеющие прямых аналогов в русском языке, письменным вепсским языком утрачиваются. В целях сопоставления привлекается материал финского языка.

Для специалистов в области синтаксиса, языковых контактов, норм младописьменных языков России, а также для всех интересующихся и работающих с письменным вепсским языком.

© М.Ю. Кузнецов, 2018

Содержание

Введение……..5
1. Вепсский язык: особенности функционирования под русским влиянием…….. 8
1.1. Общие положения…….....8
1.2. Какой язык мы исследуем? Терминологические и методологические уточнения……..10
1.3. Краткие сведения о вепсском языке…….....15
1.3.1. Вепсский язык и его функционирование……..…15
1.3.2. Степень литературности вепсского языка. Существующие описания вепсского синтаксиса……..22
1.3.3. Репертуар текстов на современном письменном вепсском языке….....28
1.3.4. Стилистика различных вепсских текстов и стилистическое разнообразие калек……...…31
1.3.5. Подробнее об источниках: текст повести В.А. Пулькина «Азбука детства»……...35
1.3.6. Новый крупный перевод на вепсский язык…….42
2. Русские элементы в вепсском синтаксисе. Разбор конкретных черт……..44
2.1. Предварительные разъяснения……..44
2.2. Анализ материала……...47
2.2.1. Русский порядок слов в вепсском предложении. Исключения из него……..47
2.2.1.1. Посессивная конструкция……47
2.2.1.2. Послеложно-падежная конструкция……...50
2.2.1.3. Конструкция с приложением……...53
2.2.1.4. Причастные и деепричастные обороты левого ветвления……56
2.2.1.5. Конструкция приблизительного количества……..62
2.2.2. Синтаксис имени……..64
2.2.2.1. Экспансия адессива под влиянем русских синтаксем……...64
2.2.2.1.1. Выражение деятеля при пассивном причастии……...64
2.2.2.1.2. Расширение использования адессива в поссессивном значении……..67
2.2.2.1.3. Адессив в значении аппроксиматива I…….68
2.2.2.1.4. Адессив при глаголе говорения……70
2.2.2.2. Партитивное подлежащее и партитивное сказуемое…….71
2.2.2.3. Независимые обороты и их разрушение под русским влиянием……..76
2.2.2.4. Разрушение послеложного согласования……78

2.2.2.5. Отрицательные и «положительные» местоимения по русскому образцу……85
2.2.3. Синтаксис глагола……88
2.2.3.1. Конструкция предбудущего времени в пассивном залоге типа *будет сделано*……..88
2.2.3.2. Некоординированность по числу вспомогательного глагола в аналитических пассивных временных формах с подлежащим (также о глаголе linneb)…….94
2.2.3.3. Конструкции со II инфинитивом – соответствие русским деепричастным оборотам……100
2.2.3.4. Вытеснение форм III инфинитива, не имеющих русских аналогов……112
2.2.4. Русские служебные элементы в вепсском языке……125
2.2.4.1. Предлоги……..125
2.2.4.2. Союзы……...127
2.2.4.3. Частицы……132
2.3. Синтаксические таблицы……..141
Заключение……...147
Библиография……...149
Приложение 1. Образец перевода книги Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» на вепсский язык……...161
Приложение 2. Список глосс для работы с вепсским языком…….163
Приложение 3. Список таблиц……165

Введение

Российская Федерация входит в число самых многонациональных и многоязычных государств мира. Согласно последней переписи населения, проведённой в 2010 году, на территории России проживают 193 народа, говорящие на 277 языках[1]. Наличие большого числа народов со своими языками в любой стране обуславливает необходимость наличия языка межнационального общения. Как известно, таким языком в России выступает русский – родной язык подавляющего большинства населения страны.

В современной России почти каждый представитель какого-либо из коренных народов знает русский язык (к сожалению, уровень владения своим титульным языком среди народов России сейчас бывает довольно низок, особенно среди молодёжи). Исключения очень редки и могут встречаться разве что среди пожилых людей в регионах с малой долей русского населения.

Сосуществование в одном публичном пространстве языков народов России с русским языком в каждом из «национальных» регионов страны не может не приводить к осуществлению языковых контактов. С некоторыми из языков русский язык контактирует уже на протяжении тысячи лет (как например, с мордовскими языками), с некоторыми – лишь с XIX века (языки Кавказа, Приморья). Представляется, что при этом письменный статус русской культуры стимулирует развитие национальных письменных культур по русскому образцу.

В данной работе мы попытаемся доказать исходное положение нашего исследования: **письменные формы языков народов России обнаруживают значительное русское влияние и в крайних случаях могут даже представлять «национальный» слепок с русской грамматической системы**. Особенно подвержены такому влиянию бывают языки, не имевшие в прошлом (до «эпохи языкового строительства» в СССР 1930-х гг.) богатой письменной традиции, как например языки малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Продемонстрировать предложенный тезис нам будет удобнее на примере вепсского языка – одного из финно-угорских языков России с численностью носителей примерно в 3600 человек, имеющего современную письменную форму с конца 1980-х – 1990-х гг., разработан-

[1] Разумеется, нельзя забывать о значительной условности этой информации. Так, в числе этих 277 языков учтено немало африканских, владение которыми отметили всего по нескольку человек.

ную главным образом теоретическими и практическими трудами петрозаводского филолога Нины Григорьевны Зайцевой.

Цель работы состоит в том, чтобы показать черты русского влияния в грамматической (синтаксической) системе вепсского языка и выявить русскую основу современных вепсских текстов.

Объект исследования – различные синтаксические конструкции, обороты, а также служебные элементы вепсского языка. **Предмет** – те из них, которые могут быть проинтерпретированы как заимствования из русской грамматической системы.

В качестве **задач** можно назвать:

1. Отбор наиболее качественных (грамматически представительных) и современных текстов на вепсском языке;
2. Выделение некоторых наиболее ярких грамматических черт и языковых конструкций с точки зрения их полного (или неполного) соответствия моделям русского языка, а также нескольких (крайне немногочисленных) конструкций вепсского языка, устойчиво сохраняющих исконное строение;
3. Сравнение (сопоставление) выделенных черт и конструкций с аналогичными по значению (или по строению) конструкциями русского и финского языков;
4. Подведение итогов: вывод о «русской основе» письменного вепсского синтаксиса.

Основной материал данной работы (наиболее качественные и современные тексты на вепсском языке) – тексты вепсской газеты «Kodima» за 2016 – 2018 гг., текст перевода повести В.А. Пулькина «Азбука детства» на вепсский язык, опубликованный в журнале «Verez tullei» за 2017 г.; при необходимости привлекаются также материалы Корпуса вепсского языка (vepsian.krc.karelia.ru) или корпуса «ВепКар» (dictorpus.krc.karelia.ru) и другие источники, в частности и текст Нового Завета на вепсском языке («Uz' Zavet»)[2]. Тексты на русском

[2] Текст Нового Завета на вепсском языке считается автором грамматически наиболее представительным, так как именно он, будучи наиболее объёмным в современной письменной вепсской культуре (в книге более 600 страниц), обнаруживает в себе некоторые из таких грамматических черт, которые в других жанрах текстов на языке малочисленного народа оказываются практически забыты (напр., инессивная и элативная формы III инфинитива; подробнее см. в соответствующем разделе). Тексты газеты «Kodima» привлекаются к рассмотрению потому, что они наиболее чётко доказывают,

языке, с которыми сравниваются вепсскоязычные тексты, – это текст Нового Завета по Синодальному переводу Библии, оригинальный текст В.А. Пулькина в [Пулькин, 1983] и переводы предложений из газеты «Kodima» (а также из других вепсскоязычных источников), которые автор, владея письменным вепсским языком, строит самостоятельно. При наличии русского оригинала его текст сопоставляется с дословным обратным переводом с вепсского.

В работе используются следующие **методы**:

1) сопоставительный (вепсские и русские конструкции);

2) сравнительный (вепсские и финские конструкции);

3) описательный.

Актуальность работы определяется малым числом носителей вепсского языка (и ещё меньшим числом носителей его письменной нормы), необходимостью поддержки и развития грамотности на вепсском языке, **новизна** – привлечением новейшего материала, относящегося именно к письменному вепсскому языку (в то время как обычно письменная форма существования языка почти не попадает в поле зрения исследователей; приоритет в исследованиях почти всегда отдаётся устной форме).

что вепсская письменная культура существует и живёт (газета выходит регулярно каждый месяц), и потому, что именно они обладают наибольшим символическим значением для современного общества знатоков вепсского языка, которые желают регулярно читать что-нибудь новое. Новые книги с такой регулярностью не появляются. Текст повести «Азбука детства» («Laps'aigan abekirj») привлекается на том основании, что в настоящее время это один из наиболее больших художественных текстов, переведённых на вепсский язык; также он позволяет проследить переводческие стратегии, что в ситуации становления нормы младописьменного языка приобретает первостепенное значение.

1. Вепсский язык: особенности функционирования под русским влиянием

1.1. Общие положения

Русский язык и другие языки народов России находятся в состоянии языкового контакта, приводящего к значительному проникновению русских слов и грамматических черт в языки других структур. В XX веке носители русского языка «добрались» до самых окраин страны, доля русского населения в северных регионах стала резко увеличиваться [Вахтин, 2001]. Одним из следствий этого явилось распространение на народы Севера «цивилизованной» культуры, главным атрибутом которой является письменность.

Создание письменностей для ранее бесписьменных народов СССР началось в начале 1930-х годов [Алпатов, 2000], это время впоследствии стало известно как «эпоха языкового строительства». Многие малые языки впервые обрели свою письменность именно в этот период. Однако с резким изменением внутренней (и в том числе национальной) политики страны в 1937 г. письменные формы некоторых языков оказались принудительно запрещены (вепсский, ижорский), многие письменности были переведены с латиницы на кириллицу[3] (карельский, ненецкий), а некоторые языки (напр., ительменский язык на Камчатке) утратили письменность вовсе. Если в 1930-е годы (до 1937) на многих языках малых народов выпускалось довольно много литературы (в основном, учебной для школ), то после этого периода и вплоть до конца 1980-х ни одной книги на многих языках не выходило: письменность фактически оказывалась забыта, не успев войти в широкий оборот (о ситуации конкретно с вепсским языком – см. далее).

С конца 1980-х и по настоящее время наблюдается положительный процесс возврата языков малых народов России в книжную культуру. На некоторых языках появляются первые буквари и книги для чтения (напр., [Дзиро и др., 2012], [Heinsoo, 2015] и др.).

Предсказуемо испытывая влияние со стороны русского языка на всех языковых уровнях (что проявляется в замене «сложных» своих звуков «простыми» русскими, забвении сложных морфологических форм, перестройке синтаксических конструкций), языки малых

[3] Что само по себе, по мнению автора данной работы, следует считать положительным, однако понятно, что любая проведённая реформа (особенно в такой чувствительной сфере, как язык) поначалу вызывает стресс у тех, кого она касается.

народов России не могут не обнаруживать следствия такого влияния и в своей письменной форме. Представляется, что черты русского влияния на языки малых народов в письменной форме будут проявляться ещё больше, чем в устной: ведь человек, пишущий текст, а не говорящий его «на ходу», имеет возможность тщательно обдумать строение своей фразы (особенно, если он журналист, писатель или переводчик) и подстроить, пусть даже неосознанно, свою фразу под некоторые «общепринятые модели предложения». Учитывая, что современному носителю одного (или не одного – в таких многоязычных и поликультурных регионах, как Таймыр, район реки Колымы или Приморье) из языков народов Севера намного чаще приходится иметь дело с русским письменным словом, чем с национальным, эти «общепринятые модели предложения» с большой долей вероятности в значительной степени будут экспортированы из русского.

К сожалению, в современных научных работах почти не уделяется внимания языкам малочисленных народов в их письменной форме: всё внимание исследователей сосредоточенно на «естественной» речи, непосредственно записываемой от информантов в экспедициях (см. об этом же: [Вахтин, 2014: 132]). Одним из немногих исключений следует признать монографию А.А. Бурыкина «Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно-лингвистические проблемы» (на материале эвенского языка)» ([Бурыкин, 2004]). Автор монографии подробно анализирует состояние письменного эвенского языка, попутно затрагивая и множество смежных вопросов (проблемы учебников эвенского языка, эвенская письменность с точки зрения теории письма и др.). Язык эвенских газет, по данным автора, обнаруживает значительное влияние русского языка (то же, как мы покажем далее, будет характерно и для языка вепсских газет).

В статье [Вахтин, 2013] синтаксическая интерференция отмечается для эскимосского языка. Автор показывает, как движется в сторону аналитизма (как и русский язык) эскимосский синтаксис: если в текстах, записанных в 1900 году, ещё можно увидеть исходную полисинтетическую грамматическую систему, то в записях (и радиопередачах) советского времени (1970-х годов) синтаксис уже явно подвергается перестройке. Н.Б. Вахтин, в частности, приводит интересные примеры из переводной книжки «Приключения Толи Клюквина» на эскимосском языке [Носов, 1989]. По данным автора, конкретные проявления синтаксических русизмов в эскимосском языке можно видеть, например, в предложениях с прямой речью,

которые могут быть построены полностью как кальки с русского вопреки исконным моделям [Вахтин, 2013: 356 – 357]. В статье [Вахтин, 2014: 134], где анализируются предложения из переведённой на эскимосский язык книжек про В.И. Ленина ([Ульянова, 1990]) и И.В. Сталина ([Байдуков, 1939]), некоторые фразы оказываются переписанными (цитата из работы) «слово в слово». Очень показательна ещё одна цитата из этой работы, изображающая внутренний монолог переводчика на эскимосский язык: «По-эскимосски так не говорят» — «Конечно, не говорят, но, может быть, по-эскимосски именно так пишут? Откуда мы знаем, как пишут по-эскимосски, если мы никогда раньше на этом языке не писали? Пишут же так по-русски» [Вахтин, 2014: 137].

Впрочем, иногда для носителей и авторов текстов на языках малых народов должно быть очевидно, как надо писать, – это бывает в тех случаях, когда у народа есть какие-нибудь непререкаемые авторитетные образцовые тексты на своём языке. В случае с вепсским языком такие тексты есть – это теоретические и практические труды Н.Г. Зайцевой. Вообще же, вепсский язык находится в уникальном положении относительно других малых языков Севера, поэтому к его рассмотрению мы с вами сейчас и перейдём.

1.2. Какой язык мы исследуем? Терминологические и методологические уточнения

В первую очередь нам следует определиться, какой язык – а точнее, какую форму языка – мы будем исследовать в данной работе. Это будет **письменная форма вепсского языка** со всеми присущими ей особенностями.

О различии между устной и письменной формами одного языка сейчас говорить уже не приходится, хотя ещё относительно недавно – ещё в начале XX века – основное внимание учёных, изучающих национальные языки (здесь под этим термином мы понимаем языки больших, государствообразующих наций, такие как русский или немецкий) было сосредоточено на их письменной форме, а устная часто просто не замечалась, невольно игнорировалась. С появлением звукозаписывающих устройств и попытками учёных перенести записанную на звуковые носители звучащую речь на бумагу отличия устной речи от письменной (которые первоначально были удивительны) стали очевидны.

Общая неустроенность фраз (по сравнению с письменной речью), оговорки, разного рода грамматические нестыковки и

фактическое отсутствие чётких границ между предложениями – всё это разительно отличает устную речь от письменной. Но людям, не являющимся лингвистами, следует понимать (а лингвистам не следует забывать), что именно устная речь, а не письменная – это первичная и естественная форма существования любого языка и, тем более, что устная речь не может считаться испорченной письменной исходя из всех достоинств и грамматических изысков последней. К сожалению, в российской школе (но скорее неосознанно, чем сознательно) учащимся внушается именно такая точка зрения («Как писали Пушкин и Толстой и как говорите вы, неучи!»).

Итак, устная и письменная форма существования любого языка – это две абсолютно разных и различающихся сущности, и в своей работе мы привлекаем материал письменного вепсского. В применении к языкам малочисленных народов, испытывающим постоянное влияние со стороны доминирующего языка (в России – русского; в Республике Саха – также ещё и якутского, в Республике Дагестан – местных крупных языков), здесь необходимо оговорить ещё одно положение. Репертуар грамматических форм, часто использующихся в письменной речи, иногда бывает несколько уже, чем разнообразие форм и конструкций устного варианта того же самого языка (см.: [Бурыкин, 2014: 64 – 65]). В вепсском письменном языке, как мы покажем далее, в частности, практически не употребляются инессивная и элативная формы III инфинитива, отмеченные в грамматике [М. Зайцева, 1981], написанной ещё на диалектном (то есть по сути на устном) материале, почти не употребляется деепричастие цели на -des/-tes, не встречаются и некоторые другие факты диалектной грамматики. В то же самое время, и в письменном языке будут встречаться элементы, практически отсутствующие в языке устном, – это так называемые *синтаксические заимствования* письменной речи, в большом объёме ведущие к *скрытой интерференции* [Панькин, Филиппов, 2011]. За многими конструкциями письменной речи на языках народов Севера явно угадываются русские прототипы (особенно в языке газет и переводов официальных документов, если они есть; на вепсском языке см. переводы О.Ю. Жуковой: [Mehen oiktuziden ühthine deklaracii, 2008], [ELDIA (вепс.), 2013], [Ühthižrahvazkundan (ÜRK) deklaracii igähiziden rahvahiden oiktuziš, б.г.]).

При рассмотрении языков коренных малочисленных народов в их зафиксированном на письме виде встаёт также и ещё одна интересная методологическая проблема: называть ли язык текстов, которые мы можем прочитать своими глазами, **письменным или**

литературным. Такая проблема в применении к языкам народов Севера обычно не ставится вовсе, «первопроходцем» в осмыслении этой проблемы по праву следует считать А.А. Бурыкина (см. [Бурыкин, 2002][4]). По мнению учёного, «непременное условие признания языка письменным – это функционирование письменности внутри того круга постоянных пользователей языка, для большинства которых он является родным». В применении к вепсскому языку здесь обнаруживается явная нестыковка: для большинства пользователей письменной формы вепсского языка он родным (в значении «язык, выученный в семье как первый», а не «исконный язык своего этноса») не является, но называть бесписьменным язык, на котором регулярно выходят книги, газеты, журналы, на котором существуют радио- и телепередачи, который преподаётся в школах и вузах (обо всём этом см. в следующей главе), не представляется возможным. Более того, вепсской интеллигенцией из Петрозаводска проводятся летние курсы обучения грамоте сельских вепсов («Kul'turdesant»), так что письменный статус вепсского языка сейчас не может быть подвергнут никакому сомнению. Другое дело – стоит ли называть вепсский язык литературным. В укоренившейся в российской науке традиции *литературным языком* называют такую форму языка, которая:

- обнаруживает в себе отобранный (спонтанно в ходе развития нации и её литературы или сознательно в процессе языкового строительства) языковой материал;
- кодифицирована (представлена в нормативных словарях и грамматиках);
- полифункциональна (имеет развитую стилистическую дифференциацию для использования языка в любых, в том числе и современных, сферах жизни его носителей);
- общепризнанна (имеет авторитетный статус среди говорящего на языке народа).

(изложено по критериям в [Вахтин, Головко, 2004: 44 – 45]; примерно те же критерии перечислены в [ЛЭС, 1990: 270][5]).

[4] В этой статье в числе языков народов Севера ещё не учтены языки Северо-Запада РФ; об этом см. далее в этой главе.

[5] Цитата: «ЛИТЕРАТУ́РНЫЙ ЯЗЫ́К – основная, наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью (1), полифункциональностью (2), стилистич.

Если рассматривать норму вепсского языка по данным критериям, то обнаружится, что она как раз представляет собой синтез черт из разных диалектов (см. [Зайцева, б. г.]), она кодифицирована (имеются нормативные словари [Зайцева, Муллонен, 2007], [Zaiceva, 2010], [Зайцева, Харитонова, Жукова, 2012], нормативная грамматика [Zaiceva, 2003]), насчёт полифункциональности нормы полной уверенности нет (хотя и можно считать, что различаются публицистический, художественный, энциклопедический, официально-документальный и некоторые другие стили письменного вепсского языка – подробнее об этом см. далее), а по поводу общепризнанности этой нормы можно сказать, что она признана только в кругу интеллигенции, но не в среде сельских жителей. По [Бурыкин, 2002], решающий критерий для признания языка литературным (=стандартизованным) – это его «обработка» (или «отбор» – первый критерий по [Вахтин, Головко, 2004]), и вепсский язык ему безусловно удовлетворяет: из многочисленных синонимичных и варьирующихся по диалектам средств выражения одного и того же грамматического значения выбрана одна форма, признанная нормативной (напр., из нескольких диалектных глагольных форм 3 л. мн. ч. наст. вр. со значением ‘говорят’ – северновепсской *pagištaze*, средневепсской *pagištas* и южновепсской *pagižeba* – выбрана последняя[6]).

Такую форму существования языка в коллективе можно назвать и *стандартной*, однако термин *литературный язык* имеет намного более широкое хождение в научной литературе на русском языке[7]. С него даже делаются кальки на языки других народов России: ср. татарское *татар әдәби теле* ‘татарский литературный язык’ (где *әдәби* – литературный, а *әдәбият* – литература; оба этих слова –

дифференциацией (3) и тенденцией к регламентации (4)» (цифры в скобках – наши).

[6] Хотя больше из южновепсского диалекта, довольно сильно отличающегося от остальных вепсских диалектов, похоже, ничего не выбрано. По этому диалекту даже есть отдельный сборник текстов [Kettunen, 1920]. По признанию Н.Г. Зайцевой в статье «Диалектная основа вепсской орфографии», южные вепсы так и не смогли воспринять письменную речь.

[7] Здесь также можно вспомнить и номенклатуру университетских дисциплин: «Морфология современного русского **литературного** языка» (или «Современный русский **литературный** язык. Морфология»), «Синтаксис современного русского **литературного** языка» (или «Современный русский **литературный** язык. Синтаксис»), «История русского **литературного** языка».

арабизмы). Знаменитый Лингвистический энциклопедический словарь имеет в своём составе статью, которая называется «Литературный язык», а не «Стандартный язык» ([ЛЭС, 1990: 270 – 271]). В другом словаре, словаре [Ахманова, 1966: 531 – 532] приоритет также отдаётся наименованию *литературный язык* (на стр . 452 видим: СТАНДА́РТНЫЙ ЯЗЫ́К . То же, что язык литературный). Однако термин *литературный язык* по самому́ своему внутреннему строению может ассоциироваться с понятием *литература*, и, хотя термины *литературный язык* и *язык художественной литературы* разводятся исследователями, здесь могут возникать недоразумения. Строго говоря, литературный язык должен быть представлен в литературе (он во многом и должен быть сформирован именно литературой), но непереводной литературы на вепсском языке очень мало[8]. Поэтому более предпочтительным наименованием стандартизированной формы вепсского языка представляется термин *письменный вепсский язык*[9].

И последний вопрос, заслуживающий нашего рассмотрения в этой главе: правомерно ли считать **вепсский язык одним из языков народов Севера**? По своему образу жизни и антропологическому типу вепсов едва ли можно посчитать северным народом. Тем не менее, сейчас на этот вопрос можно дать очень чёткий ответ, подкреплённый законом: да. Языки народов Севера (в полной формулировке – языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации) – это исконные языки соответствующих народов, а сам перечень этих

[8] Как образцы непереводной вепсской литературы в первую очередь следует назвать поэзию Н.В. Абрамова, эпос Н.Г. Зайцевой «Вирантаназ» (2012), роман (или повесть) И.В. Бродского «Каларанд» (2002), рассказы В. Лебедевой (с диалектными чертами), печатающиеся в альманахе «Verez tullei».

[9] Разумеется, могут использоваться и другие наименования: *нормированный вепсский язык*, *нормативный вепсский язык*, *наддиалектный вепсский язык*, *общевепсский язык* и даже *петрозаводский вепсский язык*. По А.А. Бурыкину ([Бурыкин, 2002)], в применении к языкам народов Севера понятия «литературный язык» и «письменный язык» на практике нередко приравниваются друг к другу на том основании, что у них отсутствует устная форма литературного (=*стандартиз*(*ир*)*ованного*) языка. Устная (наддиалектная) форма вепсского языка бывает представлена в основном подготовленной речью (репортажи и передачи на радио и телевидении), в целом не отличающейся от письменной, и не самыми естественными ситуациями обучения языку в школе и вузе. Так как термин *письменный вепсский язык* не вполне подходит для обозначения **устной** речи, в отношении устной речи мы можем употреблять другие номинации из перечисленных выше.

народов утверждён законодательно: [Распоряжение, 2006]. Вепсы включены в этот перечень в 2006 году, что не без гордости упоминает в своей статье председатель Общества вепсской культуры Карелии З.И. Строгальщикова (в декабре 2017 года ставшая заместителем председателя) аж три раза: [Строгальщикова, 2012: 139, 140, 141]. В статьях и книгах до 2006 года вепсский язык ещё не учитывается в числе языков народов Севера (см., напр., [Вахтин, 2001], [Бурыкин, 2002], но сейчас он уже рассматривается вместе с ними (напр., [Функ, 2012])[10]. Представляется, что вепсский язык имеет проблемы, похожие на проблемы других языков народов Севера, но вместе с тем он – один из тех, кто смог выйти на принципиально новый уровень развития в современном мире. Подробно о том, что и как сейчас существует на вепсском языке, – читайте в следующей главе.

1.3. Краткие сведения о вепсском языке

1.3.1. Вепсский язык и его функционирование

Вепсский язык (*vepsän kel'*) относится к категории языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, число его носителей, как уже указывалось, довольно невелико (всего около 3600 человек). Носители языка – вепсы (*vepsläižed*) – традиционно проживают в так называемом Межозерье – на территории между Ладожским, Онежским и Белым озёрами. Административно-территориальными границами ареал распространения вепсского языка (традиционный ареал проживания вепсов) оказывается расколот: на нём говорят жители деревень юга Республики Карелия (Прионежский район: деревни Шёлтозеро, Шокша, Каскесручей, Рыбрека[11] и др.), востока Ленинградской области (Подпорожский, Лодейнопольский и Бокситогорский районы: деревни Винницы, Тервеничи, Вонозеро, Радогощь[12] и др.) и запада Вологодской области (Бабаевский и Вытегорский районы: деревни Пондала, Куя, Войлахта[13] и др.). В

[10] В той же статье как языки коренных народов Севера упоминаются водский и ижорский, что, строго говоря, не совсем корректно. Водь и ижора входят в официально утверждённый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, но не входят в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

[11] Вепс.: Šoutjärv', Šokš, Kaskez, Kalag'.

[12] Вепс.: Vingl, Tervoil, Enarv', Arskaht'.

[13] Вепс.: Pondal, Kuja, Voilaht.

Республике Карелия вепсский язык (наряду с карельским и финским) получает государственную поддержку: на средства республиканского бюджета издаются книги[14], газеты, журналы, осуществляется производство радио- и телепередач. Населённый пунктом, в котором проживает наибольшее число носителей вепсского языка, сейчас является столица Республики Карелия город Петрозаводск (*Petroskoi*) [Строгальщикова, 2012: 138]. Существуют также отдельные поселения вепсов в Сибири (в Кемеровской и Иркутской областях – дер. Кузедеево, Мардай и др.).

Вепсский язык в его письменной форме преподаётся в школах (школы в Шелтозере, Шокше, Рыбреке, Финно-угорская школа им. Э. Лённрота в Петрозаводске, в Ленинградской области – только факультативно) и в вузах (кафедра прибалтийско-финской филологии филологического факультета Петрозаводского государственного университета[15] – на правах одного из языков с официальным статусом в республике; кафедра уральских языков и методики их преподавания Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. Герцена в Санкт-Петербурге – на правах одного из «северных» языков). Но число изучающих язык в системе образования очень мало. В ПетрГУ на всём вепсском бакалавриате за все курсы набирается около 10 человек[16]. Чтобы замолчать малое число детей, изучающих вепсский язык в школах, в

[14] Ассортимент изданных за последние годы книг на вепсском языке можно видеть на сайте издательства «Периодика» в разделе «Книги» (с ограничением по языку: «Вепсский»).

[15] Ранее структурное подразделение, на котором преподавался вепсский язык, называлось кафедрой карельского и вепсского языков и даже отдельным факультетом прибалтийско-финской филологии.

[16] Оценка автора. В последнем номере газеты «Kodima», в котором затрагивалась эта тема (№10 (295), 2017) сообщалось, что на кафедру поступило 33 заявлений от желающих изучать финский и вепсский языки (это очень большое число, учитывая, что иногда заявлений не бывает вовсе), но заполнились только 3 бюджетных места. Парадоксально, что некоторые студенты, по данным того же печатного органа, поступают на вепсское отделение из других городов, но при этом не имеют никакого представления о вепсском языке. Система обучения прибалтийско-финским языкам в ПетрГУ организована таким образом, что финскому языку уделяется куда больше внимания, чем карельскому или вепсскому, – вот ради финского языка люди туда и поступают.

чиновничьих отчётах обычно даются общие цифры изучающих финский, наречия карельского и вепсский языки вместе[17].

Вепсский язык достаточно давно стал объектом пристального научного изучения – со времён его «открытия» академиком А. Шёгреном в начале XIX века ([Зайцева, 2017: 7]) [18]. Свои научные труды по языку «потомков летописной веси[19]» до 1930-х гг. публиковали в основном зарубежные учёные: можно вспомнить такие труды, как [Lönnrot, 1853], [Ahlqvist, 1861], [Ujfalvy, 1875], [Kettunen, 1920][20]. В 1913 году учителем Павлом Успенским был составлен тематический «Русско-чудскій словарь съ нѣкоторыми грамматическими указаніями» ([Успенскій, 1913]), в котором была представлена особая орфография. Позднее, в 1930-х годах в СССР развернулась так называемая «эпоха языкового строительства» ([Алпатов, 2000]). Многие десятки языков великой социалистической страны, ранее не имевшие своей собственной письменности, обрели её[21]. Карельский, вепсский и ижорский языки впервые обрели свою письменность именно в ту эпоху (не считая записей слов в научных работах, словарях и евангелиях, существовавших и ранее). На вепсском языке был выпущен ряд учебников для начальной школы: книги для чтения [Bogdanov, Hämäläinen, Mihkijev, 1932], [Andreev, Bogdanov, Petuhov da t[22]., 1933], [Bogdanov, Loginov, Bol'şakov da t.,

[17] Вот и угадайте, какой язык из признанных коренными в Карелии изучают больше всего. Более того, финский язык логичнее расценивать как иностранный (а не как язык коренного народа республики: [Бирин, 2009]) – поэтому эти цифры «изучающих родные языки» обычно ничего не значат.

[18] О деятельности А. Шёгрена см. [Строгальщикова, 2014: 80 – 82].

[19] Вепсы упоминаются в Повести временных лет как одно из племён, участвовавших в легендарном призвании варягов (цитату см. далее).

[20] Недавно за рубежом появился ещё один значимый труд по вепсскому языку: грамматика Р. Грюнталя на диалектном материале [Grünthal, 2015].

[21] Началось всё с замены не соответствовавшей лингвистическому строю языков мусульманских народов арабской графической системы на латинскую, но впоследствии письменность на основе латинской графики обрели почти все языки СССР, кроме старописьменных (как, например, грузинский и армянский), прочно удерживавших удобную кириллическую систему письма (напр., удмуртский) и совсем малых (напр., водский).

[22] Говорят, что при упоминании книги, у которой больше трёх авторов, после фамилии третьего автора принято ставить «и др.», если книга на русском языке, или «et al.», если книга зарубежная. А если это отечественное нерусское

1936] и др., учебники арифметики [Popova, 1933], [Popova, 1934], [Popova, 1936] и др., учебники естествознания [Tetyrev, 1934], [Tetyrev, 1935], [Tetyrev, 1937a], [Tetyrev, 1937б], географии [Terehova, Erdeli, 1934], [Terehova, Erdeli, 1936a], [Terehova, Erdeli, 1936b], букварь [Andrejev, Hämäläinen, 1936a], словарь [Hämäläinen, Andrejev, 1936b], краткая грамматика [Hämäläinen, Andrejev, 1934][23], единственное художественно-литературное издание – рассказ «Полтора разговора» [Grigorjev, 1937][24] и некоторые другие издания школьной ориентации. Ассортимент книг на ижорском языке был практически таким же. Но в 1937 году национальная политика СССР резко изменилась ([Иванова, 2018: 55]), что серьёзно отразилось на малых прибалтийско-финских народах. Недавно созданные вепсский и ижорский литературные языки оказались под запретом, национальная интеллигенция попала под репрессии, а книги изымались из школ и библиотек ([Строгальщикова, 2014: 196 – 197]). Карельский язык перевели на кириллическую графику[25], сызнова (без учёта нормы карельского языка в Калининской (ныне Тверской) области, существовавшей до 1939 г.) был создан синтетический междиалектный карельский литературный язык (на территории Карелии были проведены лингвистические исследования, итогом которых стала грамматика [Бубрих, 1937] – [Нагурная, 2015: 264]), но в 1940 году он тоже оказался запрещён. Все национально-официальные функции в республике (которая в 1940 – 1956 даже успела побывать союзной)

издание? Мы позволили себе применить собственно-изобретённое сокращение «da t.» – da toižed (вепс.: и другие).

[23] Эта грамматика содержит всего 55 страниц, а аналогичная грамматика ижорского языка авторства В.И. Юнуса, выпущенная в 1936 году ([Junus, 1936]), – около 140. Одна из наших предыдущих работ была завязана на рассмотрении терминов из этой ижорской грамматики и поиске русскоязычных эквивалентов к ним для перевода этой грамматики на русский язык. Ко времени сдачи той работы у нас было переведено 5 глав из 16 (80 стр. из 140), теперь же грамматика переведена почти вся.

[24] В планах было выпустить и некоторые другие книги: «Сцепщик» Серафимовича, «Сказки моей жизни» Яковлева, «Одногодки» Шорина и др. ([Яковлев, 1937], цит. по [Строгальщикова, 2014: 196]).

[25] Конкретно этот факт мы позволяем себе не расценивать как отрицательный, учитывая, что сейчас карельский язык никак не может получить статус государственного в Карелии (об истории этого вопроса в публикациях см. [Карелы, 2005]) в том числе из-за своей латинической письменности.

надолго были полностью переданы финскому языку[26] (об истории функционирования карельского языка см. [Ковалёва, Родионова, 2011: 8 – 31]).

Относительно вепсского языка упомянем также следующий любопытный факт: когда в годы Великой Отечественной войны северные вепсские деревни были оккупированы финляндскими войсками, финские учёные попытались нормировать северновепсский диалект по-своему и даже успели выпустить книжку «Vepsän opas» [Airila, Turunen, Rainio, 1945]. Эта книга сохранилась. Язык её текстов для чтения отличается от современного литературного вепсского[27].

В бесписьменный период вепсского языка он активно изучался учёными из Карелии. К числу важнейших трудов относятся «Образцы вепсской речи» [М. Зайцева, М. Муллонен, 1969], «Словарь вепсского языка» [М. Зайцева, М. Муллонен, 1972], «Грамматика вепсского языка» [М. Зайцева, 1981]. К этим книгам примыкает сборник «Vepsän rahvhan sarnad / Вепсские народные сказки» [Онегина, М. Зайцева, 1996]. В 2001 году в Финляндии на финском языке было издано продолжение грамматики М.И. Зайцевой – «Синтаксис вепсского языка» [M. Zaitseva, 2001].

Если с наличием современной ижорской литературной нормы ситуация не совсем ясна (появились учебные пособия, выучить язык по которым невозможно – [Чернявский], [Конькова, Дьячков, 2014], да существуют короткие надписи на «массовой» продукции (календари, раскраски, магнитики на холодильник, указатель в дер. Вистино), но при этом нет ни одного авторитетного большого текста, претендующего на литературность)[28], то карельский и вепсский письменные языки начали возрождаться в конце 1980-х гг.[29] Радетели

[26] Названия некоторых карельских республиканских министерств на табличках до сих пор написаны по-фински.

[27] Чем именно – это уже тема для отдельного исследования. Было бы любопытно также выявить отличия вепсского литературного языка 1930-х гг. от современного.

[28] Допускаем, что с выпуском осуществляемого нами перевода грамматики Юнуса 1936 года в виде полноценной книги ижорская литературная норма «оживёт» и в ней появится некий суррогат авторитетного текста или хотя бы свод правил, позволяющих «правильно» его создать. В статье [Рожанский, Маркус, 2013: 289] ижорский язык назван «экс-младописьменным».

[29] А литературный водский язык возник только в 2015 году с выходом цветной и красивой книги для чтения «Vad'd'a sõnakopittõja» с приложением краткого водско-русско-финско-эстонско-английского словаря авторства тартуского

и поборники карельского и вепсского языков поставили вопрос о восстановлении языков в правах, о разработке письменности, об их возврате в школы. Среди тех активистов была и Нина Григорьевна Зайцева. Документы, принятые в процессе восстановления вепсской письменности, собраны в толстом сборнике [Вепсы, 2007][30], см. также [Строгальщикова, 2015]. И вот, 20 апреля 1989 года Совет министров КАССР своим указом восстановил письменность малочисленного народа (этот день теперь отмечается в республике как День карельской и вепсской письменности)[31].

С тех пор вепсский письменный язык бурно развивается (хотя, по мнению И. Бродского, преподавателя вепсского языка в РГПУ им. Герцена, он развивается неверно, так как, по его же мнению, вепсский письменный язык слишком далёк от своих диалектов, и это усугубляет судьбу «настоящего» диалектного вепсского языка; кроме того,

---

профессора Хейнике Хейнсоо ([Heinsoo, 2015]), но это событие не получило широкой известности в России. В 2016 году вышло исправленное издание [Heinsoo, 2016].

[30] Не могу не обратить внимание, что, судя по документам из этого сборника, первоначально вепсскую письменность было решено воссоздавать на основе кириллической графики.

[31] Утверждены были сразу два варианта алфавита – на латинской и на кириллической основе. Сразу появились буквари: латинический [Zaiceva, Mullonen, 1991] и кириллический [Максимова, Коттина, 1992]. Но вся дальнейшая печать развивалась только на латинской графике (как причины этого могу предположить стремление не разорвать «прибалтийско-финское» письменное поле, так как имеются близкородственные финский и эстонский языки с графикой на латинской основе, а также графическую преемственность с первой письменностью 1930-х гг. и фонетической транскрипцией, от которой вепсский алфавит унаследовал даже «странный» порядок букв, по которому располагались слова в диалектном словаре [М. Зайцева, М. Муллонен, 1972] (его конец: S Š Z Ž T U V Ü Ä Ö). См. также [Зайцева, 2006: 126 – 127], [Konošenko, 2016]. Новый закон, утверждающий только латинскую письменность карельского и вепсского языков, был принят Правительством Республики Карелия только в 2007 году. В целях показать возможность функционирования вепсского языка на кириллице, автор в 2012 – 2014 гг. разработал собственную систему записи вепсских слов кириллицей и работал над сайтами «Вепсская Викия» и «ВВИКП», где её применял. В 2013 году он (то есть, я) с позволения вепсского поэта Н.В. Абрамова (1961 – 2016) даже выпустил кириллический сборник его стихов [Абрамов, 2013], но справедливости ради надо сказать, что этот факт был неоднозначно воспринят вепсской интеллигенцией.

словари современного вепсского литературного языка переполняются ненужными и, откровенно говоря, иногда неудачными неологизмами, что отдаляет письменный язык от его целевых носителей[32]).

С 1993 года существует газета «Kodima» на вепсском языке (нынешний редактор – И. Сотникова; часть материалов печатается по-русски), одной из целей её существования провозглашается использование и развитие младописьменного вепсского языка. Раз в квартал выходит вепсский номер детского журнала «Kipinä», а раз в год (с 2012 г.) – литературный альманах «Verez tullei». Ведутся радио- и телепередачи (на радио – канал «Kodirandaine», ведущая Л. Смолина (Чиркова), на телевидении – новостные телесюжеты в составе национальной программы «Viestit – Karjala» на местном отделении канала «Россия-1»[33], вепсские выпуски программы «Omin silmin» и самостоятельные (нециклические) передачи на том же канале, репортёр и ведущая М. Филатова). Л. Смолина и В. Славов снимают вепсские документальные фильмы и распространяют их на дисках («Živatad vepsläižiden elos» («Животные в жизни вепсов», 2008 г.), «Vepsläižen kodin südäin» («Сердце вепсского дома», 2012 г.), «Sel'ktas vedes kala kokib» («В чистой воде рыба клюёт», 2014 г.), «Paimniden torvut» («Пастуший рожок», 2015 г.); см. также [Чиркова, 2016]). В 2016 г. также на дисках выпущена серия из шести видеоуроков вепсского языка, о которых много говорят в вепсской прессе (доступны также и в Интернете)[34]. С 2012 года существует Вепсская Википедия (в её наполнении в первое время существования проекта участвовали петербуржцы И. Бродский, А. Щенников, автор этих строк и Т. Устинова из Краснодара).

---

[32] С тезисом про неудачные неологизмы соглашаюсь и я: например, абсолютно непонятно, зачем глобус нужно называть *mäčkart* 'букв.: мяч-карта', маникюр – *künz'mask* 'букв.: ноготь-маска', а компьютер – *tedomašin* 'букв.: знание-машина' (примеры позаимствованы из [Бродский, 2009a]). Но острой проблемой это, на мой взгляд, не становится, так как часто встречающиеся в СМИ неологизмы носитель языка, интересующийся своим языком, сможет запомнить, а о редких просто не узнает, если не будет закапываться в словари и бюллетени термино-орфографической комиссии (напр., [Školvaihišt, 2015]).

[33] Забавно, что в переведённом на русский язык развёрнутом отчёте по вепсскому языку [ELDIA (рус.), 2013: 54] можно прочитать, что «На *Первом канале России* один раз в неделю выпускается телевизионная программа Omin silmin, продолжительность которой 55 минут».

[34] Серьёзно заниматься языком с ними, конечно же, невозможно, но поразвлечься вполне сойдёт. Сейчас уже готова вторая часть, состоящая из пяти видеоуроков.

Издаются книги – все под редакцией и присмотром Нины Григорьевны Зайцевой[35]. Сама Нина Григорьевна – доктор филологических наук, заведующая сектором языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, создатель вепсской литературной нормы и грамматик младописьменного вепсского языка на вепсском языке, переводчик на вепсский язык Калевалы (2003), Нового Завета (2006), Псалтыри (2012), Книги притчей Соломоновых (2016), автор стихотворных сборников «Vauktan unen süles» и «Izo Lizoi», вепсского эпоса «Virantanaz» (2012), составитель многочисленных словарей, редактор букварей и учебников, руководитель научных проектов (в числе которых Корпус вепсского языка и Лингвистический атлас вепсского языка). Её по праву называют матерью письменного вепсского языка[36].

1.3.2. Степень литературности вепсского языка. Существующие описания вепсского синтаксиса

Исследования малых языков в целом обычно строятся на материале живой речи, либо записанной самим исследователем, либо опубликованной в виде сборников текстов его предшественниками. Лишь в редких случаях исследователи обращаются к малому языку в его письменной форме (несмотря на то, что языков, совсем не имевших и не имеющих никакой письменности, в современной России, пожалуй, немного[37]). Не оценивая, хорошо это или плохо, в

[35] [Бродский, 2009: 234] сообщает, что в число изданий, которые редактирует Нина Григорьевна Зайцева, входит и периодика. Однако на мой взгляд, сейчас в газете порой встречаются такие ошибки, которые Нина Григорьевна бы не допустила. Вероятно, когда она состояла редактором газеты, качество языка в ней было лучше.

[36] *Vepsän kirjkelen mamoi* – подпись под фотографией Н.Г. Зайцевой в [Kodima, №5, 2016]). Так её называют даже и в научных статьях: см., напр., [Родионова, Чикина, 2016: 25].

[37] На водском языке первая книга вышла в 2015 году [Heinsoo, 2015], на ижорском существует целая грамматика [Junus, 1936] и некоторые другие объёмные издания 1930-х гг. (напр., учебники естествознания). На языках народов Севера, судя по наличной информации, спорадически публикуются национальные страницы в местных газетах (напр., «Таймыр», «Абориген Камчатки», «Крайний Север»). Фактически бесписьменными остаются многие малые языки Дагестана, но, судя по [Атаев, 2015], они могут пользоваться аварским алфавитом, и поэтому «создание письменности для андо-цезских этносов не представляет сегодня теоретической проблемы, а переносится только лишь в плоскость решения сугубо практических вопросов».

нашей работе мы анализируем вепсский язык именно в его письменной, нормативной форме, лишь изредка привлекая диалектный материал.

Письменный статус вепсского языка сегодня не вызывает сомнений. Согласно предложенной автором методике расчёта индекса литературности языков на основе критериев витальности по документу ЮНЕСКО, цитируемому в [Агранат, 2014], и критериев литературности по [Вахтин, Головко, 2004] в наложении друг на друга, вепсский язык получает 6,42 балла из 25 (примерно столько же получают и основные карельские наречия), что для малого языка представляется значительным[38].

Небольшие разделы по синтаксису письменного вепсского языка представлены в учебных изданиях [Zaiceva, 2003], [Бродский, 2008]. Материалом же для более обстоятельных синтаксических исследований вепсского языка [Kettunen, 1943][39], [Zaitseva, 2001], [Иванова, 2014] служит диалектная речь. Опишем вкратце два последних.

Труд Марии Ивановны Зайцевой «Vepsän kielen lauseoppia» («Синтаксис вепсского языка»), как указано в предисловии, является закономерным продолжением её описания фонетики и морфологии в [М. Зайцева, 1981]. Но в СССР и в России его выпустить не удалось (вероятно, из-за общего кризиса 1990-х гг.), и его выпустили в Финляндии – в качестве одного из номеров финноугроведческого периодического издания «Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia» и в переводе на финский язык. Из-за этого в России данный труд, фактически являющийся зарубежной журнальной публикацией, малодоступен и малоизвестен.

Описание синтаксиса вепсского языка, предлагаемое М.И. Зайцевой, построено на структурном методе и тем самым очень напоминает структурные схемы из отечественных трудов по русскому синтаксису, предлагаемые в [АГ, 1970] [РГ, 1980], [Белошапкова, 1989], которые изучаются только в высшей школе[40]. В работе [Zaitseva, 2001] три главы: «Lausekkeet» ‘Словосочетания’, «Yksinkertainen

[38] Расчёты приведены в [Кузнецов, 2017], статье, написанной к студенческой конференции в СПбГУ 2017 г.

[39] Этот труд на самом деле касается и вопросов морфологии.

[40] В синтаксическом разделе школьной грамматики [Zaiceva, 2003] никаких структурных схем, конечно же, нет, так же как их нет и в школьных учебниках русского языка.

lause» ‘Простое предложение’ и «Yhdyslause» ‘Сложное предложение’. В каждой из этих рубрик выделяются структурные типы: около 100 типов словосочетаний, около 170 – простых предложений и около 100 – сложных предложений. Примеры структурных типов (три на типы словосочетаний и по пять на типы предложений)[41]:

Словосочетания:

V N+elat (глагол и имя в элативе, с. 29):

läžegata vilуspei ‘заболеть от холода’, *nagrda ilospei* ‘смеяться от счастья’, *paštta liib rugižd’ouhospei* ‘печь хлеб из ржаной муки’

V N_1+ngp N_2+gen kaut (глагол, имя в одном из объектных падежей (номинатив, генитив или партитив) и второе имя в генитиве с послелогом kaut, с. 37):

kucta susedad nimen kaut ‘звать соседа по имени’

N_1+nom N_2+ill (имя в номинативе и имя в иллативе, с. 59):

dengad svad’bha ‘деньги на свадьбу’, *l’ekarstvon rüghe* ‘лекарство от кашля’[42] (по [Kettunen, 1943]), *riig polhe siinha* ‘дыра в полстены’.

(отмечается русское происхождение данной конструкции).

Простые предложения:

N+nom V (имя в номинативе и глагол[43], с. 79)

lumi sulab ‘снег тает’, *kana kakatab* ‘курица квохчет’, *tullii puhub* ‘ветер дует’

N_1+nom V A+nom (имя в номинативе, глагол и прилагательное в номинативе, с. 82)

vezi om läm ‘вода тёплая’, *kevaz’ liinob vilu* ‘весна будет холодная’, *uk oli pagižlüu* ‘дед был разговорчив’

---

[41] В транскрипционной записи оригинала.

[42] Здесь значение целевое, в противопоставление причинному значению элатива (выше).

[43] $N_1 – V_{fin}$ («эн один вербум финитум») по [РГ, 1980]. Универсальная конструкция, представленная в любом языке.

N_1+nom V N_2+ngp A+ess (имя в номинативе, глагол, второе имя в одном из объектных падежей и прилагательное в эссиве, с. 92)

emäg pidab pertin puhthan ‘хозяйка держит избу чистой’

N_1+nom V N_2+gen sijas N_3+ngp (имя в номинативе, глагол, второе имя в генитиве с послелогом *sijas* и третье имя в одном из объектных падежей, с. 97)

tat oigenz’ poigan sijas tütren ‘отец отправил вместо сына дочь’

N_1+nom V N_2+part V+maha (имя в номинативе, глагол, второе имя в партитиве и глагол в иллативной форме III инфинитива)

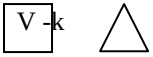
mam openz’ miid kezerdamha ‘мама научила нас прясть’

Сложные предложения[44]:

Сложноподчинённые:

(с. 119)

*koir kaccub, **kutbį** vargastada lihä* ‘собака смотрит, **как бы** украсть мясо’[45]



(с. 121)

*en teda, om**įk** uks’ avein* ‘не знаю, открыта **ли** дверь’, *tahtįižen tedištada, tuлdaze**k** homen adivod* ‘[я] хотел бы знать, придут **ли** завтра

[44] Сначала в книге (или в журнале?) приводятся схемы для сложноподчинённых предложений, а только потом – для сложносочинённых.

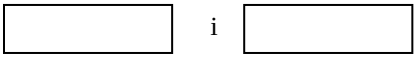
[45] į передаёт звук [ы], в литературном языке не использующийся. Из литературных (в нелингвистическом смысле) текстов с применением этой буквы, передающей диалектный звук, несколько лет назад в журнале «Verez tullei» были напечатаны мемуары Рюрика Лонина. В [Zaitseva, 2001] этот графический знак выглядит как і с дужкой снизу (такой: ї), в мемуарах Рюрика Лонина – как здесь, как і с диакритическим знаком «огонэк» (как в польских буквах **ą** и **ę**, обозначающих носовые гласные; такой же знак применяется в литовском алфавите).

гости’, *mindei küzutihe, lähteņ**ik** mecha* ‘у меня спросили, пойду **ли** [я] в лес’[46]

(с. 123)

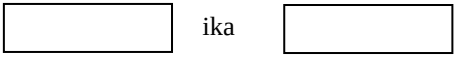
pertiš redud om severz’, rounoku nedališ iilä lavad pihktud ‘в доме грязи столько, как будто пол неделю не подметали’[47]

Сложносочинённые:



(с. 137)

*лaps’ päivan ii voikab **i** ön magadab* ‘ребёнок днём не плачет **и** ночью спит’[48]



(с. 140)

*ala mäne jäniš kod’he, **ika** reboi sindeiž söb* ‘не ходи, заяц, в дом, **а то** лиса тебя съест (фольк.)’

Ещё один крупный труд по вепсскому синтаксису – «Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского

[46] -k – это вопросительная частица, использующаяся также при присоединении косвенно-вопросительных придаточных. В письменном языке пишется через дефис, в исконной системе выступает в двух вариантах: -ik (после согласных; как -ịk в примерах их [Zaitseva, 2001] она передаётся, чтобы показать несмягчение предшествующего согласного) и -k (после гласных). По [Бродский, 2008] и [Бродский, 2009: 238], такое распределение должно сохраняться, но в письменных текстах последнего времени употребляется только *-ik*. *Tedaba-**ik** nügüdläižed lapsed, mi om enzne besed?* ‘Знают ли современные дети, что такое прежняя бесёда?’ [Kodima, №3 (276), 2016: 1].

[47] rounoku – полукалька-полузаимствование русского *равно как*.

[48] Подобные предложения в русской филологии считаются простыми, осложнёнными однородными сказуемыми (по традиционной, «школьной» трактовке), а в финской – сложными с элиминированным подлежащим во второй части (так же и по [Kolomainen, 2005]).

диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками)», защищённая в 2014 г. кандидатская диссертация новосибирской исследовательницы Г.П. Ивановой, занимающейся исследованиями вепсского языка в Сибири. Полипредикативные конструкции исследуются в работе в русле традиций новосибирской синтаксической школы (само понятие полипредикативной конструкции разработано в [Черемисина, 1979]). Работа базируется на собранном автором от сибирских вепсов языковом материале, обосновывается необходимость выделения отдельного сибирского говора вепсского языка ввиду отличий от «материнского» для него пондальского говора. К полипредикативным конструкциям вепсского языка причисляются конструкции с зависимыми инфинитивами и инфинитивными оборотами (первым (основным), вторым (деепричастным) и третьим (склоняемым)), конструкции с зависимыми причастиями и причастными оборотами (монофинитные полипредикативные конструкции), а также сложные предложения – бессоюзные, сложносочинённые и сложноподчинённые (бифинитные). Те же самые конструкции классифицируются по грамматической семантике. Для сопоставления привлекаются данные других прибалтийско-финских языков: финского, эстонского, карельского, водского. Работу в целом стоит признать весьма ценной, так как она анализирует наиболее сложные конструкции синтаксиса диалектного вепсского предложения с необычной точки зрения, применяя к ним теорию полипредикации и объединяя тем самым в одну категорию все синтаксические конструкции, предполагающие заполнение двумя глагольными формами[49].

[49] В традиционном русском синтаксисе (если применять его терминологический аппарат по отношению к вепсскому языку с дополнениями для описания конструкций, не существующих в русском языке) конструкции, подводящиеся работой [Иванова, 2014] под категорию полипредикативных, оказываются в абсолютно разных синтаксических рубриках: они будут находиться в составе предложений и простых (конструкции с одиночным зависимым инфинитивом), и простых осложнённых (конструкции с инфинитивными и причастными оборотами; однородные сказуемые), и сложных всех типов.

1.3.3. Репертуар текстов на современном письменном вепсском языке

Количество текстов, которые написаны и будут написаны на вепсском языке в общем объёме современной российской культуры письменных текстов, конечно же, невелико: их объём в тысячи раз меньше, чем объём текстов, создающихся на русском языке и других языках народов России. В то же время, если сравнивать текстуальный объём письменной вепсской культуры с количеством текстов, создающихся на других языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (речь идёт именно о текстах, являющихся принадлежностью национальной культуры соответствующего народа; таким образом, научные издания, такие как сборники текстов и фиксации памятников фольклора, в эту категорию входить не будут), то окажется, что вепсский язык можно смело поставить на первое место в пределах описываемой группы языков (опять-таки, если не брать в расчёт «крупные» северные языки вроде якутского или ненецкого): ни на одном другом малочисленном «северном» языке такого объёма культурных текстов не существует.

Какие же тексты существуют в рамках современной письменной вепсской культуры? Их можно разбить на следующие группы:

- газетные (публицистические) тексты;
- религиозные (православные) тексты;
- фольклорные тексты (сказки);
- учебные тексты;
- художественные тексты;
- энциклопедические тексты;
- официальные тексты.

Опишем вкратце каждую из этих групп.

Категория ***газетных текстов*** представлена единственной в стране и мире газетой на вепсском языке – это газета «Kodima», издающаяся силами национального издательства «Периодика» в г. Петрозаводске раз в месяц. Газета выходит на 8 страницах, в большинстве номеров 6 страниц отдано материалам на вепсском языке, 2 – материалам на русском. Тематика текстов в основном представлена рассказами и репортажами о разных мероприятиях, национальных и не только (праздниках, культурных вечерах, спортивных соревнованиях и т. п.), проходящих в самом

Петрозаводске и вепсских сёлах Прионежского района Республики Карелия (Шёлтозеро, Рыбрека, Шокша и др.). Также публикуются статьи молодых представителей вепсской интеллигенции об их поездках на конференции, семинары, участии в различных форумах. Много статей бывает посвящено Шелтозерскому этнографическому музею им. Р.П. Лонина. Часто поднимается проблема использования вепсского языка в современной жизни. Общественно-политическая тема ограничивается статьями о собраниях Общества вепсской культуры Карелии и иных собраниях местного масштаба. Иногда публикуются и небольшие художественные произведения – в последнее время небольшие сказки и переводные рассказы, интервью с интересными людьми. Жизнь вепсов Ленинградской и Вологодской областей газета практически не затрагивает, также не бывает никаких статей о событиях в России и мире[50], которые могли бы сделать содержание газеты более разнообразным и привлечь к ней внимание большего количества людей.

Религиозные (православные) тексты – это то, с чего началась жизнь современного вепсского письменного языка[51], так как самым первым изданием на нём стала книжка «Iisusan elo» 1991 г., переведённая краеведом, создателем музея и энтузиастом вепсского края Р.П. Лониным (1930 – 2009) (см. [Зайцева, 2011: 81 – 82], [Лааксо, 2011]). В последствии на вепсском языке при содействии Института перевода Библии (Стокгольм)[52] появились все четыре евангелия ([Mark, 1992], [Joann, 1993], [Luka, 1996], [Matvei, 1998]), Деяния Апостолов ([Apostoliden tegod, 1999]) и, наконец, весь Новый Завет [Uz' Zavet, 2006][53]. Главный переводчик библейских текстов – Н.Г. Зайцева. В 2012 году из-под её переводческого пера вышла Псалтырь ([Psalmoiden kirj, 2012]), в 2016 – Книга притчей Соломоновых ([Solomonan muštatišiden kirj, 2016][54]).

Изданий ***сказок*** на вепсском языке не так много. Основное издание – это книга Н.Ф. Онегиной и М.И. Зайцевой «Vepsän rahvhan

[50] И поэтому читатели газеты «Kodima» даже не узнали, кто победил на прошедших президентских выборах.

[51] Потому что «В начале было Слово».

[52] Его финно-угорское отделение базируется в г. Хельсинки.

[53] На вепсском языке была выпущена также и «Детская Библия»: [Lapsiden Biblii, 1996].

[54] На обложке почему-то ошибочно написано «Solomonan muštatiš**e**den kirj».

sarnad» («Сказки вепсского народа») 1996 г., но записи сказок в ней сохраняют диалектные особенности рассказчиков (что ценно для изучения диалектологии). Существуют и более поздние издания вепсских сказок, например [Vepsänman sarnad, 2006] («Сказки Вепсской земли») [55] и [Ičein sil'mil nägin, 2012].

Основной ***учебный текст*** на вепсском языке – грамматика вепсского языка для 5-х – 9-х классов 2003 г. авторства Н.Г. Зайцевой. Существуют учебники и для начальных классов (но при этом не всегда понятно, представляется ли вепсский язык в них как родной или неродной для изучающих его детей; детей с родным вепсским языком сейчас, в общем, нет), есть также книга для чтения «Pagižem vepsäks» ([Petrova, Haritonova, 2016]).

Художественные тексты, то есть по сути литература на вепсском языке, тоже довольно малочисленны по сравнению с крупными языками России и многочисленны по сравнению с малыми[56]. Первым вепсским поэтом по праву признаётся Н.В. Абрамов (1961 – 2016): именно его маленький сборник стихов «Koumekümne koume» («Тридцать три», [Abramov, 1994]) стал первым художественным изданием на младописьменном вепсском языке. Далее последовали сборники «Kurgiden aig» («Время журавлей», [Abramov, 1998]), «Pagiškam, vel'l'» («Поговорим, брат», [Abramov, 2005]). Стихи из этих трёх сборников были перепечатаны автором этих строк на кириллице в книге «Оять-ёген рандал…» («На берегу реки Оять», [Абрамов, 2013]). Жемчужиной вепсской литературы по праву следует признать стихотворный авторский эпос Н.Г. Зайцевой «Virantanaz» (примерно можно перевести как «Двор Вира», [Zaiceva, 2012])[57]. Упомянем также роман И. Бродского «Kalarand» («Рыбный берег», [Brodski, 2002]), поэзию А. Андреевой ([Andrejeva, 2003]), М. Башнина ([Bašnin, 2003]), В. Лебедевой ([Lebedeva, 2012]) и мою.

[55] В этой небольшой книжке опубликовано 8 сказок и некоторое количество пословиц из первого научного труда по вепсскому языку [Lönnrot, 1853], переложенных Н.Г. Зайцевой на современный письменный вепсский язык

[56] Не сбылись слова венгерского литературоведа П. Домокоша о том, что «о вепсской литературе можно говорить только в прошедшем времени»! ([Домокош, 1993: 44 – 45], цит. по [Чикина, 2012: 119]).

[57] У Н.Г. Зайцевой также есть и два сборника стихов: «Izo Lizoi» («Милая Лиза», [Zaiceva, 2005]) и «Vauktan unen süles» («В объятиях бессонницы», [Zaiceva, 2008]).

Из наиболее значимых переводных художественных текстов на вепсском языке следует отметить «Калевалу» в переводе Н.Г. Зайцевой ([Kalevala, 2003]), рассматриваемый нами в этой работе текст повести В.А. Пулькина «Азбука детства» в переводе Н.Г. Зайцевой и М.Б. Гиниятуллиной (переводился в 1990-е). Немало переводных рассказов публикуется в альманахе «Verez tullei».

Энциклопедические тексты на вепсском языке представлены статьями в Вепсской Википедии (vep.wikipedia.org). Поскольку эти тексты не проходят редакцию, к их качеству следует относиться очень осторожно[58]. Раздел на вепсском языке был открыт 1 февраля 2012 года[59], первое время в его наполнении участвовал и автор этих строк, сейчас же там трудится какой-то неизвестный мне человек. Многие из статей очень короткие (содержат по нескольку предложений или даже по одному), но участниками проекта был создан и целый ряд довольно представительных статей, см., напр., статью о китайском императоре Цинь Ши-хуанди или статью об ингерманландских финнах.

И наконец, ***официальные тексты*** – это документы, переведённые на вепсский язык. Переводами таких текстов занимается преподаватель вепсского языка в ПетрГУ О.Ю. Жукова. В числе её переводов следует назвать переводы Всеобщей декларации прав человека, Всеобщей декларации прав коренных народов и отчёта по международному проекту социолингвистического описания языков меньшинств Европы ELDIA.

1.3.4. Стилистика различных вепсских текстов и стилистическое разнообразие калек

Говорить о стилистике различных вепсских текстов довольно трудно, так как в младописьменных языках стилевые различия не наблюдаются с такой степенью отчётливости, как в русском, но некоторые положения в этой области наметить всё-таки можно. Так, исходя из репертуара вепсских текстов, описанного в предыдущем разделе, можно выделить следующие стили:

[58] Об одной конструкции, не встречающейся больше нигде, будет рассказано в разделе про III инфинитив.

[59] А раздел на карельском языке был открыт только в 2016 году.

- газетный (публицистический);
- религиозный;
- фольклорный;
- учебный;
- художественный;
- энциклопедический;
- официально-документальный.

Заметим, что отдельного разговорного стиля здесь нет, так как в основном устная вепсская речь – это диалектная речь сельских жителей, которая не может быть приравнена к рассматриваемому нами письменному вепсскому языку. Устная речь на нормативном вепсском, как мы уже упоминали выше, бывает представлена в основном на занятиях в школах и вузах – а это не может считаться естественной ситуацией общения[60]. В устной речи журналистов и людей, у которых они берут интервью, никаких решающих отличий от публицистического стиля, по-видимому, нет (исключая отсутствие сложных для устной речи конструкций и возможную её общую неустроенность). В целом можно признать, что полноценной устной формы нормативного вепсского, по-видимому, не сформировалось – и поэтому, как пишет [Бурыкин, 2002], понятия *литературный* (=стандартизованный) и *письменный язык* становятся синонимами. Даже сами журналисты, работающие с вепсским языком, не очень готовы общаться по-вепсски друг с другом[61]. А я всегда готов!

Здесь мы имеем возможность наметить только в самых общих чертах особенности разных выделенных нами стилей. Но поскольку вепсский язык находится в состоянии контакта с русским с

[60] Даже в видеоуроках вепсского языка с их «живыми диалогами», для которых специально привлекали людей, знающих нормативный вепсский язык (в т. ч. и школьников), и записывали их на камеру, эти диалоги выглядят настолько неестественно, что сразу вспоминается выпуск киножурнала «Ералаш», где мальчик с искусственной улыбкой до ушей говорит перед камерой: «Я так люблю ходить в школу!»

[61] Вспоминаю ситуацию, как однажды я позвонил в редакцию газеты «Kodima», чтобы спросить, почему мне перестали присылать оплаченные газеты (это несмотря на то, что на последней полосе всех номеров там написано: *Lehtez jagatas ilma maksuta* ‘Газета распространяется бесплатно’) и задал вопрос на вепсском языке, произнеся красивую и длинную фразу. Поднявшая трубку журналистка всё поняла, но сразу же перешла на русский язык.

незапамятных времён (даже в знаменитой Повести временных лет сказано: «*Рѣша руси чюдь, и словѣни, и кривичи, и* ***вси****: «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ; да и поидѣте княжитъ и володѣти нами*»[62] [ПВЛ, цит по Гудзий, 1952: 7]), а письменная форма вепсского языка оказывается очень зависима от русских средств выражения грамматических значений, что в полной мере будет продемонстрировано в практической главе нашей работы, то с полной уверенностью можно сказать, что «лицо» каждого из стилей вепсского языка определяют именно те или иные кальки с русских конструкций, в одних стилях одни, в других – другие.

Так, в ***газетном стиле*** вепсского языка широко распространены конструкции *pidab sanuda, miše* и *tarbiž sanuda, miše* (обе значат ‘нужно сказать, что’), причём употребляются они намного чаще, чем в аналогичных русских текстах (в 12 газетах за 2017 г. *pidab sanuda* – 17 раз, *tarbiž sanuda* –18). Часто встречается общественно-политическая лексика и неологизмы (часто это одни и те же слова, напр.: *azjtego* ‘мероприятие’, *kehitoitand* ‘развитие’, *ühthižrad* ‘сотрудничество’, *voibištelend* ‘соревнование’, *valičused* ‘выборы’), но их повторяемость всё-таки обеспечивает понимание текста. Сложные морфологические формы (напр., II и III инфинитивы) и синтаксические конструкции редки, вместо них обычно используются другие формы. В целом этот стиль достаточно прост для понимания – но только для тех, кто знаком именно с письменной формой языка.

Религиозный стиль – в своей основе переводной – сложнее газетного, но проще аналогичного русского и тем более церковнославянского языка. Неподготовленному носителю русского языка понимать церковнославянский или даже синодальный библейский текст намного сложнее, чем знатоку вепсского письменного языка читать вепсский Новый Завет. В отличие от древних переводчиков библейских текстов с греческого на славянский, Н.Г. Зайцева стремилась передавать смысл текста, а не его формальное строение, при этом делать это она стремилась как можно проще, ведь Слово Божье должно быть понятно на любом языке каждому человеку. Она могла разбивать сложное предложение на несколько простых, делать более прозрачным для понимания порядок слов, но при этом использовала некоторые редкие морфологические формы, чтобы в

[62] «Вси» и «чюдь» – это весь и чудь, средневековые племена, являвшиеся непосредственными историческими предшественниками вепсского народа. См. [Строгальщикова, 2014: 7], [Кочкуркина, 2006], о финно-угорских племенах в составе Древней Руси – одноимённую книгу [Рябинин, 1997].

своих переводах отразить всё богатство вепсского письменного языка. Поэтому текст вепсского Нового Завета можно считать наиболее грамматически представительным и даже образцовым среди текстов на современном вепсском языке.

Фольклорный стиль – это в первую очередь язык сказок. Так же, как и в русском языке, для него характерно широкое употребление союзов и частиц (***A*** *kozeine se* ***i*** *kuulišt'* '**А** козочка **и** услыхала'), вынесение сказуемого в начало предложения (*Zavottihe siid eläda, emag da ižand hiväd* 'Начали они тут жить. Хозяин и хозяйка очень хорошие'), разнообразные формулы (*eletaze hö eletaze* 'Живут они, живут'), устойчивые выражения (*No, kel' Kijevaha vöb* 'Ну, язык до Киева доведёт') и др[63].

Учебный стиль в основном представлен текстами для детского чтения, написанными предельно просто и на самые незатейливые темы (см., напр., [Petrova, Haritonova, 2016]). Но метатекст грамматики [Zaiceva, 2003], в отличие от таких текстов для чтения, сам иногда содержит некоторые сложные формы и конструкции, напр.:

Infinitivan elativform ozutab, miše ken-se lähtleb miččespäi-se tegendaspäi, kudambad tehmas oli olnu (с. 126).

Примерно можно перевести как «Элативная форма [III] инфинитива показывает, что кто-то выходит из какого-либо действия, в совершении которого только что находился»[64]. Здесь тебе и инессивная форма III инфинитива (*tehmas*), и активный плюсквамперфект (*oli olnu*) в одном предложении.

Художественный стиль вепсского языка – явление такое же многогранное, как и сами художественные тексты. Оставляя в стороне особенности вепсской поэзии[65], скажем, что для прозы характерно

[63] Примеры – из первой сказки «Niičukeine i kozeine» («Девочка и козочка») сборника «Vepsän rahvhan sarnad» 1996 г. Сказки записаны с сохранением диалектных особенностей, но важность этого источника позволяет отнести его к кругу текстов современной вепсской культуры.

[64] Тяжело бывает вразумительно переводить грамматические тексты, описывающие какой-либо язык, с самого этого языка, так как грамматическое описание языка в такой ситуации (то есть когда описывающий и описываемый языки совпадают) подчас оказывается от этого языка очень зависимо. Я, как переводчик ижорской грамматики [Junus, 1936], знаю это не понаслышке.

[65] Хотя рифма в некоторых вепсских стихах, наследующих исконной прибалтийско-финской калевальской традиции, оказывается устроена абсолютно по-другому, чем в русских.

движение от простой имитации народной речи (см. перевод повести В. Пулькина, сделанный ещё в 1990-е) к более сложным формам, к более сложным предложениям (см. текст «Kalarand» И. Бродского 2002 г.) [Бродский, 2008: 316 – 317]. Часто в художественных текстах используются редкие слова, обозначающие различные предметы, качества или чувства, которых не встретишь в прессе.

Энциклопедический стиль совершенно отчётливо пытается копировать русские формы выражения, но часто делается от этого трудно понятным. В нём неизбежно используется много неологизмов и сложных синтаксических конструкций, а в большом количестве они делают текст слишком затруднённым.

То же в ещё большей степени касается и ***официально-документального*** стиля, представленного переводами Всеобщей декларации прав человека и Всеобщей декларации о правах коренных народов ООН, а также отчётом по проекту ELDIA, выполненными О.Ю. Жуковой. Для этого стиля очень характерны однородные члены предложения, сложные синтаксические конструкции (деепричастные обороты, сложноподчинённые предложения), текстуальные повторы в разных частях текста[66].

1.3.5. Подробнее об источниках: текст повести В.А. Пулькина «Азбука детства»

Основными источниками нашей работы, как уже говорилось во введении, служат номера газеты «Kodima» за 2016 – 2018 гг., переводной текст повести В.А. Пулькина «Азбука детства» и текст вепсского Нового Завета. И поскольку о газете «Kodima» и о Новом Завете здесь ранее уже рассказывалось (уточним лишь, какие именно номера газеты были нам доступны: это №№ 274, 275, 276, 278, 281,

[66] Например, многие статьи в Декларации прав коренных народов начинаются со слов *Igähižil rahvahil om oiktuz'...* ‘У коренных народов есть право…’, а её преамбула представляет собой огромное предложение в несколько страниц, отдельные части которых единообразно начинаются с деепричастий и деепричастных оборотов (в вепсском – оборотов с инессивной формой II инфинитива) *ottes homaitusehe* ‘принимая во внимание’, *vahvištades* ‘признавая’ и *vahvištoittes* ‘подтверждая’, *holdudes* ‘заботясь’ и др. (всего таких частей, начинающихся с деепричастий, – 23 (!), к одной из них в переводе оказалось присоединено и отдельное предложение).

285, 286, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301[67]) скажем несколько слов и о третьем основном источнике.

Василий Андреевич Пулькин (1922 – 1986) – вепсский советский писатель, родом из деревни Нюрговичи. Участник Великой Отечественной войны, главным делом его жизни была работа учителем на вепсской земле[68]. В литературу пришёл довольно поздно: когда впервые в журнале «Север» была напечатана его главная повесть «Азбука детства» (№ 11 – 12 за 1981 г.), ему было уже 59 лет [Мишин, Строгальщикова, 2010]. Отдельной книгой «Азбука детства» вышла в 1983 году ([Пулькин, 1983]). Дальше последовали повести «Глубокие воды Корбярви» ([Пулькин, 1985]) и «Возвращение в сказку» ([Пулькин, 1986]) – [Čikina, 2017: 3]. Писатель не дожил до воссоздания вепсской письменности в конце 1980-х гг., все свои повести он писал по-русски. В 1994 – 1996 гг. переводы отдельных рассказов повести, выполненные Н.Г. Зайцевой, публиковались в газете «Kodima». В 2017 г., к 95-летию со дня рождения вепсского писателя, перевод текста повести (неполный) помещён в альманахе «Verez tullei».

В.А. Пулькина смело можно отнести к представителям соцреализма и так называемой «деревенской прозы» и тем самым поставить в один ряд с В.М. Шукшиным, В. Беловым, В.П. Астафьевым. Его повесть «Азбука детства» автобиографична: писатель показывает нам становление собственной личности с раннего детского возраста до начала работы учителем на фоне картин из вепсской деревенской жизни в советское время. Повесть не представляет собой непрерывного повествования, она разделена на ряд рассказов (всего их 21)[69]. И хотя основной интерес для нас представляет перевод этой повести на вепсский язык, её русский оригинал – тоже настоящий клад для филолога (особенно для русиста-диалектолога и литературоведа-нарратолога). Значительную часть

[67] Последний ошибочно пронумерован как №304, вероятно оттого, что являлся №4 в 2018 г.

[68] Несколько более подробно о его биографии, а также его библиографию см. в [Титова, 2016]. В целом стоит признать, что жизнь и творчество В.А. Пулькина почти не попадает в поле зрения литературоведов: даже на «всеобъемлющем» elibrary.ru обнаруживается всего две статьи о нём.

[69] Рассказы «Выстрел», «Долгий день» и «Курильщик» остались не переведены, также в переводе выпущены некоторые фрагменты и из некоторых других рассказов.

повести составляют рассказы о жизни, звучащие из уст самих героев, и их речь автор передаёт с неповторимым диалектным колоритом:

Пробирались с каторги когда, в вашей деревне остановились. На ночлег попросились в крайнюю избёнку. А в той избушке жила сиротка. Звали её Стеша. Глянулась ёна мне. Наутро, как в путь отправляться, подошёл я к ней, посмотрел в голубые, как вода в нашем озере в ясную вечернюю погоду, глаза, говорю: «Стеша, ежели ты не супротив, то я б остался у тебя за мужа. Ты, говорю, сиротка. Я тоже сирота. Может, сама судьба нам быть вместе?..» Ёна посмотрела в мой одинокий глаз. Улыбнулась. «Смотри, чтоб потом не жалел...» — отвечает. Ушёл товарищ, а я, значит, остался. С тех пор с ней и живём. Сам-то я родом из далёкой карельской деревни. Из-под Шомбозера. А оказался на берегу вепсского Капшозера. Вот так, в дружбе и согласии, карел с вепсом и живём... А тогда пожил я годик со Стешей и подался с мужиками на Белозерщину на заработки. Вернулся оттуда с деньгами да хлебом. Купили мы в тот год лошадёнку. На третий год построили домишко. Потом и детки пошли. Вот, Андрюша, как всё обстояло-те... <…>

Скажем, набедокурил мальчишка, учитель ему и говорит: «Поди к солдату, пусть ён тебя выпорет». Тот идёт. Куда ж деваться. Придёт, так, мол, и так. Ну, солдат его и выпорет, сколько велено... От такой работы какое хошь сердце закаменеет. Ай!.. Да бог с ним, с Никифором. Ты его в голову возьми, а из сердца выкинь. И вот почему, пойми. Скажем, закинул ты удочку. Тянешь, а на крючке — ёрш. Опять закидываешь — опять ершишко, ваше щетинство. Так ты за это на озеро не серчай. В ём ведь и судаки водятся. Вот о чём помнить надо! Так-те и в жизни, Андрюша. А жизнь — это ведь не озеро. Это ой какое море!..

[Пулькин, 1983: 70 – 71], восстановлены буквы Ё

При переводе на вепсский язык все эти северновеликорусские диалектные черты (*ён, ёна, в ём, обстояло-те* и др.), естественно, неизбежно теряются. Но интересно проследить, какими переводческими стратегиями пользуется переводчик.

Даже беглый анализ исходного текста и его перевода показывает, что текст переводится не буквально. Так же, как и при переводе Нового Завета, Н.Г. Зайцева стремится передать смысл предложения и только потом его разговорную окраску. Однако в переводе текста обнаруживается очень много лексико-семантических калек, многие из них используются как раз в речи персонажей (так могла бы выглядеть устная форма нормативного вепсского языка)[70]:

[70] О принципах представления материала читайте в начале практической главы. Здесь после фразы на вепсском указана страница в журнале 2017 г. ([**V**erez **t**ullei, 2017]), а после фразы на русском – в книге 1983 г. ([**П**улькин,

(1) Ant-kat vastuz, poiga-d, **pakiče-n Jumala-l** (VT:56)
Дать-IMP:2Pl ответ, сын-PL, **просить-1Sg Бог-AD**
Дайте ответ, сыновья, **прошу Богом**
Оригинал: «Отвечайте, сынки, **богом прошу**!» (П:100)

(2) Resta-n ezmäiž-i-d **sil'm-i-he put-tud** äniko-i-d (VT:60)
Рвать-1Sg первый-PL-PART **глаз-PL-ILL попасть-PRTPASS** цветок-PL-PART.
Рву первые **попавшиеся на глаза** цветы.
Оригинал: «Рву первые попавшиеся мне на глаза цветы» (П:109)

(3) Vaiše hän nügüd' **mahn-i käde-l** nec-he (VT:64)
Только он сейчас **махнуть-IMPF рука-AD** это-ILL
Только он сейчас **махнул рукой** на это.
Оригинал: «Но теперь он на это **махнул рукой**» (П:116)

(4) Nece mö kacuhta-m völ (VT:88)
Это мы взглянуть-1Pl ещё
Это мы ещё посмотрим.
Оригинал: «Это мы ещё поглядим» (П:131)

(5) Äjak opendaj-i-d vepsläiž-i-špäi om? **Ni-i-d voi-b sorm-i-l luge-da** (VT:91)
Много учитель-PL-PART вепс-PL-EL ESSE.3Sg? **Он(неод[2])-PL-PART можно-3Sg палец-PL-AD считать-INF**
Много ли учителей из вепсов? **Их можно по пальцам пересчитать**.
Оригинал: «Много ли учителей вышло из вепсов? **Раз, два… и всё вроде**» (П:136 – 137)

Во многих случаях переводчик (Н.Г. Зайцева или М.Б. Гиниятуллина) калькирует не употреблённую В.А. Пулькиным разговорную фразу, а какую-нибудь синонимичную ей, которую проще передать по-вепсски – как в предыдущем примере. Покажем ещё пару таких случаев:

1983)]. Если буквальный (обратный) перевод вепсской фразы полностью совпадает с фразой из оригинала, он не приводится.

6) Minä kacu-škande-n **kaht-he sil'mä-ha** (VT:90)
Я смотреть-FUT-1Sg **два-ILL глаз-ILL**
Я буду смотреть в оба (букв.: **в два глаза**)
Оригинал: «Я же с него **глаз не спущу**» (П:135)

(7) Mö **e-m te-koi se-n polhe da e-m tahtoi-goi-ki te-ta** (VT:86)
Мы **NEG-1Pl знать-PL это-GEN о и NEG-1Pl хотеть-PL-EMPH знать-INF**
Мы **не знаем об этом, да и не хотим знать** (ср. «**не знаю и знать не хочу**»)
Оригинал: «Андрюша, да нам **невдомёк, да и дела нет** до того» (П:128)

Нередко в вепсском переводе повести В.А. Пулькина встречаются и выражения, состоящие полностью (или практически полностью) из служебных слов (в. т. ч. местоимений и модальных слов), в большинстве случаев они также являются кальками:

(8) **Minä nece... kut-se** en meleta-nd tarkas se-n polhe (VT:86)
Я это… как-то NEG-1Sg думать-PRTACT внимательно то-GEN о
Я это… как-то не думал серьёзно об этом.
Оригинал: «**Я это**... особо **как-то** и не задумывался» (П:128)

(9) Kolhoza-d, **mičče-d mugoma-d** kolhoza-d oma? (VT:48)
Колхоз-PL, **какой-PL такой-PL** колхоз-PL ESSE.3Pl?
Оригинал: «Колхозы! **Какие такие** колхозы?» (П:85)

(10) Naku minä sinei (VT:37)
Вот я ты.ALL
Оригинал: «Вот я тебе!..» (П:57)

Но встречаются в переводе и комбинации служебных слов, не имеющие прямого соответствия в оригинале, они также могут калькировать синонимичную русскую конструкцию:

(11) Linne-b völ äi mi-dä! (VT:82)
ESSE.FUT-3Sg ещё много что-PART!
Будет ещё много чего!
Оригинал: «То-то ещё будет!» (П:118)

(12) Voi-b ol-da, hö ustavzoita-iži-ba mindai, ka nece ei ole hond, **muga minei tarbiž-ki** (VT:87)

Мочь-3Sg ESSE-INF, они наказать-COND-3Pl я.PART, да это NEG.3 ESSE плохо, **так я.ALL надо-EMPH**

Может быть, они наказали бы меня, ну да это не плохо, **так мне и надо.**

Оригинал: «Может, за спиленное-те, хошь и со спросом, дерево ёны бы меня и наказали, **и поделом**». (П:129)

Иногда можно найти даже целые модели предложений или их фрагментов (синтаксем), которые экспортируются в вепсский язык из русского (такие кальки мы назовём *синтаксическими фразеосхемами*):

(13) A minei **ei ole ilo-hosai** (VT:37)

А я.ALL **NEG.3 ESSE смех-TERM**

А мне **не до смеха**

Оригинал: «Остальные ребята смеются, а нам **не до смеха**». (П:58)

(копируется конструкция «не + до + род. п.», означающая невозможность уделить внимание объекту со стороны говорящего[71])

(14) Jakov Mihailovič, **märi-ta-se märičin**, a ved' paremb mec ei ole-nd teh-tud norma-n mödhe (VT:89)

Яков Михайлович, **мерить-INF-то мерить-IMPF-1Sg**, а ведь лучший лес NEG.3 ESSE-PRTACT делать-PRTPASS норма-GEN по

Яков Михайлович, **отмерить-то [я] отмерил**, а ведь лучший лес не был сделан по норме.

Оригинал: «Яков Михайлович, **принял-те я принял**, а ведь деловая у вас была не по норме...» (П:133)

(копируется конструкция «инфинитив + част. *mo* + (личн. мест.) + финитная форма», обозначающая сомнение говорящего в осуществлённом действии)

[71] В данном случае это можно посчитать калькой конкретно этого «предикативно-наречного» выражения *не до смеха*, но ещё есть пример *ei olend hänehesai* 'было не до него (до плачущего ребёнка в люльке)', ориг.: «В люльке не своим голосом кричал Сашка. Он, верно, давно плакал, но никто не обращал внимания. **Не до того было**». (27)

И даже в этом случае иногда русские вкрапления в вепсском синтаксисе появляются на том месте, где в оригинале полного соответствия им нет:

(15) Ka mi-dä sanu-d, **aka-d oma aka-d** (VT:64)
Да что-PART сказать-2Pl, **женщина-PL ESSE.3Pl женщина-PL**
Да что скажешь, **женщины есть женщины**.
Оригинал: «Одно слово, бабы». (П:116)

(копируется конструкция «X есть X», обозначающая подчёркивание говорящим негативных свойств объекта)

Таким образом, становится возможным проследить стратегии, использовавшиеся при переводе данного текста: предложения передаются по возможности не буквально (не формально), а по смыслу (по содержанию), но «недостающие» (или, точнее, трудно передаваемые) в вепсском языке смыслы, для которых не находится исконных средств выражения, передаются при помощи калек соответствующих русских конструкций и комбинаций служебных слов, в том числе иногда даже не присутствующих в самом оригинальном тексте, а синонимичных им. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что в переводах текстов на язык, не имеющий многовековой письменной и литературной традиции, неизбежно встречаются черты языка исходного текста, не характерные для живой речи на языке перевода[72], а поскольку практически любая письменная традиция на каком-либо языке начинается с перевода[73], то

[72] Что, в частности, очень заметно по старославянскому синтаксису, отдельные элементы которого были прямыми копиями с греческих средств выражения и не находили соответствия в живой славянской речи. Один из таких элементов – оборот «дательный самостоятельный» – дожил в русском языке аж до конца XVIII века, см. у Радищева: «**Едущу мне** из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила».

[73] Так, литературные традиции крупных национальных языков народов Европы нередко начинались с перевода Библии (ср. начало немецкой традиции с перевода Мартина Лютера и начало финской традиции с перевода Михаэля Агриколы в XVI веке). Славянская традиция, как известно, тоже началась с библейских переводов, осуществлявшихся свв. Кириллом и Мефодием ещё в IX веке. Как мы показали выше, современный вепсский письменный язык

поначалу молодой литературный язык оказывается очень зависим от чужеродных средств выражения[74].

1.3.6. Новый крупный перевод на вепсский язык

Автором данной работы в настоящее время готовится новый крупный перевод на вепсский язык – это будет перевод книги Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции», классического изложения древнегреческих мифов в русской (и шире – русскоязычной) культуре. Древнегреческая мифология, как известно, несла в себе очень мощный культурный заряд и определила внешний облик всей европейской культуры на долгие столетия и даже тысячелетия вперёд. По культурной значимости с греческими мифами можно сопоставить разве что христианские предания. Но христианские переводы на вепсский язык уже существуют, а с появлением мифов Древней Греции на вепсском языке у его знатоков появится возможность «впитать в себя» и эту «культурную струю» непосредственно, развивая при этом навык чтения и повышая уровень владения языком. Интерес к древнегреческим мифам и к вепсскому языку в этой работе слит воедино. Редактировать наши переводы текстов из книги Н.А. Куна любезно согласилась Н.Г. Зайцева, она отмечает их высокое качество. В процессе работы автору неизбежно приходится создавать собственные неологизмы, такие как *samaldusenlükäidai*[75] ‘громовержец’ (Зевс), *kuldkidžor* ‘златокудрый’ (Аполлон), *ruskedvauvhansormine* ‘розоперстая’ (Эос) и др., и тем самым практически создавать с нуля высокий слог художественного стиля вепсского языка. Ввиду сложности данных текстов,

---

тоже оказался в этом ряду: первым изданием на нём стала именно книжка «Iisusan elo», а потом появился и весь Новый Завет.

[74] С течением времени – правда для этого может быть нужно, чтобы прошло несколько веков, – литературный язык «демократизируется», избавляется от наиболее ярких чужеродных элементов, не находящих соответствия в живой речи. Но в условиях литературно-письменных норм малых языков, когда контакт с доминирующим в обществе языком не прекращается, а даже усиливается (в том числе и в плане вытеснения), такие чужеродные элементы могут прочно закрепиться в новом литературном языке и даже перейти в число конструкций устной речи.

[75] Первоначальный вариант – *samaldusenkandai*, букв.: «носитель молнии». Вариант *samaldusenlükäidai* (букв.: «бросатель молнии») подсказан Н.Г. Зайцевой.

использования множества малоизвестных слов и неочевидности многих действий и ситуаций в мире древнегреческой мифологии было принято решение снабжать каждую главу маленьким словариком. Образец такого переводного текста помещён в Приложении к настоящей работе.

2. Русские элементы в вепсском синтаксисе. Разбор конкретных черт

2.1. Предварительные разъяснения

Практическая глава работы, которую вы сейчас читаете, представляет собой отбор некоторых наиболее ярких синтаксических конструкций письменного вепсского языка и их анализ. Анализ проводится с целью выяснить, является ли та или иная конструкция исконной для прибалтийско-финской грамматической системы, или же она заимствована из русского языка, в чём проявляется прямое влияние русской синтаксической системы на вепсскую. Русское влияние также может быть и косвенным: при косвенном влиянии какая-либо исконная вепсская конструкция не замещается русской (как при прямом влиянии), а разрушается (см. раздел о послеложном согласовании), забывается (см. раздел об инессивной форме III инфинитива). Исконный характер той или иной конструкции по возможности проверяется данными финского языка: финский язык наиболее архаичен из всех близкородственных вепсскому, так как он имеет письменность с XVI века (азбука и переводы Михаэля Агриколы – [Братчикова, 2014]) и является национальным с XIX века (благодаря появлению эпоса «Калевала» Э. Лённрота [Братчикова, 2015]), а ведь известно, что языки, обладающие длительной письменной традицией, меняются медленнее (об этом говорит также и [Агранат, 2008], когда привлекает материал финского языка для сопоставления с водским). Как истинные патриоты своего Отечества, всецело поддерживающие нашего Президента, использовать мы будем отечественные издания по финскому языку: [Братчикова, 2010], [Кочергина, 2010], [Kolomainen, 2005], [Дубровина, 1972], [ГФЯ, 1958] – тем более, что именно отечественные издания, будучи написаны в России / СССР, негласно исходят из восприятия их русскоязычным человеком, поэтому они могут акцентировать внимание именно на тех особенностях финской грамматики, которым не находится соответствия в русской.

Вепсскоязычные и финноязычные примеры приводятся в формате трёхстрочной записи с глоссированным анализом. Первая строка – собственно само вепсское предложение, каждое слово в котором разобрано на основу (она всегда первая в слове) и морфологические показатели. Вторая строка – глоссированный анализ предложения: к основам вепсских и финских слов подбирается перевод на русский язык (при этом в сложных случаях используются словари [Бродский, 2016] и [ФРиРФС, 2009]), а морфологические показатели заменяются соответствующими им глоссами –

сокращёнными обозначениями морфологических категорий, которые эти показатели выражают. Список всех используемых (и неиспользуемых, предназначенных для обозначения редких категорий, не встретившихся в данной работе) глосс приводится в Приложении. Глоссируются только те категории, которые формально выражены (поэтому почти нигде – за исключением тех случаев, когда это надо показать специально, – не используются глоссы IND (изъявительное наклонение), PRAES (настоящее время), NOM (именительный падеж) и SG (единственное число)). В случае, когда один показатель выражает сразу несколько значений, эти значения в строке глоссированного анализа отделяются друг от друга двоеточием (напр., показатель имперсонала в имперфекте -tihe глоссируется как IMPS:IMPF). Составные морфемы глоссируются как одна единица (напр., показатель комитатива -nke, -denke). Сложные (аналитические) конструкции (например, перфект, плюсквамперфект) глоссируются раздельно. В случае, когда одно вепсское слово нельзя перевести на русский язык иначе, как двумя словами, эти русские слова отделяются друг от друга точкой (например, слову *kul'tursebr* соответствует запись «культурное.общество» в строке глоссированного анализа). Третья строка – перевод всей фразы на русский язык. Все примеры пронумерованы, для того чтобы к ним можно было обратиться из другой части текста. Набор используемых глосс в целом соответствует общепринятым Лейпцигским правилам глоссирования [LPG, 2015], а сам способ представления материала – рекомендациям в [Плунгян, 2003: 330 – 333]. Такой способ представления лингвистического материала на другом языке последнее время стал широко распространён: на прибалтийско-финском материале этот метод отработан, к примеру, работами [Иванова, 2014] (вепсский язык), [Маркус, Рожанский, 2011 (2017)], [Агранат, 2012] (водский язык), [Рожанский, Маркус, 2012] (ижорский язык)[76]. При цитатах из

[76] Представление материала методом глоссированной записи в данной работе немного отличается от того, как он используется в вышеупомянутых трудах. [Иванова, 2014], [Маркус, Рожанский, 2011], [Рожанский, Маркус, 2012] фактически используют четырёхстрочную запись, где первая строка – исходная фраза на языке (без разделения на основу и показатели), последняя – перевод на русский, а вторая и третья, где разделяются основа и показатели и где они заменяются переводом основы и глоссами морфологических категорий, фактически представляют собой таблицу, где слова второй строки размещены ровно над словами третьей. Такое представление более наглядно, но и более трудоёмко. [Агранат, 2012] использует запись из двух строк:

перевода повести «Азбука детства» В.А. Пулькина сохраняется весь тот аппарат, который использовался и в предыдущей главе. При цитатах из Нового Завета приводится буквальный перевод вепсской фразы на русский язык и аналогичный ему фрагмент из Синодального перевода Библии (с указанием библейской книги, её главы и стиха по общепринятым правилам) – первого перевода Библии на русский язык, законченного в 1870-е гг. и общепризнанного в российском православии.

В целях систематизации материала работы отобранные нами черты синтаксиса письменного вепсского языка мы условно разбили на четыре классифицирующих группы: ***порядок слов***, ***синтаксис имени***, ***синтаксис глагола*** и ***служебные элементы***. Обнаружено было достаточно много интересных фактов русского влияния на письменный вепсский синтаксис, в конце работы, в разделе 2.3, будет помещена сводная таблица по ним.

исходные тексты и их переводы представлены в её книге отдельно от глоссированной записи.

2.2. Анализ материала

2.2.1. Русский порядок слов в вепсском предложении. Исключения из него

Внимательный, «грамматический», взгляд на современные вепсскоязычные тексты убеждает в том, что ***в отношении порядка слов*** строение вепсской фразы практически полностью идентично аналогичной русской фразе. Напр.:

(16) Tä-l vode-l Vepsän kul'tursebr Petroskoi-špäi ühtes vepsläiž-i-den tedomeh-i-denke, opendaj-i-denke da lehtmeh-i-denke[77] tege-b video-kursa-d vepsän kele-l.

Этот-AD год-AD Вепсский культурное.общество Петрозаводск-EL вместе вепсский-PL-GEN учёный-PL-COM, учитель-PL-COM и журналист-PL-COM делать-3Sg видеокурс-PL.ACC вепсский язык-AD.

В этом году Вепсское культурное общество из Петрозаводска вместе с вепсскими учёными, учителями и журналистами делает видеокурсы на вепсском языке.

[Kodima, №8 (281), 2016: 1]

Нарушить это полное соответствие могут всего несколько конструкций, которые мы сейчас перечислим и разберём.

1. Посессивная конструкция;
2. Послеложно-падежная конструкция;
3. Конструкция с приложением;
4. Причастные (и деепричастные) обороты левого ветвления

2.2.1.1. Посессивная конструкция

Речь идёт о посессивной конструкции (конструкции обладания) типа *дом отца*. В русском языке посессор (обладатель), выраженный родительным падежом, при обычном порядке слов, не затенённом какими-либо инверсиями или поэтическими вольностями, всегда находится в постпозиции по отношению к своему объекту обладания.

[77] Закономерный в вепсском языке случай послеложного согласования. Если в атрибутивном словосочетании имя употребляется в комитативе, то его атрибут – в генитиве. См. раздел 2.2.2.4.

В вепсском же языке посессор выражается генитивом и стоит всегда **в препозиции**:

(17)	neičukaiže-**n** lehtik	mama-**n** pajo	kirvhe-**n** varz’
	девочка-**GEN** тетрадь	мама-**GEN** песня	топор-**GEN** рукоятка
	тетрадь девочки	песня мамы	рукоятка топора

(примеры из [Zaiceva, 2003: 70][78])

Генитивная конструкция в современном вепсском языке очень частотна: так, в тексте статьи «Pagiškam vepsäks videokursiden abul» (Kodima, №8 (281), 2016, 31 предл.) она встречена 18 раз[79], но в текстах других стилей встречается реже, и это можно признать одной из особенностей газетного стиля вепсского языка[80].

Строение конструкции с генитивом специально отмечается в [M. Zaitseva, 2001: 14-15]: Kun substantiivi on kombinaatiossa genitiivimuotoisen nominin kanssa, alisteinen komponentti on pääsanansa edessä (*tatan pert’* ‘isän talo’, *pertin katuz* ‘talon katto’, *koiran händ* ‘koiran häntä’)[81].

---

[78] [Zaiceva, 2003: 70] выделяет пять значений у генитива, но три первых из них (обладатель предмета, часть от целого и субъект действия, выражаемого именем (*koiran nutand* ‘лай собаки’)) легко подводятся под одну категорию (в том смысле, что они и по-русски выражаются одинаково), четвёртое значение (объект действия) оказывается аккузативным ([Zaiceva, 2003] придерживается «эстонского» подхода, не выделяющего аккузатива как отдельного падежа, – см. об этом [Муслимов, 2014]), а пятое – это употребление с послелогами, где собственно генитивного значения уже и нет.

[79] Генитивно-притяжательные цепочки типа *декан факультета филологии* (вепс.: *filologijan fakul’tetan dekan*) считаются за столько раз, сколько в них встретилось существительных в форме генитива. Конструкции с местоимениями (типа *meiden ma* ‘наша земля’ не считаются).

[80] Для сравнения: в тексте главы 1 Книги Притчей Соломоновых ([Solomonan muštatišiden kirj, 2016: 1 – 4], 33 библейских стиха) 13 генитивных конструкций (религиозный стиль), текст рассказа О. Мошникова под названием «Рассказ» («Starin» – в переводе И. Сотниковой, 55 предл.) содержит 7 генитивных конструкций (художественный стиль), а в тексте из книги «Ičemoi londuz» ([Brodski, 2000: 18 – 20], 54 предл.) их всего 6 (учебный стиль).

[81] Когда существительное употребляется в сочетании с именем в генитивной форме, то зависимый компонент стоит перед главным словом (*tatan pert’* ‘дом отца’, *pertin katuz* ‘крыша дома’, *koiran händ* ‘хвост собаки’).

Генитивных определений, нанизанных друг на друга, может быть сколько угодно, но если их становится слишком много, то предложение бывает уже сложно понять с первого раза:

(18) Taričus-i-den enambišt liža-tas ”**Venäma-n suomalaiž-ugrilaiž-i-den rahvah-i-den etnokul’tura-n kehitoitanda-n voimus-i-den kompleks**”-programma-ha.

Предложение-PL-GEN большинство добавлять-IMPS «Россия-GEN финно-угорский-PL-GEN народ-PL-GEN этнокультура-GEN развитие-GEN возможность-PL-GEN комплекс»-программа-ILL.

Большинство предложений добавляются (букв.: добавляют, безличная форма) в программу «**Комплекс возможностей развития этнокультуры финно-угорских народов России**».
[Kodima, №12 (297), 2017: 4] – в этом предложении 5 генитивных определений, к одному из которых (rahvahiden) присоединено своё согласующееся (suomalaiž-ugrilaižiden). Порядок этих определений оказывается обратным русскому.

Эта конструкция в вепсском языке необычайно устойчива, примеров её нарушения (и тем самым, построения по русской модели) в письменных текстах практически нет. Она есть и во всех других прибалтийско-финских языках. Исключением можно считать только вольности в поэтических текстах:

(19) Konz **math-i-l Gruzia-n** ö pimed kata-b ma-n…

Когда **холм-PL-AD Грузия-GEN** ночь тёмный укрывать-3Sg земля-ACC…

Когда **на холмах Грузии** тёмная ночь укрывает землю…

(Н.В. Абрамов, перевод «На холмах Грузии лежит ночная мгла»)
[Abramov, 1999: 40]

Иногда, впрочем, такая вольность встречается и в прозе, но всё равно за рамками художественного стиля обнаружить её невозможно.

(20) Minä e-n varaida, – sanu-n minä, no, e-n teda mi-he **än’ minu-n** säraida-b. (VT:91)

Я NEG-1Sg бояться, – говорить-1Sg я, но, NEG-1Sg знать что-ILL **голос я-GEN** дрожать-3Sg.

Я не боюсь, – говорю я, но не знаю почему, **голос мой** дрожит.
Оригинал: «Я спокоен, – отвечаю предательски дрожащим голосом». (П:139)

Однако примеры, построенные по аналогичной модели (с посессором в препозиции) в русском языке всё-таки встречаются: это конструкции с притяжательными прилагательными и местоимениями типа *бабушкина ложка*, *собачий лай*, *его работа*. Для атрибутивных конструкций с прилагательными (или, шире, адъективными словами) нормой является именно препозиция прилагательного [Ковтунова, 2002] вне зависимости от его значения. Обращает внимание даже формальная близость показателей:

(21) Naku i kazi**n** uzin[82]
Вот и кошка-GEN ужин
Вот и кошк**ин** ужин

Но тем не менее, наличие аналогичного показателя и в финском языке (а также в карельском, ижорском[83]) лишает исследователя оснований считать вепсский показатель генитива адаптированным суффиксом русских притяжательных прилагательных.
Этот приём – сравнение с данными финского языка – позволит нам решить вопрос об исконном или заимствованном характере того или иного элемента вепсской грамматики и в более сложных случаях.

2.2.1.2. Послеложно-падежная конструкция

В прибалтийско-финских языках в функции русских предлогов чаще используются послелоги, стоящие после того слова, к которому относятся. Послелоги требуют от зависящего имени нахождения в определённом падеже (чаще всего в генитиве, но не только), напр.:

[82] Пример из старого вепсского букваря [Андреев, Хямяляйнен, 1936: 40], где на картинке нарисовано, как кошка поймала мышку.

[83] А в эстонском и водском языках показатель генитива нулевой. Формы номинатива и генитива отличаются только разными ступенями согласных – чего как раз нет в вепсском языке.

(22) openduse-**n** polhe ezmärge-**d** vaste
учёба-**GEN** о понедельник-**PART** накануне
об учёбе накануне понедельника

meca-**s** läbi sinu-**hu** varoin
лес-**IN** через ты-**ILL** для
через лес для тебя
(примеры из [Бродский, 2008: 78 – 81])

(23) Keza-aiga-l vali-kat **kül'benda-n täht** vaiše tutaba-d sija-d.
Летнее.время-AD выбирать-IMP:2Pl **купание-GEN для** только известный-PL место-PL.
Летом выбирайте **для купания** только известные места.
[Brodski, 2000: 20]

Вепсские послелоги могут даже копировать русские модели управления:

(24) Johor kacuht-i **minu-n päle** (VT:83).
Егор взглянуть-IMPF **я-GEN на**.
Егор взглянул **на меня**.
Оригинал: Егор вопросительно покосился на меня (П:121).
(В финском языке естественнее сказать *katsoin minuun*, где *minuun* – форма мест. *minä* в иллативе).

Для русского языка послелоги нехарактерны. Почти все адлоги, могущие употребляться после своего имени, могут употребляться и перед ним[84]: *забавы ради = ради забавы, стихиям наперекор = наперекор стихиям,*
всему вопреки = вопреки всему, час спустя = спустя час[85],
НО: *два дня назад = *назад два дня*

[84] В прибалтийско-финских языках наблюдается прямо противоположная ситуация: большинство предлогов может быть и послелогами.

[85] Напр.: *А уж про то, как она **матери наперекор** все делает, и говорить нечего.* [Л.А. Чарская. Дочь Сказки (1912), НКРЯ]. *Вот и сейчас, только взглянула на твой конверт, и почудилось, что всем **законам вопреки** все журавли вернулись и все лебеди.* [А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948-1959)] (цитаты из Национального корпуса русского языка).

Предлоги в вепсском языке также имеются (то же и в финском языке, но их там значительно меньше, см. [Елисеев, 1993: 105]). Перемещение послелогов произошло очень давно под влиянием индоевропейских языков [Бродский, 2008: 77], то есть употребление предлогов встречается в прибалтийско-финских языках в целом:

(25) **Kesked stolad** seižu-i samvar, ümbri ol-i äi erazvuittuš-t sömä-d: kürz-i-d, baranko-i-d, kanfeto-i-d, pirgo-i-d, mandarino-i-d.

Посреди стол-PART стоять-IMPF самовар, вокруг ESSE-IMPF много разный-PART еда-PART: блин-PL-PART, баранка-PL-PART, конфета-PL-PART, пирог-PL-PART, мандарин-PL-PART.

Посреди стола стоял самовар, кругом было много разной еды: блины, баранки, конфеты, пироги, мандарины.
[Kodima, №3 (300), 2018: 4]

Многие предлоги могут выступать и в качестве послелогов, иногда несколько меняя свой облик:

(26) **Kalage-n keskes** hän ozut-i meile muštrista-n, sanui, miše neci-l sija-l ende oli Varlaama-n Hutinskija-n jumalanpert'.

Рыбрека-GEN посреди он(а) показать-IMPF мы.PL-ALL памятный.крест-ACC, говорить-IMPF, что этот-AD место-AD раньше ESSE-IMPF Варлаам-GEN Хутынский-GEN церковь.

Посреди Рыбреки она показала нам памятный крест, сказала, что раньше на этом месте была церковь Варлаама Хутынского.
[Kodima, №7 (292), 2017: 5]

Но некоторые вепсские предлоги – так же, как и в русском языке, – уже не могут употребляться постпозитивно. [Бродский, 2008: 77 – 81] отмечает это для предлога *poikpoli* 'поперёк' (в просмотренных номерах газеты «Kodima» не обнаружен), но для некоторых предлогов допускает вариативность: к таковым относятся, например, *päliči* 'через', *ümbri* 'вокруг' (употребляются с инессивом), *läz* 'около' (как предлог – с партитивом, как послелог – с генитивом). Для последней единицы наличными данными это уже не подтверждается: *läz* окончательно превратился в предлог[86]:

[86] Мы оставляем за скобками употребление *läz* как наречия.

(27) Maria ol-i adivo-i-š Elisaveta-nno **läz koume-d ku-d** i pörd-i-he jäl'ges iče-ze kodi-he.

Мария ESSE-IMPF гость-IMPF-IN Елизавета-1APPR **около три-PART месяц-PART** и вернуться-IMPF-3.REF потом сам-3POSS дом-ILL.

Мария была в гостях у Елизаветы **около трёх месяцев** и потом вернулась в свой дом.

Синод.: Пребыла же Мария с нею **около трёх месяцев**, и возвратилась в дом свой (Лк 1:56).

2.2.1.3. Конструкция с приложением

Приложение и определяемое им слово в вепсском языке обычно стоят в порядке, обратном русскому, даже если одно из них представляет собой достаточно распространённую конструкцию (см. также пример 18):

(28) Kus-se rebin-i noraine siš elo-s-olo-s, **Savu-tata-s** da **Vezi-mama-s**, Ma-n väg-es da Sure-s tedo-s.

Где-то порваться-IMPF верёвочка тот-IN жизнь-IN-быт-IN, **Дым-отец-IN** и **Вода-мать-IN**, Земля-GEN сила-IN и Большой-IN знание-IN.

Где-то порвалась верёвочка между тем житьём-бытьём, **батюшкой-дымом** и **матушкой-водой**, силой земли и большим знанием.

[Mošnikov, Silakova, 2015: 37][87]

(29) Ezmäiže-s uroka-s mö openda-m vepsän kele-n kirjamišto-d, tundišta-moi toine toiže-nke, anda-m vastus-i-d: **"Kut sinu-n azja-d oma?"- küzunda-ha**, sanu-m "Minä ole-n...", "Nece om...".

Первый-IN урок-IN мы учить-1Pl вепсский язык-GEN алфавит-PART знакомиться-1Pl:REF друг.друга-COM, дать-1Pl ответ-PL-PART: **«Как ты-GEN дело-PL ESSE.3Pl?»-вопрос-ILL**, говорить-1Pl {:} «Я… ESSE-1Sg…», «Это ESSE.3Pl…».

[87] Это издание – так называемая «книжка-перевёртыш»: с одной стороны в ней напечатаны рассказы одного автора, а с другой (если перевернуть книгу по горизонтальной оси) – другого; нумерация страниц в каждой из частей своя. Поэтому при цитировании предложений из этой книжки мы будем подчёркивать фамилию того автора, со стороны которого следует искать цитируемый материал.

На первом уроке мы выучим алфавит вепсского языка, познакомимся друг с другом, дадим ответ **на вопрос «Как твои дела»**, скажем {:} «Я…», «Это…».
[Kodima, №8 (281), 2016: 1]

(30) Tö, Nina Grigorjevna, mugažo löuz-i-t jügeda-n da sure-n te-n literatura-ha, roht-i-t kirjuta-da **Virantanaz-epišt poemad**...

Вы, Нина Григорьевна, также найти-IMPF-2Pl трудный-ACC и большой-ACC дорога-ACC литература-ILL, не.побояться-IMPF-2Pl писать-INF **Вирантаназ-эпический-PART поэма-PART**…

Вы, Нина Григорьевна, также нашли трудную и большую дорогу в литературу, не побоялись написать **эпическую поэму «Вирантаназ»**…
[Kodima, №4 (289), 2017: 4]

Когда приложение носит характер попутного объяснения, возможен и порядок слов по русскому образцу:

(31) Tedo ei voi-nd abuta-da, a **vepsläiže-d — teda-ja-d ristitu-d —** völ hristianstva-n ede-s nen-i-š azjo-i-š tez-i-ba i toine toiže-le ando-i-ba nen-i-d noidtedo-i-d.

Наука NEG.3 мочь-PRTACT помочь, а **вепс-PL – знать-PRTPRAES-PL человек-PL** – ещё христианство-GEN перед-IN этот-PL-IN дело-PL-IN знать-IMPF-3Pl и друг.друга-ALL давать-IMPF-3Pl этот-PL-PART колдовское.знание-PL-PART.

Наука не могла помочь, а **вепсы – знающие люди** – ещё до христианства об этих вещах знали и друг с другом делились этими колдовскими знаниями.
[Mošnikov, Silakova, 2015: 36]

Тем не менее, когда приложение определяет сочетание личного имени с фамилией (что часто бывает в прессе), исконный порядок слов замещается русским:

(32) Naku mugoiž-i-d mel-i-d jät-i me-i-le vastuz Šoutjärve-n laps-i-den päivkodi-n **holetaja-nke Ol'ga Kokorina-nke**.

Вот такой-PL-PART мысль-PL-PART оставить-IMPF мы.PL-ALL встреча Шелтозеро-GEN дети-GEN детский.сад-GEN **воспитатель-COM Ольга Кокорина-COM**.

Вот такие мысли оставила нам встреча с **воспитателем** Шелтозерского детского сада **Ольгой Кокориной**.
[Kodima, №4 (289), 2017: 6]

Примеры использования исконной конструкции (с препозицией приложения) при имени с фамилией в современных вепсскоязычных текстах крайне редки и выбиваются из привычного для них порядка слов[88]:

(33) Ozutesikš, **Gorohova Jekaterina Suomalaiž-ugrilaižen školan ühesanden klassan openik** starinoiči karjalan rahvahan sarnoiden polhe.
Пример-PL-TRANSL, **Горохова Екатерина Финно-угорский-GEN школа-GEN девять-ORD-GEN класс-GEN ученик** рассказать-IMPF карельский[89] народ-GEN сказка-PL-GEN о.
Например, **ученица девятого класса Финно-угорской школы Горохова Екатерина** рассказала о карельских народных сказках.
[Kodima, №4 (289), 2017: 5]

Но если приложение при личном имени превратить в обособленное определение (напр.: ***Kat'a***, *hüvä neičukaine, iče voib jo astjoid pesta*. '**Катя**, хорошая девочка, уже сама может мыть посуду' – пример наш), то предложение станет уже вполне правильным. Именно это (превращение в обособленное определение) и происходит при сочетании приложения с личным местоимением:

(34) Kac-mata si-he, miše[90] Oleg ei kirjuta vepsäks, **mö**, **vepsläiže-d,** luge-m händast mei-den vepsläiže-n runoilija-n da kirjutaja-n.

---

[88] См. также: Sigä Vepsän kul'tursebran **Zinaida Strogal'ščikova pämez'** starinoiči vepsläižiden problemoiš, miččid koskeba pensijoid da školid, kudambid saubatas erasiš Vologdan agjan küliš. 'Там глава Вепсского культурного общества [Карелии] Зинаида Строгальщикова рассказала о проблемах вепсов, которые затрагивают пенсии и школы, которые закрывают в отдельных деревнях Вологодской области' [Kodima, №5 (290), 2017: 3]. Представляется, что при сочетании приложения с именем собственным ошибочным следует признать уже именно такой порядок слов.

[89] Такие слова, обозначающие языки и национальности, – это несклоняемые прилагательные.

[90] Об этом составном союзе см. в соответствующем разделе.

Смотреть-3INF:AB то-ILL, что Олег NEG.3 писать по-вепсски, **мы, вепс-PL,** считать-1Pl он.PART мы.PL-GEN вепсский-ESS поэт-ESS и писатель-ESS.

Несмотря на то, что Олег не пишет по-вепсски, **мы, вепсы**, считаем его нашим вепсским поэтом и писателем[91].
[Kodima, №4 (301), 2018]

Постпозитивные определения, вообще крайне нехарактерные для прибалтийско-финского синтаксиса, для исконной системы возможны в нём только в описанных выше случаях. Но в письменном вепсском языке под русским влиянием постпозитивными иногда становятся и причастные обороты, об этом подробнее см. далее.

Впрочем, правило постановки приложения перед определяемым словом, как и любого другого определения, уже тоже начинает немного «плыть», и в последних номерах газеты «Kodima» изредка можно увидеть, как это правило нарушается:

(35) Petroskoi-n universiteta-n tedokirjišto-s män-i ezmäine *Kalevala-n eposa-le omišta-dud* **konkurs "Luge-m Kalevala-n runo-i-d"**.

Петрозаводск-GEN университет-GEN научная.библиотека-IN идти-IMPF первый *Калевала-GEN эпос-ALL посвятить-PRTPASS* конкурс «Читать-1Pl Калевала-GEN стих-PL-PART».

В научной библиотеке Петрозаводского университета прошёл первый **конкурс «Читаем руны Калевалы»**, *посвящённый калевальскому эпосу*.
[Kodima, №3 (300), 2018: 8]

2.2.1.4. Причастные и деепричастные обороты левого ветвления[92]

Причастный оборот – конструкция в вепсском письменном языке бесспорно имеющаяся, характерная больше для газетного стиля, но даже в нём встречающаяся нечасто. Обычно в качестве опорного компонента причастного оборота используются причастие на -nu (акт. прич. прош. вр., склоняемое) и причастие на -tud/-dud (пасс. прич.

[91] А я считаю, что никакой он не вепсский писатель, если он по-вепсски не умеет. Чтобы создавать вепсскую литературу, надо и писать на вепсском языке, тем более сейчас, когда письменный язык уже существует.

[92] Характеристика «левого ветвления» означает, что слова, зависящие от причастия или деепричастия, располагаются перед ним (то есть в написанном тексте – слева от него).

прош. вр., несклоняемое). Все зависимые от причастия компоненты для исконной системы должны стоять **перед** ним, а сам оборот – **перед** своим определяемым словом.

(36) Mugažo **Jumala-n čoga-ha vai päči-nnoks män-nu** kukoi znamoič-i bohata-d da ozakas-t elo-d perehe-s.

Также **Бог-GEN угол-ILL или печь-2APPR идти-PRTACT** петух означать-IMPF богатый-PART и счастливый-PART жизнь-PART семья-IN.

Также петух**, пошедший в Божий угол или к печке**, означал богатую и счастливую жизнь в семье.
[Kodima, №12 (284), 2016: 7]

(37) Tedišt-i-m, miše voina-n aiga-n sid' oli lager', kus pide-tihe **plena-ha put-nuz-i-d** soldato-i-d.

Узнать-IMPF-1Pl, что война-GEN время-ESS здесь ESSE-IMPF лагерь, где держать-IMPF:IMPS плен-ILL **попасть-PRTACT-PL-PART** солдат-PL-PART.

[Мы] узнали, что во время войны здесь был лагерь, где держали **попавших в плен** солдат.
[Kodima, №5 (290), 2017: 6]

(38) Sanu-tas, miše **män-nude-l vode-l kuva-tud** fil'ma-l kacundo-i-d [om][93] enamba, mi iče-ze aiga-l "Titanika-l".

Говорить-IMPS, что **идти-PRTACT-AD год-AD снимать-PRTPASS** фильм-AD просмотр-PL-PART [ESSE.3Sg] больше, что сам-3POSS время-AD «Титаник-AD».

Говорят, что у фильма**, снятого в прошлом году**, просмотров больше, чем в своё время у «Титаника».
[Kodima, №1 (298), 2018: 3]

(39) Sid' lug-i-n äi **suomen kele-l kirjuta-dud** teksto-i-d, sikš miše tahto-i-n te-ta enamba nece-n kele-n polhe.

Потом читать-IMPF-1Sg много **финский язык-AD писать-PRTPASS** текст-PL-PART, потому.что хотеть-IMPF-1Sg знать-INF больше.COMP этот-GEN язык-GEN о.

[93] В оригинале связка *om* – бытийный глагол в форме 3 л. ед. ч. наст. вр., обязательный в вепсском языке компонент составного именного сказуемого (kacundoid om enamba; фин.: *on*, англ.: *is*, нем.: *ist*) – отсутствует, что тоже представляет собой следствие мощнейшего русского влияния.

Потом [я] читал много текстов, **написанных на финском языке**, потому что хотел узнать больше об этом языке.
[Kodima, №1 (274), 2016: 6]

И в финском языке всё строится точно так же:

(40) Koira haukku-i **koivu-n oksa-lla istu-va-a** lintu-a.
Собака лаять-IMPF **берёза-GEN ветка-AD сидеть-PRTPRAES-PART** птица-PART.
Собака облаяла птицу, **сидевшую на ветке берёзы**[94].
[Kolomainen, 2005: 38]

Впрочем, нередко в вепсском языке встречаются и отступления от левого ветвления причастного оборота, он начинает «ветвиться» в правую сторону, как это обычно бывает и в русском языке:

(41) **Sel'gita-dud karva-späi** nahk ol-i vahvita-dud päivä-s päliči (VT:62)
Очищать-PRTPASS шерсть-EL кожа ESSE-IMPF укреплять-PRTPASS день-IN через.
Кожа, **очищенная от шерсти**, была выдублена через день.
Оригинал: «Через день вычищенная от шерсти кожа уже дубилась». (П:111)

(42) Jo edahanpäi mei-le ozut-i-he mure-tud, **kazvata-dud heinä-l** jumalanpert'.
Уже издалека мы.ALL показаться-IMPF-3Sg.REF разрушить-PRTPASS, **зарасти-PRTPASS трава-AD** церковь.
Уже издалека нам показалась разрушенная, **заросшая травой** церковь.
[Kodima, №7 (292), 2017: 5]

Последняя стадия превращения исконной прибалтийско-финской конструкции в русскую – переход причастного оборота в постпозитивное положение. И казалось бы, такого быть уже не может – но нет, может:

[94] *Istuva* – это финское активное причастие наст. вр. (вепс.: *ištui*). Оно используется здесь для обозначения одновременности второстепенного действия «сидеть» основному действию «лаять».

(43) Zavarka-n pida-b metallkorobaiže-s **sauba-tud kaks'kerdaiže-l sauba-l** (VT:86).

Заварка-ACC держать-3Sg металлическая.коробочка-IN **закрыть-PRTPASS двойной-AD крышка-AD**.

Заварку держит в металлической коробочке, **закрытой двойной крышкой**.

Оригинал: «Заварка хранится в металлической коробочке с двойной крышкой» (П:127).

(44) *Pan-i päle*[95] siniže-n pol'ša-n[96], jaug-ha[97] villaiže-d musta-d štana-d, **ost-tud tul-nuz-i-l möj-i-l**.

Класть-IMPF на синий-ACC кофта-ACC, нога(SG)-ILL шерстяной-PL чёрный-PL штаны.PL, **купить-PRTPASS прийти-PRTACT-PL-AD продавец-PL-AD**.

Надела синюю кофту, на ноги – шерстяные чёрные штаны, **купленные у заезжих продавцов** (пер. М.Б. Гиниятуллиной).

Оригинал: «Надев синюю шерстяную кофту, шерстяные черные мужские брюки, **купленные у заезжих торгашей**, аккуратно уложила тесто в чугунную сковороду и поставила каравай на пол»[98].

[Mošnikov, Silakova, 2015: 25], оригинал – на сайте Финно-угорского культурного центра РФ http://finnougoria.ru.

В последнем примере постпозитивный причастный оборот даже отделён запятой от своего определяемого слова, то есть он ещё и обособленный (уже всё как в русском языке). Успокаивает, что пока подобные предложения ещё выглядят маргинально в письменных вепсских текстах. Других подобных примеров нами встречено не было[99].

---

[95] *Panda päle* – устойчивое сочетание, обозначает 'надеть'.

[96] По [Бродский, 2016], правильно должно быть pol'š**u**n.

[97] Названия парных частей тела употребляются в единственном числе.

[98] Здесь мы наблюдаем упрощение исходного текста при переводе: из русского деепричастного оборота со всеми зависимыми от него словами переводчик делает отдельное предложение.

[99] Кроме ещё одного из Декларации о правах коренных народов: *Konz todenzoittas oiktuded, **ezitadud neciš Deklaracijas**, arvostadas mehen oiktuzid i kaikiden ristituiden valdoid*. 'При осуществлении прав, **провозглашенных в настоящей Декларации**, уважаются права человека и основные свободы всех'.

В целом стоит отметить, что в большинстве случаев причастия в письменном вепсском языке используются в составе не причастных оборотов (и вообще, не атрибутивно), а в составе сложных прошедших времён – перфекта и плюсквамперфекта в активном и пассивном залогах[100].

В деепричастных оборотах зависимые от деепричастия слова тоже иногда предшествуют деепричастию[101], но сейчас это уже скорее редкость.

(45) **Seičeme klassa-d lop-tes** mö Johora-nke melet-i-m, kuna da kut män-da openda-mha-s edemba (VT:64)

Семь класс-PART заканчивать-2INF:IN мы Егор-COM думать-IMPF-1Pl, куда и как идти-INF учиться-3INF:ILL дальше[102].

Закончив семь классов, мы с Егором думали, куда и как идти учиться дальше.

Оригинал: «Заканчивая семилетку, мы с Егором думали, куда и как дальше». (П:115)

(46) I hot' hän ol-i Poig, hän-ki **mok-i-d tirp-tes** openz-i-he ol-da kundlijaiže-n.

И хотя он ESSE-IMPF Сын, он-EMPH **мука-PL-PART терпеть-2INF:IN** учиться-IMPF-3Sg.REF ESSE-INF послушный-ESS.

---

[100] А также в составе отрицательного имперфекта, если форму смыслового глагола на -nd (в ед.ч.) и -nugoi считать причастиями: *minä en tegend* ‘я не делал’ – *mö em tehnugoi* ‘мы не делали’ (в финском, ижорском языках смысловая форма в отрицательном имперфекте омонимична причастию, а в вепсском это не так). В [Зайцева, 2002: 28] и [Zaiceva, 2003: 129] форма на *-nd* считается причастием.

[101] К деепричастию по функции приравнивается вепсский II инфинитив на -tes/-des (инессивная форма) или на -ten/-den (инструктивная форма). В строке анализа эти формы глоссируются как инфинитивы, но по тексту работы могут называться и деепричастиями. Подробнее о II инфинитиве будет рассказано в соответствующем разделе, здесь же мы коснёмся только порядка слов в оборотах с ним.

[102] Это предложение ценно тем, что содержит в себе сразу все три типа инфинитивов.

И хотя он Сын [Божий], и он, **терпя муки**, научился быть послушным.
Синод.: Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию (Евр 5:8)

Гораздо чаще встречается такой порядок слов в деепричастном обороте, при котором зависимые от деепричастия компоненты располагаются справа от него (и это будут уже деепричастные обороты правого ветвления):

(47) **Ast-tes edemba** Iisus nägišt-i völ kaks' velle-d, Jakova-n i Joanna-n, Zevedeja-n poiga-d.
Идти-2INF:IN дальше Иисус увидеть-IMPF ещё два брат-PART, Иаков-ACC и Иоанн-ACC, Зеведей-GEN сын-PL.
Идя дальше, Иисус увидел ещё двух братьев, Иакова и Иоанна, сыновей Зеведея.
Синод.: Оттуда, **идя далее**, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их (Мф 4:21)[103].

(48) Tatoi ei anda-nd vastus-t kerdalaze, **muja-des iče-ze käde-s lämä-d veras-t kät(-t)**[104] (VT:63).
Папа NEG.3 дать-PRTACT ответ-PART сразу, **чувствовать-2INF:IN сам-3POSS рука-IN тёплый-PART чужой-PART рука-PART**.
Папа не дал ответа сразу, **чувствуя в своей руке тёплую чужую руку**.
Оригинал: «Хвораю малость, — не сразу отвечает отец, **чувствуя в своей руке тепло чужой руки**» (П:115).

[103] Здесь одно предложение оригинала разбивается аж на три предложения перевода: *Asttes edemba Iisus nägišti völ kaks' velled, Jakovan i Joannan, Zevedejan poigad. Hö oliba venehes ičeze tatanke Zevedejanke verkoid kohendamas. Iisus kucui heid-ki.* 'Идя дальше, Иисус увидел ещё двух братьев, Иакова и Иоанна, сыновей Зеведея. Они чинили сети в лодке со своим отцом Зеведеем. Иисус позвал и их'.

[104] Считается, что показатель партитива *-t* присоединяется к согласной основе, которая здесь тоже оканчивается на *t*, но две буквы *t* на конце слова не пишутся (то же самое в формах *vot*, *vet*, *met* и некоторых других).

(49) **Kac-tes da ope-tes indejco-i-den istorija-d da kul'tura-d**, voi-b teh-ta ühthevedo-n, miše nece om lujas vahv da melev rahvaz.

Смотреть-2INF:IN и изучать-2INF:IN индеец-PL-GEN история-PART и культура-PART, можно.3Sg делать-INF вывод-ACC, что это ESSE.3Sg очень крепкий и умный народ[105].

Смотря и изучая историю и культуру индейцев, можно сделать вывод, что это очень крепкий и умный народ.
[Kodima, №2 (299), 2018: 3]

II инфинитив финского языка может находится в любом месте своего оборота (точнее, пользуясь терминологией работы [Иванова, 2014], – зависимой предикативной единицы) – в том смысле, что у него нет чёткой закреплённости в конце структуры, но сами эти структуры намного сложнее и многообразнее (примеры см. в [Дубровина, 1972: 115 – 130]), чем соответствующие вепсские, которые используются фактически как кальки русских деепричастных оборотов.

На этом конструкции вепсского языка, порядок слов в которых может не соответствовать порядку слов в аналогичных конструкциях русского языка, заканчиваются. Мы видим, что устойчивостью обладает только самая первая из рассмотренных нами конструкций – поссессивная (генитивная), все остальные уже потихоньку сдают свои позиции. Следующая конструкция в этом разделе – это уже очевидный синтаксический русизм, причём очень яркий.

2.2.1.5. Конструкция приблизительного количества

Одной из присущих русскому языку особенностей является возможность выражения приблизительности количества путём инверсии счётного оборота: *два часа – часа два* 'около двух часов', *двадцать лет – лет двадцать* 'около двадцати лет' [Морфология, 2013]. Такая особенность обнаруживается и в вепсском языке:

(50) Täs ei ole süva, **metra-d koume** – ei enamba...

Здесь NEG.3 ESSE глубоко, **метр-PART три** – NEG больше.COMP…

Здесь неглубоко, **метра три** – не больше…
[Mošnikov, Silakova, 2015: 35]

[105] Один!

(51) Nügüd, teda-n, **času-d kaks'** kogo-s linne-ba (VT:43).
Сейчас, знать-1Sg, **час-PART два** стадо-IN ESSE.FUT-3Pl.
Сейчас, знаю, **часа два** в стаде будут.

Оригинал: «Теперь ёны **часа два** битых будут держаться кучей» (П:74).

Русская особенность, ставшая и вепсской, отмечается и в выпущенной на финском языке работе [M. Zaitseva, 2001: 15]: «Joissakin lausekkeissa mahdollinen inversio saa aikaan merkityksen muuttumisen. Esim. *koume päivad* 'kolme päivää', *päivad koume* 'kolmisen päivää'. Tässä alisteisen komponentin siirtäminen pääsanansa eteen antaa lausekkeelle likimääräisyyden merkityksen»[106].

[106] Возможная в некоторых словосочетаниях инверсия иногда изменяет значение. Напр. *koume päivad* 'три дня', *päivad koume* 'около трёх дней'. Здесь перенос зависимого компонента в позицию перед главным словом придаёт словосочетанию значение приблизительности.

2.2.2. Синтаксис имени

2.2.2.1. Экспансия адессива под влиянием русских синтаксем

Один из наиболее часто употребляемых падежей вепсского языка – адессив (падеж с показателем *-l*, основные вопросы – *на чём? у кого? чем?*). Его основные значения следующие:

- места, на котором происходит действие (или на котором находится лицо или предмет): *seišta pordhi**l*** ‘стоять на лестнице’, *kirvez venub pino**l*** ‘топор лежит на поленнице’;
- временное: *ehta**l** lähten kirjištho* ‘завтра пойду в библиотеку’, *ühte**l** čoma**l** päivä**l** Nastoi ajab lidnha* ‘в один прекрасный день Настя поедет в город’;
- инструментальное: *souta meloi**l*** ‘грести вёслами’, *sinä kirjutad kirjutime**l*** ‘ты пишешь ручкой’;
- обладателя (в предложениях обладания): *neičukaiže**l** om čoma sarnkirj* ‘у девочки есть красивая книга сказок’, *Maša**l** om pit’k pal’mik* ‘у Маши длинная коса’

(изложено по [Zaiceva, 2003: 76 – 77], [Бродский, 2008: 38 – 40], примеры взяты оттуда же).

Но в современных письменных вепсских текстах можно обнаружить некоторые значения этого падежа, не учитываемые грамматическими описаниями (или учитываемые не всеми). Они сформировались под влиянием русского языка, что мы сейчас и покажем.

2.2.2.1.1. Выражение деятеля при пассивном причастии

Такие контексты, где бы указывался производитель действия, выраженного пассивным причастием (это может быть либо причастие в составе причастного оборота, либо причастие в составе сложных глагольных форм), в вепсских текстах довольно мало. И всё же кое-что найти удалось:

(52) Tehude-nno venu-i-ba **hir’be-l** tac-tud sar’ve-d.
Тропинка-1APPR лежать-IMPF-3Pl **лось-AD** бросить-PRTPASS рог-PL.
У тропинки лежали сброшенные **лосем** рога.
[Бродский, 2008: 290]

(53) Üks’ Paginkluba-n adivo-i-špäi Natalja Timina eskai pan-i ičeze päle teh-tud **Natalja-l** pöl’väziže-n räcnä-n, villaziže-n sarafana-n, vö-n, fibula-d da *st’okla-späi teh-tud* nabornika-d.

Один Пагинклуб-GEN гость-PL-EL Наталья Тимина даже класть-IMPF сам-3POSS на делать-PRTPASS **Наталья-AD** льняной-ACC женская.рубашка-ACC, шерстяной-ACC сарафан-ACC, пояс-ACC, фибула-PL(ACC) и *стекло-EL делать-PRTPASS* бусы.PL(ACC).

Одна из гостий Пагинклуба[107] Наталья Тимина даже надела на себя сделанные **Натальей** [Денисовой] льняную женскую рубашку, шерстяной сарафан, пояс, фибулы и *сделанные из стекла* бусы.
[Kodima, №6 (291), 2017: 6]

(54) Vepsläiže-d aktivista-d ei lask-koi käde-d, hö toivo-ba, miše hei-den mele-d da himo-d linne-b kundel-tud **valdmeh-i-l**.

Вепсский-PL активист-PL NEG.3 опускать-PL руки-PL, они надеяться-3Pl, что они.PL-GEN мысль-PL и желание-PL ESSE.FUT-3Sg слушать-PRTPASS **чиновник-PL-AD**.

Вепсские активисты не опускают рук[108], они надеются, что их мысли и желания будут услышаны **чиновниками**.
[Kodima, №6 (291), 2017: 5]

Как видно из приведённых примеров, деятель при пассивном причастии тоже выражаются адессивом. Грамматические описания письменного вепсского языка [Zaiceva, 2003], [Бродский, 2008], как уже указывалось, не отмечают такого значения у этого падежа. Не отмечают его и финские грамматики. В финском языке для того, чтобы можно было обозначить деятеля при грамматически второстепенном действии, выражаемом причастием, необходимо использовать специальное причастие-агент:

(55) Sa-i-n lahja-ksi **mummi-n kuto-ma-t** suka-t.

Получить-IMPF-1Sg подарок-TRANSL **бабушка-GEN вязать-PRTAG-PL** чулок-PL.

Я получила в подарок чулки, **связанные бабушкой**.
[Kolomainen, 2005: 19].

[107] Пагинклуб – это постоянно действующий вепсскоязычный разговорный клуб в Петрозаводске. Организатор – Л. Смолина.

[108] А вот и калькированный фразеологизм!

При причастии-агенте всегда должен быть субъект действия. Иначе используется II причастие пассива (на (t)tu/(t)ty) [Кочергина, 2010: 214].

Обязательный субъект действия при причастии-агенте выражается генитивом, если слово, выражающее субъект, – существительное.

(56) Vihaa-n tä-tä **äidi-n teke-mä-ä** mekko-a.
Ненавидеть-1Sg этот-PART **мама-GEN делать-PRTAG-PART**[109] платье-PART.
Ненавижу это платье, **сшитое мамой.**

Также он выражается генитивом (факультативно) и притяжательным суффиксом, если предполагаемый субъект аналогичен значению личных местоимений (1-го и 2-го лица; с 3-м лицом – генитивом **или** суффиксом).

(57) Pidä-n (sinu-n) **teke-mä-stä-si** ruoa-sta.
Любить-1Sg (ты-GEN) **делать-PRTAG-EL-2SgPOSS** еда-EL.
Мне нравится **приготовленная тобою** еда.

Если субъект основного и второстепенного действия совпадает, тогда при причастии-агенте он выражается только притяжательным суффиксом.

(58) Satu rep-i **lukema(-n)-nsa** kirjee-n.
Сату порвать-IMPF читать-PRTAG(-ACC)[110]-3POSS письмо-ACC.
Сату порвала **прочитанное ею** письмо.

(изложено по [Кочергина, 2010: 214-215])

А вот в вепсском языке всего этого разнообразия нет. Причастия-агента нет совсем, а притяжательные суффиксы в письменном языке присоединяются разве что к слову *iče* ‘сам’, к словам с уменьшительно-ласкательными суффиксами и названиям

[109] Причастие-агент согласуется со своим определяемым словом.

[110] Показатель аккузатива *-n* поглощается показателем принадлежности 3-му лицу (обоих чисел) *-nsa(/-nsä).*

родственников[111]. Можно смело предположить, что адессив в функции деятеля второстепенного действия в вепсском языке копирует русский творительный падеж в связи с тем, что у него есть и значение инструмента (третье значение по [Zaiceva, 2003][112]), по-русски выражаемое именно творительным падежом:

(59) Hö sö-das **luziko-i-l**, a mö – **hangoiž-i-l**.
Они есть-3Pl ложка-PL-AD, а мы – вилка-PL-AD.
Они едят **ложками**, а мы – **вилками**.
[Бродский, 2008: 39]

Таким образом, употребление адессива в значении деятеля второстепенного действия – это русизм.

2.2.2.1.2. Расширение использования адессива в поссессивном значении

Адессив обычно соответствует русским конструкциям *у + род. п.* (конструкция обладания) и *на + предл. п.* (конструкция нахождения на поверхности чего-либо), а также *твор. п.* без предлога. Под влиянием русского языка у вепсского адессива обнаруживается и ещё одно значение – посессивное.

(60) Artur Parfenčikov iče lop-i Petroskoi-š 17. gimnazija-n, kus **äj-i-l openiko-i-l** vanh-emba-d pagiž-i-ba erilaiž-i-l kel-i-l.
Артур Парфенчиков сам закончить-IMPF Петрозаводск-IN 17. гимназия-ACC, где **многие.PL-AD ученик-PL-AD** старый-COMP-PL говорить-IMPF-3Pl различный-PL-AD язык-PL-AD.
Артур Парфенчиков [и. о. главы Карелии] сам закончил 17-ю гимназию в Петрозаводске, где **у многих учеников** родители (старшие) разговаривали на различных языках.
[Kodima, №5 (290), 2017: 1]

---

[111] Примеры см. в сноске на стр. 109.

[112] Вот фрагмент того параграфа, где говорится про значение инструмента: Nimi adessivas ozutab: <…> 3) predmetad, kudamban abul tegese vai om tehtud rad: *Čapta kangast raudaiži-**l**. Rata kirvhe-**l**. Ajada venehe-**l**. Souta melo-**l*** ‘Имя в адессиве показывает: <…> 3) предмет, с помощью которого делается или сделана работа: *Čapta kangast raudaiži-**l*** ‘Резать ткань ножницами’. *Rata kirvhe-**l*** ‘Работать топором’. *Ajada venehe-**l.*** ‘Плыть на лодке’. *Souta meloi-**l.*** ‘Грести вёслами’’ [Zaiceva, 2003: 76].

Синтаксический словарь [Золотова, 2006: 114] характеризует одно из значений синтаксемы *у + Род.* следующим образом[113]: «**11.** Относясь к именной синтаксеме – предметной, личной, событийной семантики, преимущ. в имен. и предл. падежах, синтаксема *у + Род.* от личных имён[114] выражает притяжательные отношения (субъекта и объекта принадлежности, целого и части) в рамках именного сочетания, не располагая при этом системой форм и сохраняя свободу перемещения».

Таким образом, употребление вепсского адессива в посессивной функции на месте русской конструкции *у + род. п.* вне специальных предложений обладания типа «у кого-то есть что-то»[115] – это однозначная калька. Вепсские грамматические описания письменного языка [Бродский, 2008], [Zaiceva, 2003] такого значения у адессива не выделяют. Но зато такое значение мы найдём в [М. Зайцева, 1981: 183]: «1) принадлежность кому-либо, чему-либо (*лapsuu hambhad kibištab* ‘у ребёнка болят зубы’, *hänuu om ei huut* ‘у него много забот’)»[116].

2.2.2.1.3. Адессив в значении аппроксиматива I

Точно так же, на основе соответствия русской конструкции *у + род п.*, адессив расширяет сферу своего употребления за счёт ещё одного значения, вытесняя аппроксиматив I. Это значение [Золотова, 2006: 107] определяет как «**2.** Локатив 2 (посессивный) – обозначение места по имени лица – хозяина, владельца (в его семье, в доме, во владениях)». Исконное значение аппроксиматива I (падежа на *-nno, -denno*) – нахождение у чего-то (то есть он тоже соответствует русской конструкции *у + род. п.*):

---

[113] Выделения оригинала.

[114] Пожалуй, скорее, здесь следует говорить не о личных именах, а о любых словах, называющих людей.

[115] В финской филологии такие предложения называются *omistuslauseet*.

[116] В записи литературным языком приведённые примеры выглядели бы как *lapsel hambhad kibištab* и *hänel om äi hol’t*. Под вторым u должна быть дужка концами вниз, обозначающая неслоговой характер гласного. Также можно отметить ***ei*** вместо ***äi*** (упрощение произношения). Второй из приведённых М.И. Зайцевой примеров полностью соответствует исконной прибалтийско-финской адессивной конструкции обладания, это как раз и есть omistuslause.

(61) Minä ištu-n **külälauka-nno** i varasta-n, konz tule-b möi.
Я сидеть-1Sg **сельский.магазин-1APPR** и ждать-1Sg, когда прийти-3Sg продавец.
Я сижу **у сельского магазина** и жду, когда придёт продавец.

Под влиянием русского языка у этого падежа развилось значение «того, у кого живут, гостят»:

(62) L'oša om adivo-i-š **baba-nno**.
Лёша ESSE.3Sg гость-PL-IN **бабушка-1APPR**.
Лёша в гостях **у бабушки**.
(примеры (60) и (61) – из [Бродский, 2008: 117])

И вот уже встречаются случаи, когда в этом «гостевальном» значении употребляется уже не аппроксиматив I, а намного более часто встречающийся адессив:

(63) Harvoin vastta-d ristitu-n, kudamba-nke riža-d ič-ta-iž, kuti tö ole-t jo amu läheliže-d sebranika-d, kudamba-nke e-d meleta igä-n ero-s, **kudamba-l** adivo-i-š ole-d kuti kodi-š[117].
Редко встретить-2Sg человек-ACC, который-COM чувствовать-2Sg сам-PART-2POSS, как вы ESSE-2Pl уже давно близкий-PL друг-PL, который-COM NEG-2Sg думать возраст-GEN разница-IN, **который-AD** гость-PL-IN ESSE-2Sg как дом-IN.
Редко встретишь человека, с которым чувствуешь себя [так], как [будто] вы уже давно близкие друзья, с которым не думаешь о разнице в возрасте, в гостях **у которого** ты как дома.
[Kodima, №4 (289), 2017: 6]

(64) Tämbei **mei-l** adivo-i-š om vepsläine emäg Nemž – külä-späi Leningrada-n agja-späi[118] Galina Lokkina.
Сегодня **мы.PL-AD** гость-PL-IN ESSE.3Sg вепсский хозяйка Немжа – деревня-EL Ленинград-GEN область-EL Галина Локкина.

[117] Односоставные обобщённо-личные предложения со сказуемым в форме 2-го лица (как и калька *чувствовать себя*) – это тоже русская черта в вепсском синтаксисе. В финском языке подобные предложения возможны, но редки: там за обобщённо-личное значение отвечает форма 3-го лица.

[118] Лучше писать *Leningradan agjan Nemž-küläspäi*.

Сегодня **у нас** в гостях вепсская хозяйка из деревни Немжа Ленинградской области Галина Локкина.
(http://tv-karelia.ru/15-6-2017-lokkina-pirgad/ – описание радиопередачи на сайте ГТРК «Карелия»)

Впрочем, полностью не исчезают (хотя и становятся редкими) и контексты с аппроксимативом I[119]:

(65) «Pu kule-b i näge-b kaike-n». Konz minä ole-n [ol-i-n?] tedomatka-s **vepsläiž-i-denno**, minä kaike-n aiga-n küzel-i-n, mikš muga sanu-tas.
«Дерево слышать-3Sg и видеть-3Sg всё-ACC». Когда я ESSE-[IMPF]-1Sg экспедиция-IN **вепс-PL-1APPR**, я всё-ESS время-ESS спрашивать-IMPF-1Sg, почему так говорить-IMPS.
«Дерево слышит и видит всё». Когда я [Нина Григорьевна Зайцева] была в экспедиции **у вепсов**, я всё время спрашивала, почему так говорят.
[Kodima, №5 (278), 2016: 2]

2.2.2.1.4. Адессив при глаголе говорения

Адессивом, как об этом отдельно говорит и [Бродский, 2008: 39], выражается и язык, на котором говорят:

(66) Minä pagiže-n **vepsän kele-l**.
Я говорить-1Sg **вепсский язык-AD**.
Я говорю на вепсском языке.

По-фински аналогичная фраза выглядит так:

(67) Minä puhu-n **suome-a**.
Я говорить-1Sg **финский.язык-PART**.
Я говорю на финском языке.

Объяснение адессива в этом контексте – его соответствие русской конструкции *на + предл. пад.* при глаголе говорения. В основном своём значении (первое по [Zaiceva, 2003: 76]) вепсский адессив соответствует как раз этой русской конструкции:

[119] Намного чаще, чем аппроксиматив I, встречается аппроксиматив II, падеж на *-nnoks, -dennoks* со значением пр**и**бывания **в** пространств**о** у чего-то.

(68) Jänišankorvaiže-d kazva-ba **kuiva-l sija-l**, **mägude-l**.
Ландыш-PL расти-3Pl **сухой-AD место-AD**, **горка-AD**.
Ландыши растут на сухом месте, на горке.
[Zaiceva, 2003: 76]

2.2.2.2. Партитивное подлежащее и партитивное сказуемое

Одной из самых специфических особенностей синтаксического строя финского языка является использование партитива в подлежащем и сказуемом[120].

Партитивное подлежащее (в финском языке):

(69) Kupi-ssa on **suola-a**.
Чашка-IN ESSE.3Sg соль-**PART**.
В чашке – **соль**.

(70) Maa-ssa oli **työttömyyt-tä**
Страна-IN ESSE-IMPF безработица-**PART**
В стране была **безработица**.

(71) Kadu-lla kävele-e **ihmis-i-ä**.
Улица-AD гулять-3Sg человек-PL-**PART**.
По улице гуляют **люди**.

(72) On-ko sinu-lla **raha-a**?
ESSE.3Sg-Q ты-AD деньги-**PART**?
У тебя есть **деньги**?

(72`) O-vat-ko rahat sinulla?
ESSE-3Pl-Q деньги-PL(NOM) ты-AD?
Деньги у тебя?

Все примеры – из [Kolomainen, 2005: 16 – 18]. Там же, в конце параграфа, описывающего партитивное подлежащее (на указ. стр.), выводится следующая закономерность в распределении номинативного и партитивного подлежащих: Partitiivisubjekti (epämääräinen, tuntematon) – Nominatiivisubjekti (määräinen, tunnettu) ‘партитивное подлежащее (неопределённое, неизвестное) – номинативное подлежащее (определённое, известное)’ (пример их противопоставления – 72). То есть партитивное подлежащее в целом

[120] Если быть точнее, в *предикативе* – то есть в именной части составного именного сказуемого.

употребляется в тех случаях, когда *количество* субъекта неизвестно, а номинативное – когда оно, наоборот, известно.

В вепсском языке тоже встречается партитивное подлежащее, можно даже сказать, что эта одна из немногих черт, не имеющих прямого русского соответствия и сохраняющих определённую устойчивость (но только для партитивных подлежащих множественного числа):

(73) Om vepsläiž-i-d **mastar-i-d** toiž-i-š-ki vepsläiž-i-š kül-i-š.
ESSE.3Sg вепсский-PL-PART **мастер-PL-PART** другой-PL-IN-EMPH вепсский-PL-IN деревня-PL-IN.
Есть вепсские **мастера** и в других вепсских деревнях.
(из корпуса «ВепКар»: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1087, было опубликовано в [Verez tullei, 2014])

(74) Nece om sur' rahvazkeskeine ühtenzoituz, kuna mülü-b erazvuičč-i-d suomalaiž-ugrilaiž-i-d norišto-n **organizacijo-i-d**.
Это ESSE.3Sg большой международный объединение, куда входить-3Sg разный-PL-PART финно-угорский-PL-PART молодёжь-GEN **организация-PL-PART**.
Это большое международное объединение, куда входят разные финно-угорские молодёжные **организации**.
(из Корпуса вепсского языка:
http://vepsian.krc.karelia.ru/text/?text_id=649,
было опубликовано в [Kodima, №8, 2009])

(75) Se-n jäl'g-he om kirjuta-dud i pain-dud erazvuičč-i-d **vajehniko-i-d**, **openduzkirjo-i-d**, **kirjo-i-d**, **kändmiž-i-d**.
Это-GEN после.ILL ESSE.3Sg писать-PRTPASS и издать-PRTPASS различный-PL-PART словарь-PL-PART, учебник-PL-PART, книга-PL-PART, перевод-PL-PART.
После этого [были?] написаны и изданы различные **словари**, **учебники**, **книги**, **переводы**.

(76) Siloi oli lo-dud ezmäiž-i-d orfografija-n **sändo-i-d**, uz-i-d **sano-i-d** i **termino-i-d**, mičč-i-d mö kävuta-m tämbei-ki.

Тогда ESSE-IMPF утвердить-PRTPASS (?[121]) первый-PL-PART орфография-GEN правило-PL-PART, новый-PL-PART слово-PL-PART и термин-PL-PART, какой-PL-PART мы использовать-1Pl сегодня-EMPH.

Тогда [в 1930-е гг.] были утверждены первые орфографические **правила**, новые **слова** и **термины**, которые мы используем и сегодня.

(примеры (74) и (75) – из [Konošenko, 2016])

Обратим внимание, что сказуемое при партитивном подлежащем употребляется только в единственном числе. Эту особенность отмечает [Zaiceva, 2003: 184]: «Subjekt om partitivas, konz se znamoičeb midä-se märatont. Konz subjekt om partitivas, predikat om kaiken üks'lugus» 'Подлежащее [употребляется] в партитиве, когда оно означает что-либо неопределённое (неизмеренное). Когда подлежащее [стоит] в партитиве, сказуемое всегда [употребляется] в единственном числе'. Далее – примеры оттуда же (из грамматики):

(77) Kac, stola-l om jo **sömä-d**.
Смотреть:IMP, стол-AD ESSE.3Sg уже еда-PART.
Смотри, еда уже на столе.

(78) Minei mure-tihe nena, **ver-t** voda-b.
Я.ALL разбить-IMPS:IMPF нос, кровь-PART бежать-3Sg.
Мне разбили нос, кровь течёт.

(79) Verko-i-he putu-b erazvuittuš-t **kala-d**.
Сеть-PL-ILL попадать-3Sg разный-PART рыба-PART.
В сети попадает разная рыба.

(80) Mei-den meca-s om **marjo-i-d**.
Мы-GEN лес-IN ESSE.3Sg ягода-PL-PART.
В нашем лесу есть ягоды.

В русском языке нечто аналогичное можно наблюдать только в составе так называемых генитивных предложений [Синтаксис, 2013:

[121] По словарю [Бродский, 2016], *loda* – это 'бросать, кидать, метать' и 'сновать основу ткани'.

153] типа *А там народу!..* Но у прибалтийско-финского партитивного подлежащего и русского генитивного главного члена разные грамматические значения: хотя они оба связаны с количеством, но прибалтийско-финская форма передаёт *неизвестное* количество, а русская – *большое*, не говоря уже о том, что прибалтийско-финское партитивное подлежащее функционирует в двусоставном предложении (которое может быть распространённым), а русский генитивный главный член – только в односоставном (которое не может быть распространённым[122]).

Очевидно, что главный (даже единственный) член русского генитивного предложения не может служить источником для вепсского (и финского) партитивного подлежащего, это исконная особенность этих языков[123].

---

[122] *Там* из примера *А там народу!...* не считается: это детерминант, неприсловный распространитель (одним из свойств детерминанта, как известно, является его возможность выступать в предложениях разных структур [Шведова, 1968], следовательно, в том числе и в генитивном предложении).

[123] Однако, судя по статье [Йоалайд, 2015: 61], немецкий исследователь Ральф-Петер Риттер, исследуя в своей монографии «Untersuchungen zum Partitiv im Vepsischen» («Исследование партитива в вепсском языке», [Ritter, 1989]) партитив множественного числа типа финского *miehiä tuli*: мужчина-PL-PART прийти-IMPF(SG) ‘пришли мужчины’, имеющийся, по его данным, только в южновепсском диалекте (значит, эта форма, так же как и показатель 3 л. мн. ч. наст. вр. *-ba*, взята в письменный вепсский из южного диалекта?), приходит к выводу, что одной из причин существования этой конструкции в языке «может быть влияние русского языка, что представляется правдоподобным». С самой работой Риттера познакомиться, к сожалению, не удалось. Но см. рецензию на эту работу в журнале «Linguistica Uralica»: «Die durchaus ausführliche Untersuchung von R.-P. Ritter hat gezeigt, daß der Gebrauch der Partitivformen im Wepsischen im Vergleich zu den anderen ostseefinnischen Sprachen allerhand Unterschiede aufweist und daß sein Gebrauch auch im wepsischen Sprachraum nich überall gleich ist. Die damit verbundenen Besonderheiten im Wepsischen haben einige Autoren versucht, **mit dem Einfluß der russischen Syntax** auf diese Sprache zu erklären. R.-P. Ritter stellt aber in seiner Untersuchung manche Beispiele vor, in denen der eigenwillige Gebrauch der Partitivform in keiner Weise auf eine russische Beeinflussung zurückzuführen ist» («Детальнейшее исследование Р.-П. Риттера показало, что использование партитивной формы в вепсском языке имеет различия по сравнению с другими прибалтийско-финскими языками и что её использование не везде одинаково и внутри вепсского языкового пространства. Связанные с этим особенности в вепсском некоторые авторы пытались объяснить **влиянием русского синтаксиса** на этот язык.

Между тем, в финском языке также существует и партитивное сказуемое, вернее предикатив – так в финской филологии называют именную часть составного именного сказуемого [Kolomainen, 2005: 22]:

(81) He o-vat **nuor-i-a**.
Они ESSE-3Pl молодой-PL-**PART**.
Они **молодые**.

(вепс.) Hö oma nore-d.
Они ESSE.3Pl молодой-PL(NOM)
Они молодые.

(82) Tokio **on** maailma-n **suur-imp-i-a kaupunke-j-a**.
Токио ESSE.3Sg мир-GEN большой-SUPER-PL-**PART** город-PL-**PART**.
Токио – **один из крупнейших городов** мира.

(вепс.) Tokio om üks'mail'ma-n kaik-i-š sur-emb-i-š lidno-i-špäi.
Токио ESSE.3Sg один мир-GEN весь-PL-IN большой-COMP-IN город-PL-EL
Токио – один из крупнейших городов мира.

(83) Maito on **valkois-ta**.
Молоко ESSE.3Sg белый-**PART**.
Молоко **белое**.

(вепс.) Maid om vauged.
Молоко ESSE.3Sg белый(NOM)
Молоко белое.

(84) Ole-mme **suomalais-i-a**.
ESSE-1Pl финн-PL-PART.
Мы финны.

(вепс.) Mö ole-m suomalaiže-d.
Мы ESSE-1Pl финн-PL(NOM)
Мы финны.

Партитивное сказуемое используется в финском языке тогда, когда субъект – делимое слово (83), когда сказуемое во множественном числе (обычно) (81), когда сказуемое обозначает часть неопределённого множества (84), в устойчивых синтаксических конструкциях (82) [Kolomainen, 2005: 23 – 25]. В вепсском же языке ничего такого нет (см. наши переводы финских конструкций с партитивным сказуемым). Поэтому можно предположить, что отсутствие партитивного сказуемого (предикатива) в вепсском языке тоже стоит считать следствием русского влияния.

Но Р.-П. Риттер приводит в своём исследовании некоторые примеры, своеобразное использование партитивной формы в которых ни в коем случае не следует объяснять русским влиянием») [Kährik, 1991: 170-171].

2.2.2.3. Независимые обороты и их разрушение под русским влиянием

[Бродский, 2008: 301 – 302] в числе синтаксических особенностей вепсского языка отмечает независимые обороты, называемые полатыни: «Nominativus absolutus», «Partitivus absolutus» и «Adessivus absolutus». Номинативный и партитивный абсолютный обороты отличаются друг от друга только типом объекта: номинативный оборот предполагает тотальный (счётный, определённый) объект, а партитивный – парциальный (несчётный, неопределённый)[124]:

(85) Mö lähte-m meca-späi **täude-d puzu-d käde-s**.
Мы идти-1Pl лес-EL **полный-PL(NOM) корзина-PL(NOM) рука-IN**.
Мы идём из леса **с полными корзинками в руках**.
[Бродский, 2008: 301] – номинативный абсолютный оборот

(86) Neičukaine jokse-b mei-dennoks **kanfeto-i-d kädude-s**.
Девочка бежать-3Sg мы.PL-2APPR **конфета-PL-PART** ручка(SG)-IN.
Девочка бежит к нам **с конфетами в ручках**.
[Бродский, 2008: 301] – партитивный абсолютный оборот

(87) Häne-n edes seižu-b mustverine mužik **sageda-d habino-d** modo-l (VT:63).
Он-GEN перед стоять-3Sg смуглый мужчина **густой-PL(NOM) усы.PL(NOM)** лицо-AD.
Перед ним стоит смуглый мужчина с густыми усами [на лице]
Оригинал: «Перед ним смуглое худощавое лицо с густыми усами» (П:114).
номинативный оборот

Как видим, номинативный и партитивный абсолютные обороты переводятся на русский язык предложно-падежным сочетанием *с + твор. пад.* Но этому же русскому сочетанию соответствует и вепсский

[124] Это противопоставление тотального (номинатив, аккузатив) и парциального (партитив), как мы уже видели, реализуется во многих уголках прибалтийско-финской грамматической системы: падеж подлежащего, падеж сказуемого (только в финском языке), падеж прямого объекта, оно же обнаруживается и в абсолютных оборотах.

комитатив (совместный падеж послеложного образования с показателем *-nke, -denke*):

(88) Kol'a män-i mec-ha **koira-nke**.
Коля идти-IMPF лес-ILL **собака-COM**.
Коля пошёл в лес **с собакой**.
[Бродский, 2008: 66]

Поэтому номинатив и партитив абсолютных оборотов запросто могут замещаться комитативом (и независимый оборот разрушается):

(89) Keskpäivä-ks Muštpachišto-nnoks tule-škanz-i-ba aigvočče-d da lapse-d **äniko-i-denke da** *Sure-n voina-n aiga-n kol-nuz-i-den*[125] läheliž-i-den **modkuv-i-denke** kädes.
Середина.дня-TRANSL кладбище[126]-2APPR прийти-INCH-IMPF-3Pl взрослый-PL и ребёнок-PL **цветок-PL-COM** и Большой-GEN война-GEN время-ESS погибнуть-PRTACT-PL-GEN близкий-PL-GEN **портрет-PL-COM** рука-IN.
К середине дня к кладбищу начали подходить взрослые и дети **с цветами и портретами** близких, погибших во время Великой Отечественной войны, в руках.
[Kodima, №5 (278), 2016: 5]

Для исконной системы правильно было бы: *änikoid* (парт.) *da* <…> *modkuvad* (ном.) *kädes* (комбинированный независимый оборот). Но вместо обеих форм в предложении употреблён комитатив[127].

[125] Это предложение иллюстрирует также самую редкую из четырёх сохраняющихся особенностей порядка слов: причастный оборот левого ветвления.

[126] (?) Это как раз один из тех самых неудачных неологизмов, о которых мы говорили в теоретической главе. Буквально значит «место, где много памятников», где памятник – *muštpacaz* – тоже неологизм, буквально: памятный столб (это, вообще говоря, скорее обелиск).

[127] Не могу не привести здесь один из комментариев Н.Г. Зайцевой по поводу переводов мифов Древней Греции: *Если написать keihanke i sšitanke, то получится, как будто пришла Афина-Паллада, а рядом с нею пришли Щит и Копье. У нас есть у номинатива значение Nominativus Absolutus, т.е. когда говорят: tuli mužik veič kädes, нельзя сказать «tuli mužik veičenke», т.е. как будто мужик, а рядом с ним нож пришел, это сильное русское влияние*.

Комитатив употребляется под русским влиянием также и в контекстах поздравлений: там, где по-фински пожелают *Onnellista Uutta vuotta!* (парт.) ‘Счастливого Нового года!’, по-вепсски скажут *Uden vodenke!* (ген.+ком.) ‘С Новым годом!’[128]:

(90) **Jubileja-nke**, Šoutjärve-n päivkodi i pitk-i-d sinei elo-n voz-i-d!
Юбилей-COM, Шелтозеро-GEN детский.сад и длинный-PL-PART ты.ALL жизнь-GEN год-PL-PART!
С юбилеем, Шелтозерский детский сад, и долгих тебе лет жизни!
[Kodima, №5 (290), 2017]

2.2.2.4. Разрушение послеложного согласования

Очень интересное явление, наблюдающееся в вепсском языке (и, кстати, отсутствующее в финском), – ***послеложное согласование***. [Zaiceva, 2003] называет его «ei-täuz’ kožmuz» ‘неполное согласование’, но мы считаем такое название неточным и предлагаем своё. Термин *<u>неполное</u> согласование*, на наш взгляд, должен предполагать, что зависимый компонент должен принимать не все грамматические характеристики главного (например, число и падеж), а только некоторые (например, только число). Такое же понимание представлено в словаре грамматических терминов [Ахманова, 1966]. В вепсском же языке мы имеем нечто совершенно иное.

Описываемая особенность вепсского языка заключается в том, что при постановке вершины атрибутивного сочетания (существительного) в некоторые падежи зависимый компонент этого сочетания оказывается в другом падеже. Например:

(91) Tul-des kodi-he Nina Zaiceva sid’-žo känd-i vepsäks eras-i-d Olega-n runo-i-d **ude-s kirja-späi.**
Прийти-2INF:IN дом-ILL Нина Зайцева сразу-же переводить-IMPF по-вепсски отдельный-PL-PART Олег-GEN стих.PL-PART **новый-IN книга-EL.**
(вершина – в элативе, атрибут – в инессиве)
[Kodima, №4 (301), 2018: 5]

[128] Чудо-труд [Мини-разговорник, 2015: 30] вообще даёт *Udenke vodenke!* (см. далее про разрушение послеложного согласования).

(92) Zavottes[129] **nec-i-l päivä-lpäi** i kogonaiže-n tul-ija-n nedali-n norišt kävu-i kelota-mha pagastkello-i-l, miše pig-emba nai-da vai läht-ta mehe-le.

Начиная **этот-AD день-ABL** и весь-ESS прийти-PRTPRAES-ESS неделя-ESS молодёжь ходить-IMPF звонить-3INF:ILL погостный.колокол-PL-AD, что быстро-COMP жениться-INF или выйти-INF муж-ALL.

Начиная **с этого дня** и всю следующую неделю молодёжь ходила звонить погостными колоколами (?), чтобы быстрее жениться или выйти замуж.

(вершина – в аблативе, атрибут – в адессиве)
[Kodima, №3 (276), 2016: 7]

(93) Ühtes **nore-n** vepsän kele-n **opendaja-nke** hö tehle-ba mastar'-klasso-i-d kulehtese-späi, luge-ba teksto-i-d, openda-ba runo-i-d, kirjuta-ba kirjeiž-i-d Pakaižuko-le.

Вместе **молодой-GEN** вепсский язык-GEN **учитель-COM** они делать(многокр.)-3Pl мастер-класс-PL-PART журнал-EL, читать-3Pl текст-PL-PART, учить-3Pl стих-PL-PART, писать-3Pl письмо-PL-PART Дед.Мороз-ALL.

Вместе **с молодой учительницей** вепсского языка они [дети] делают мастер-классы из журнала [т. е. делают поделки так, как это описано в журнале], читают тексты, учат стихи, пишут письма Деду Морозу.

(вершина – в комитативе, атрибут – в генитиве)
[Kodima, №3 (276), 2016: 8]

«Грамматика вепсского языка» М.И. Зайцевой, написанная ещё до возрождения вепсской письменности, подробно описывает падежи послеложного образования, которые участвуют в послеложном согласовании: [М. Зайцева, 1981: 197 – 202]. Причина возникновения этой особенности (относительно инессив-элативной и адессив-аблативной атрибутивных конструкций) состоит в следующем: исконные элатив и аблатив утратились, так как их показатели в ходе исторического развития грамматической системы совпали с показателями инессива и адессива[130]. Следствием этого является

[129] Отличная калька служебного элемента (производного предлога), см. раздел 2.2.4.1.

[130] В финском языке показатели следующие (не считая сингармонических вариантов): инессив – -ssa, элатив – -sta, адессив – -lla, аблатив – -lta.

соотвествие некоторых второстепенных значений финского элатива вепсскому инессиву и финского аблатива вепсскому адессиву. Но основные значения элатива и аблатива (место, из которого (эл.) и с поверхности которого (абл.) удаляется предмет) языку оказалось нужным вернуть в грамматическую систему, и осуществилось это при помощи послелога *päi*. В атрибутивных конструкциях он присоединялся только к вершине:

sure-s (ин.) *meca-s* (ин.) + *päi* = *sure-s* (ин.) *meca-späi* (эл.) ‘из большого леса’.
pene-l (ад.) *lauda-l* (ад.) + *päi* = *pene-l* (ад.) *lauda-lpäi* (абл.) ‘с маленького стола’

К падежам послеложного образования также относятся комитатив (*nore-n* (ген.) *opendaja-nke* (ком.) ‘с молодой учительницей’)[131], пролатив (*leveda-d* (парт.) *te-dme* (прол.) ‘по широкой дороге’)[132] и ряд других, редких падежей со сложными показателями на *-päi* и *-sai*. Руководствуясь списком падежей, выделяемых [Бродский, 2008][133], предлагаем вниманию читателей таблицу случаев послеложного согласования в вепсском языке (примеры из [Бродский, 2008], [Zaiceva, 2003] и – выделенные курсивом – построенные самостоятельно при помощи [М. Зайцева, 1981])[134].

---

[131] Аналогичный комитатив послеложного образования в сойкинском диалекте отмечает [Junus, 1936].

[132] Элемент *-me*, присоединяющийся к показателю партитива, – остаток послелога *möto* ‘по’, который и сейчас употребляется в северном диалекте и изредка попадается в письменных текстах, например в «Kodima»: *Hän kerazi* ***mecad möto*** *kaik, mi oli tarbhašt sen täht* ‘Она [белочка] собрала **по лесу** всё, что было нужно для этого [для постройки домика]’ [Kodima, №2 (251), 2014].

[133] Разные грамматические описания выделяют разное число падежей. По [Бродский, 2008], их 22 (или 23), а по таблицам в конце [Zaiceva, 2003] – 15. По тексту [Zaiceva, 2003: 83] упоминаются формы с бывшими послелогами *no* и *noks* (соответствуют фин. послелогам *luona* ‘у’ и *luokse* ‘к’), о которых сказано: «Nene formad johtutaba kändoid, i mö kirjutam-ki jo formantad ühthe sanaha, kut kändlopud, no völ em pangoi kändoiden rivihe» ‘Эти формы напоминают падежи, и мы уже и пишем [эти] форманты [*no* и *noks*] в одно слово [т. е. слитно с существительным в генитиве], как падежные окончания, но ещё не включаем [их] в падежный ряд’. В числе падежей, выделяемых И. Бродским и не выделяемых Н.Г. Зайцевой, – аккузатив, аппроксиматив I (-nno), аппроксиматив II (-nnoks), эгрессив (-nnopäi), терминатив II (-lesai), адитив I (-hepäi), адитив II(-lepäi).

[134] Приводится один из падежных показателей единственного числа.

Табл. 1. Послеложное согласование в вепсском языке

падеж атрибута	пример	**падеж вершины**	пример	словосочетание целиком
инессив (-s)	čoma**s** ‘в красивом’	**элатив (-späi)**	perti**špäi** ‘из дома’	čoma**s** perti**špäi** ‘из красивого дома’
адессив (-l)	läheliže**l** ‘на ближайшей’	**аблатив (-lpäi)**	palič**alpäi** ‘с полки’	läheliže**l** palič**alpäi** ‘с ближайшей полки’
генитив (-n)	musta**n** ‘чёрной’	**комитатив (-nke)**	koira**nke** ‘с собакой’	musta**n** koira**nke** ‘с чёрной собакой’
партитив (-d)	kaida**d** ‘узкой’	**пролатив (-dme)**	tehu**tme** ‘по тропинке’	kaida**d** tehu**tme** ‘по узкой тропинке’
иллатив (-he)	pimeda**ha** ‘в тёмный’	**терминатив I (-hesai)**	mec**hasai** ‘до леса’	pimeda**ha** mec**hasai** ‘до тёмного леса’
аллатив (-le)	*sure**le** ‘к большому’*	***терминатив II (-lesai)***	*joge**lesai** ‘до реки’*	*sure**le** joge**lesai** ‘до большой реки’*
генитив (-n)	korktoi**den** ‘высоких’	**аппроксиматив I (-nno)**	kall’oi**denno** ‘у скал’	korktoi**den** kall’oi**denno** ‘у высоких скал’
генитив (-n)	suri**den** ‘больших’	**аппроксиматив II (-nnoks)**	kivi**dennoks** ‘к камням’	suri**den** kivi**dennoks** ‘к большим камням’[135]

[135] Встречен также вариант послеложного согласования типа *armha**nno** sebranika**nnoks*** ‘к милому другу’ [Kodima, №2 (275), 2016: 8], см. также пример (99) из переводного рассказа.

генитив (-n)	korktoi**den**[136] ‘высоких’	**эгрессив (-nnopäi)**	pedaji**denno-päi** ‘от сосен’	korktoi**den** pedaji**denno-päi** ‘от высоких сосен’
иллатив (-he)	*süvä**hä** ‘в глубокий’*	***адитив I (-hepäi)***	*kaiv**hopäi** ‘к колодцу’*	*süvä**hä** kaiv**hopäi** ‘к глубокому колодцу’*
аллатив (-le)	*sure**le** ‘к большому’*	***адитив II (-lepäi)***	*joge**lepäi** ‘к реке’*	*sure**le** joge**lepäi** ‘к большой реке’*

Таким образом, получается, что из 22 / 23 выделяемых по И. Бродскому вепсских падежей в явлении послеложного согласования в качестве падежа вершины участвуют 11 и в качестве падежа атрибута ещё 6. Вся падежная система вепсского языка оказывается пронизана этим явлением.

Но, не находя никакой опоры в русском языке, данная система разрушается. Послеложное согласование постепенно превращается в обычное.

(94) Neičče-l sil’mä-d da priha-n südäi-n ol-i teh-tud **mičče-<u>päi</u>-se ude-<u>päi</u> modakaha-<u>päi</u> kangha-<u>päi</u>**, kudamb hošt-i päiväiže-l.

Девушка-AD глаз-PL и парень-GEN сердце ESSE-IMPF делать-PRTPASS **какой-<u>EL</u>-то новый-<u>EL</u> модный-<u>EL</u> ткань-<u>EL</u>**, который сверкать-IMPF солнце-AD.

Глаза у девушки и сердце парня были сделаны **из какой-то новой модной ткани**, которая сверкала на солнце.

[Verez tullei, 2017: 10]

(95) A eposa-n tegii sa-b arvo-n iče-ze tö-le ei vaiše **ümbriolijo-i-<u>lpäi</u> vepsläiž-i-<u>lpäi</u>**.

A эпос-GEN создатель получать-3Sg уважение-ACC сам-3POSS работа-ALL не только **окружающий-PL-<u>ABL</u> вепс-PL-<u>ABL</u>**.

[136] В источнике ошибочно *korgiden*.

Букв.: А создатель эпоса [«Вирантаназ» Нина Григорьевна Зайцева] получит уважение своей работе не только **от окружающих вепсов** [после того, как её эпос перевёл на русский язык В. Агапитов].
[Verez tullei, 2016: 4]

(96) Ozutes-i-kš, suomalaiž-i-l om ningoine muzikaline škol, kuna kävu-ba kohtukaha-d naiže-d da naiže-d **pikaraiž-i-denke da vagahaiž-i-denke laps-i-denke**.

Пример-PL-TRANSL, финн-PL-AD ESSE.3Sg такой музыкальный школа, куда ходить-3Pl беременный-PL женщина-PL и женщина-PL **маленький-PL-COM и грудной-PL-COM ребёнок-PL-COM**.

Например, у финнов есть такая музыкальная школа, куда ходят беременные женщины и женщины с маленькими и грудными детьми.
[Kodima, №2 (299), 2018: 5]

(97) Libu-i-m kouma-nde-le žiru-le **kaido-i-dme korkto-i-dme pordh-i-dme** (VT:83).

Подняться-IMPF-1Pl три-ORD-ALL этаж-ALL **узкий-PL-PROL высокий-PL-PROL лестница.PL-PROL** (или **ступень-PL-PROL**)

Поднялись [мы] на третий этаж **по узкой высокой лестнице** (**по узким высоким ступеням**).
Оригинал: «Поднялись на третий этаж по узкой лестнице с высокими ступенями» (П:121).

(98) Sid’ kogonaine klass vo-i-b sa-da kubka-n i kai-ta si-dä **toiž-i-hesai voibu-i-hesai**.

Потом целый класс мочь-IMPF-3Sg получить-INF кубок-ACC и сохранить-INF он(неод)-PART **другой-PL-TERM соревнования.PL-TERM**.

Потом целый класс мог получить кубок и сохранить его **до других соревнований**.
[Kodima, №3 (300), 2018: 5]

В аппроксимативном атрибутивном сочетании зафиксировано даже такое необычное согласование:

(99) Petrii ve-i mužiko-i-d meca-n korb-he i koht-ha **sure-nno muražmäto-nnoks**.

Петрий вести-IMPF мужик-PL-PART лес-GEN чаща-ILL и место-ILL **большой-1APPR муравейник-2APPR**.

Петрий повёл мужиков в чащу леса и на место у большого муравейника (пер. И. Сотниковой).

Оригинал: «Повел братву Петруха в лесную чащу и правда прямиком к большому муравейнику».

(О. Мошников. «Лохнозерское чудовище» / «Lohnojärven čudoviščе», [Verez tullei, 2017: 11], пер. И. Сотниковой)

Этот же падеж с исторически сложным показателем (показатель генитива *-n* + **noks*, ср. с фин. *luokse* ‘к’), оформляя однородные члены, может дать и нечто вроде групповой флексии, что характерно для тюркских, но не для финно-угорских языков.

(100) Mö tul-i-m elä-maha **Zorina-n Darja-tädi-n i Ignat-dädi-nnoks** (VT:35).

Мы прийти-IMPF-1Pl жить-3INF:ILL **Зорин-GEN Дарья-тётя-GEN и Игнат-дядя-2APPR**.

Мы пришли жить **к тёте Дарье и дяде Игнату Зориным**.

Оригинал: «Мы — к тете Дарье и дяде Игнату Зориным» (П:55).

Но этот падеж может вести себя и как все остальные при разрушении послеложного согласования:

(101) Te **seižu-ja-nnoks** suomalaiž-ugrilaiž-i-den rahvah-i-den **kehitoituse-nnoks** nägu-b!

Дорога **стоять-PRTPRAES-2APPR** финно-угорский-PL-GEN народ-PL-GEN **развитие-2APPR** быть.видным-3Sg.

Путь к устойчивому развитию финно-угорских народов виден!

Грамматика [Zaiceva, 2003: 83] признаёт разрушение послеложного согласования за допустимый вариант: «No voib sanuda täudes-ki kožmuses. Ei ole surt vigad: *pene-**nke** neičukaiže-**nke**, pimeda-**hasai** mec-**hasai**, kaidaš-**tme** tehu-**tme***» Букв.: ‘Но можно сказать и в полном согласовании. Нет большой ошибки[137]: *pene-**nke** neičukaiže-**nke*** ‘с маленькой девочкой’, *pimeda-**hasai** mec-**hasai*** ‘до тёмного леса’, *kaidaš-**tme** tehu-**tme*** ‘по узенькой тропинке’. Далее сообщается, что

[137] А маленькую, то есть, сделать можно?

конструкция с пролативом чаще находится в полном согласовании, хотя грамматика [М. Зайцева, 1981: 190] утверждает, что формант *-me* в большинстве случаев присоединяется только к определяемому слову (партитивного сочетания): *tošt tedme* ‘по другой дороге’.

2.2.2.5. Отрицательные и «положительные» местоимения по русскому образцу

К именам в грамматической системе любого языка примыкают местоимения, и в этой области в вепсском языке тоже можно обнаружить следствия русского влияния. Возьмём, к примеру, отрицательные местоимения, которые в русском языке делятся на две категории: **отрицательные местоимения на *ни-*** (*никто*, *ничто*, *нигде*, *никогда*[138]), обозначающие отсутствие лиц, предметов, мест и т.д. (*я никому не скажу* – ‘нет человека, которому я скажу’) и **отрицательные местоимения на *не-*** (*некого*, *нечего*, *негде*, *некогда*[139]), обозначающие отсутствие возможности совершить действие с лицом, объектом, в каком-либо месте и т.д. (*мне некому сказать* – ‘нет человека, которому (=никого, кому) я мог бы сказать’). У последней категории формируется антонимическое соответствие в виде конструкций типа *есть кого*, *есть где* и т. п., которые мы назовём «положительными местоимениями»[140].

Отрицательным местоимения на *ни-* в вепсском языке соответствуют свои собственные местоимения на *ni-*. Образуются они точно так же, как в русском: *ken* ‘кто’ – ***ni**ken* ‘никто’, *mi* ‘что’ – ***ni**-mi* ‘ничто’[141], *kus* ‘где’ – ***ni**kus* ‘нигде’, *kuna* ‘куда’ – ***ni**kuna* ‘никуда’ [Бродский, 2008: 174]. Это абсолютно очевидное морфологическое заимствование (так же, как и префикс *kojo-*, соответствующий русскому *кое-*: ***kojo**-kut* ‘кое-как’, ***kojo**-mitte* ‘кое-какой’ и др. [Бродский, 2008: 264]):

---

[138] Местоименные наречия мы для удобства тоже причислим к местоимениям.

[139] Заметим, что местоимения *некто*, *нечто* и *несколько* относятся не к отрицательным, а к неопределённым.

[140] Напр.: *Всегда было так: не успевал подняться на ноги один, появлялся другой, и мать хваталась за него, а переднего отсаживала в сторону — ползи или иди куда хочешь, только не убивайся до смерти и не кричи, теперь и без тебя **есть кому** кричать* [Валентин Распутин. Последний срок (1970), НКРЯ].

[141] Пишется через дефис в целях различения со словом *nimi* ‘имя’.

(102) Kai-ta kel'-t kac-mata **ni**mičč-i-he jügedus-i-he.
Сохранить-INF язык-PART смотреть-3INF:AB **ни**какой-PL-ILL трудность-PL-ILL.
Сохранить язык несмотря **ни** на какие трудности (заголовок)
[Kodima, №2 (299), 2018: 3]

В финском языке этим местоимениям соответствуют местоимения *kuka* 'кто' и *mikä* 'что' усилительно-отрицательной частицей *-kaan/-kään* (*-än)*: *mikä* 'что' – *mikään* 'ничто', *mihin* 'куда' – *mihinkään* 'никуда', *missä* 'где' – *missään* 'нигде', *kenellä* 'у кого' – *kenelläkään* 'ни у кого' (см. [Братчикова, 2010: 190 – 191])[142]:

(103) E-n ota apu-a kene-ltä-**kään**.
NEG-1Sg брать помощь-PART кто-ABL-**NEG**
Я **ни** от кого не принимаю помощи.
[Братчикова, 2010: 191]

Русским отрицательным местоимениям на *не-* (которые ещё называют отрицательными местоимениями-предикативами [Падучева, 2017]) в вепсском соответствует целый комплекс *ei + ole + мест*. (*ei ole* без местоимения означает *нет* в значении 'отсутствует'):

(104) Škol-ha **ei ole mi-š** kävu-da (VT:62)
Школа-ILL NEG.3 ESSE что-IN ходить-INF
В школу не в чем ходить.
Оригинал: «В школу не в чем бечь» (П:113).

Но под русским влиянием компонент *ole*[143] может и утрачиваться, так как прямого соответствия среди компонентов местоимения (если вся фраза относится к временному плану настоящего[144]) ему нет:

---

[142] Более того, в отличие от русского и вепсского, в финском *(ни)кто*, *(ни)чей*, *(ни)где*, *(ни)куда*, *(ни)откуда* – это всё формы одного вопросительного местоимения. В вепсском, как и в русском, различаются 'где' и 'в чём', а в финском – нет.

[143] Ole-ole-ole, Россия, вперёд!

[144] Когда фраза с отрицательным местоимением-предикативом переносится в другие временные планы (или в ирреальный план), глагол-связка появляется, так же как и в случае с составным именным сказуемым: *есть нечего* (наст. вр., связки нет) – *есть **было** нечего – есть **будет** нечего – есть **было бы** нечего – И **пусть** тебе **будет** нечего есть, ты не откажешься от своей идеи.* См.

(105) Vaiše il'ma-d sinnä tul-iži, ika henk-ta **ei mi-l**.
Только воздух-PART туда прийти-COND, а.то дышать-INF **NEG.3 что-AD**.
Только воздух бы туда приходил, а то дышать **нечем**.
Оригинал: «Там ему самый раз будет, — думаю.— Не задохнулся бы только...»[145] (П:21)

«Положительные» местоимения типа *есть что*, *есть куда* (*Нам есть что вспомнить и есть куда расти!*) представляют в вепсском языке полную кальку с русского:

(106) **Ol-i mi-n polhe** meleta-da (VT:88)
ESSE-IMPF что-GEN о думать-INF
Было **о чём** думать.
Оригинал: «Было над чем задуматься». (П:131)

(107) Škola-n radnika-d sanu-ba, miše hei-l **om ke-l** ülenda-das.
Школа-GEN работник-PL говорить-3Pl, что они.PL-AD **ESSE.3Sg кто-AD** гордиться-INF-REF.
Работники школы говорят, что им **есть кем** гордиться.
[Kodima, №2 (299), 2018: 5]

(108) A nece znamoiče-b, miše mei-l **om** völ **kene-n täht** kirjuta-da.
А это значить-3Sg, что мы.PL-AD **ESSE.3Sg** ещё **кто-GEN для** писать-INF.
А это значит, что у нас ещё **есть для кого** писать.
[Kodima, №3 (300), 2018: 1]

[Падучева, 2017]. Как это перевести на вепсский? *Ei (ole) midä söda – ei olend midä söda – ei linneb midä söda – ei oliži midä söda – Olgha-ki sinei ei midä söda...* (предп.)

[145] Это прямая речь от лица автора, бывшего ребёнком, где он говорит об игрушечном петушке, которого засунул за пазуху.

2.2.3. Синтаксис глагола

2.2.3.1. Конструкция предбудущего времени в пассивном залоге типа *будет сделано*

Эту русскую форму, которая стала принадлежностью и вепсского языка (в то время как в финском языке аналогичная по строению форма имеет совсем другое значение), мы назовём *футурум-экзактум*[146]:

Табл. 2. Времена в пассивном залоге в русском языке

	активный залог	пассивный залог с прич. наст. вр.	пассивный залог с прич прош. вр.
настоящее время	Я читаю книгу. Этого артиста любит народ.	Этот артист любим народом.	—
перфект[147]	—	—	Книга прочитана.

[146] В исторической грамматике русского языка так называют аналитическую форму типа *буду писалъ*, употреблявшуюся преимущественно в придаточных предложениях со значением условия (*Пакы ли* ***боудеть*** *что татебно* ***коупилъ*** *въ търгоу. или конь или портъ или скотиноу. то выведеть свободьна моужа два или мытника* («Русская Правда», пример из [Горшкова, Хабургаев, 1981: 296], об этой форме см. также [Новикова, Трофимова, 2011], [Новикова, 2011]). В [Колесов, 2013: 293 и др.] название этой формы-конструкции записывается как *Futurum exactum*. Учитывая параллелизм в названиях древнерусских и современных русских форм (др.-рус. перфект: *есть писалъ* (акт.) – совр. рус. перфект *написан* (пасс.); др.-рус. фут.-экз.: *будеть писалъ* (акт.) – *будет написан* (пасс.)), последнюю форму современного русского языка мы тоже предлагаем называть «футурум-экзактум» (а форму *был написан* – плюсквамперфектом), тем более что функционирование этой формы в пассивном залоге (как и сейчас) также отмечается памятниками древнерусской книжности: *Нъ оже* ***будеть оубилъ*** (акт.)*... ему платити. — Нъ оже* ***будеть*** *без вины* ***оубьен*** (пасс. – *будет убит*) *... заплатити на нь оурокъ* («Рус. Правда», [Горшкова, Хабургаев, 1981: 299]).

[147] Перфектом называет эту форму и [Буланин, 1976].

прошедшее время	Я читал книгу. Этого артиста любил народ.	Этот артист был любим народом.	—
плюсквамперфект	—	—	Книга была прочитана.
будущее время	Я прочитаю (буду читать) книгу. Этого артиста полюбит (будет любить) народ.	Этот артист будет любим народом.	—
футурум-экзактум	—	—	**Книга будет прочитана.**

Пассивные формы перфекта и плюсквамперфекта встречаются в современных вепсскоязычных текстах довольно часто:

(109) Ezmäine voz’ ol-i kuti «kodvi-i voz’» nevondišto-n täht, no nügüd’ voi-b sanu-da, miše kaik meleta-dud **om teh-tud.**

Первый год ESSE-IMPF как «проверять-PRTPRAES год» совет-GEN для, но сейчас можно-3Sg сказать-INF, что всё думать-PRTPASS **ESSE.3Sg делать-PRTPASS.**

Первый год был как бы «проверочный год» для совета, но сейчас можно сказать, что всё задуманное **сделано**
[Kodima, №12 (285), 2016: 4] – перфект.

(110) Sid’ olimpiada-n ühtniko-i-den täht **ol-i ozuta-dud** koncert.

Потом олимпиада-GEN участник-PL-GEN для **ESSE-IMPF показать-PRTPASS** концерт.

Потом для участников олимпиады был показан концерт.
[Kodima, №12 (285), 2016: 3] – плюсквамперфект.

Эти же формы есть и в финском языке, но там они понимаются как безличные ([Братчикова, 2010: 138-139]):

Табл. 3. Перфект и плюсквамперфект пассива в финском языке

Перфект пассива		Плюсквамперфект пассива	
on saatu	*получено*	oli saatu	*было получено*
on kirjoitettu	*написано*	oli kirjoitettu	*было написано*
on annettu	*дано*	oli annettu	*было дано*

Формы перфекта и плюсквамерфекта пассива в прибалтийско-финских языках (для исконного состояния) системно объединяются с неопределённо-личными формами презенса и имперфекта[148]:

Табл. 4. Времена глагола в финском языке (глагол sanoa ‘сказать’)

	формы активного залога (3 л. мн. ч.)	неопр.-личные формы / формы пассивного залога
презенс	*sanovat*	*sanotaan*
имперфект	*sanoivat*	*sanottiin*
перфект	*ovat sanoneet*	*on sanottu*
плюсквамперфект	*olivat sanoneet*	*oli sanottu*

[148] Это выражается также и в том, что логический объект при пассивных и неопределённо-личных формах выражается одинаково – номинативом: *kirj kirjutadas* ‘книгу пишут’ (презенс), *kirj kirjutadihe* ‘книгу писали’ (имперфект), *kirj om kirjutadud* ‘книга написана’ (перфект), *kirj oli kirjutadud* ‘книга была написана’. [Junus, 1936: 71] говорит в этом случае об аккузативе номинативной формы (*nominativaformain akkusativa*), употребляющемся при неопределённо-личных глаголах (а также при повелительном наклонении и глаголе *pittää* ‘надо’; вепс.: *pidab*), похожую трактовку находим в [Братчикова, 2010: 32].

Табл. 5. Времена глагола в вепсском языке (исконная система, глагол *sanuda* ‘то же’)

	формы активного залога (3 л. мн. ч.)	неопр.-личные формы / формы пассивного залога
презенс	*sanuba*	*sanudas*
имперфект	*sanuiba*	*sanudihe*
перфект	*oma sanunuded*	*om sanutud*
плюсквамперфект	*oliba sanunuded*	*oli sanutud*

В этой, исконной системе нет места будущему времени, потому что его нет ни в каком виде в финском языке[149]. Но влияние русского языка делает своё дело, и в вепсском языке появляется будущее время – в активном залоге[150] и пассивном (обратим внимание на число подлежащего и число сказуемого – это пригодится нам в следующей главе):

(111) Nece-n vode-n uhoku-s **linne-b teh-tud** kožmuz ühthižrado-s.
Этот-GEN год-GEN февраль-IN **ESSE.FUT-3Sg делать-PRTPASS** соглашение совместная.работа-IN[151].
В феврале этого года **будет подписано** соглашение о совместной работе.
[Kodima, №1 (286), 2017: 4]

[149] Семантика будущего времени в финском языке определяется по контексту (напр., по прямому дополнению в форме аккузатива или по словам типа «завтра», «скоро» и др.), это же в целом справедливо и для вепсского языка, но с важной оговоркой (см. следующую ссылку). Кроме того, в финском языке есть отдельная описательная конструкция типа *tulee elämään* ‘будет жить’, которой в вепсском нет (см. раздел 2.2.3.4, про иллативную форму).

[150] Отдельная парадигма будущего времени в вепсском языке формируется на базе парадигмы глаголов с начинательным суффиксом *-škata*: *pagižen* ‘говорю’ – *pagižeškanden* ‘начинаю говорить’ → ‘буду говорить’. Судя по наличному материалу, формы типа *pagižeškanden* используются как аналог русского аналитического будущего времени у глаголов несовершенного вида (*буду говорить*), тогда как простому будущему времени глаголов совершенного вида продолжают соответствовать вепсские формы презенса (*приду – tulen*, а *буду приходить – tuleškanden*), но это требует дополнительного исследования.

[151] Инессив (падеж, обычно отвечающий на вопрос *где?*) в значении объекта мысли.

(112) Kaik uroka-d **linne-b äneta-dud** vepsäks da venäks.
Все урок-PL **ESSE.FUT-3Sg озвучить-PRTPASS** по-вепсски и по-русски.
Все уроки **будут озвучены** по-вепсски и по-русски.
[Kodima, №8 (281), 2016: 1]

(113) Si-š aiga-späi zavodi-še sur' rad: **linne-b vede-tud** seminara-d, festivali-d, praznika-d, ozuteluse-d da projekta-d.
Тот-IN время-EL начаться-3:REF большой работа: **ESSE.FUT-3Sg вести-PRTPASS** семинар-PL, фестиваль-PL, праздник-PL, выставка-PL и проект-PL.
С того времени начнётся большая работа: **будут проведены** семинары, фестивали, праздники, выставки и проекты.
[Kodima, №1 (286), 2017: 4]

Эту форму следует признать несомненно существующей в письменном вепсском языке. Давайте же теперь построим отдельную табличку всех аналитических глагольных форм[152]:

Табл. 6. Аналитические глаг. формы в вепсском языке (глагол *tehta* 'делать')

	активный залог (3 л. ед. ч.)	пассивный залог
перфект	*om tehnu*	*om tehtud*
плюсквамперфект	*oli tehnu*	*oli tehtud*
футурум-экзактум	—	*linneb tehtud*

Как видим, одна из ячеек этой таблицы – а вместе с ней и грамматической системы – остаётся незаполненной. Но грамматика языка ощущает эту недостачу (пользуясь термином фольклористики), нехватку «предбудущего» времени в активном залоге, и отсутствующая в системе языка форма окказионально может раз! – и появиться[153]:

[152] Мы не учитываем здесь конструкции с инессивной формой III инфинитива (о них будет рассказано далее), хотя их тоже можно признать за отдельные временные формы.

[153] Кроме того, по [Бродский, 2008: 104], возможен перфект будущего (а точнее, именно предбудущего) времени в придаточных предложениях: *Konz*

(114) Vedä henge-d da oige-te, ika ku-s päliči **linne-d känd-nu-s** poleti (VT:85).

Вести(IMP) дух-PART и распрямиться-IMPF:REF, а.(не).то месяц-IN через **ESSE.FUT-2Sg сгибаться-PRTACT-REF** пополам.

Переведи дух и распрямись, а (не) то через месяц **будешь сложенный** пополам.

Оригинал: «Дух переведи и костям дай распрямиться, а то через месяц так и останешься сложенный в пополамушки» (П:125).

Таблицу вепсских временных форм (табл. 5), тем самым, уже можно дополнить:

Табл. 7. Формы будущего времени в вепсском языке (дополнение к табл. 5)

	формы активного залога (3 л. мн. ч.)	неопр.-личные формы / формы пассивного залога
будущее время	*sanuškandeba*[154]	*sanuškatas* (предп.)
футурум-экзактум	*linneba sanunuded*	*linneb sanutud*[155]

*minä **olen lopnu** käzikirjutesen, ka oigendan sen sinei e-počtal.* ‘Когда я **закончу** рукопись, то пошлю её тебе электронной почтой’. Возможно, такое употребление перфекта в вепсском языке (не обнаруживаемое в реальных современных текстах) следует признать калькой с финского, где такое тоже возможно: [Братчикова, 2010: 120]: *Lähden heti, kun **olen tehnyt** tämän tehtävän* ‘Пойду сразу, как **выполню** это задание’.

[154] Это вепсское будущее время встречается и в виде *sanuškan* ‘буду говорить’ (именно так оно представлено, например, в [Solomonan muštatišiden kirj, 2016]), но подвох в том, что от основы *sanuška-* невозможно образовать форму прошедшего времени со значением ‘начал говорить’, а от основы *sanuškande-* она образуется как *sanuškanzin*, поэтому мы предпочитаем «долгие формы» (по аналогии с «долгой» формой I инфинитива типа *lukeakseni* ‘чтобы я читал’ в финском языке). Возможно, формы будущего времени типа *sanuškan* могли бы иметь разговорный оттенок, если бы устная речь на нормативном вепсском была более регулярно представлена в общении её носителей.

[155] В финском языке аналогичная по строению форма (*lienee kirjutettu*) – пассивный перфект потенциала. В [Братчикова, 2010: 131] эта форма только упомянута вскользь (не говорится, как она образуется); в [ГФЯ, 1958: 161] в §147 мы это найдём. Примеры оттуда – *lienee sanottu* ‘возможно, сказано’, *lienee tehty* ‘возможно, сделано’. Значение определяется весьма туманно: «законченное действие в н а с т о я щ е м и б у д у щ е м или в п р о ш е д ш е м времени», а потом приводится пример только на актив, но не

2.2.3.2. Некоординированность по числу вспомогательного глагола в аналитических пассивных временных формах с подлежащим (также о глаголе linneb)

В примерах (112) и (113) из предыдущего раздела обращает на себя внимание тот факт, что подлежащее в предложении стоит во множественном числе (*uroka-d* ‘уроки’; *seminara-d, festivali-d, praznika-d, ozuteluse-d da projekta-d* ‘семинары, фестивали, праздники, выставки и проекты’), а вспомогательный глагол в составе сказуемого с ним не координируется, употребляясь в числе единственном (*linneb* ‘будет’). Форма ‘будут’ же переводится как *linne**ba***.

(115) Konz linne-**ba** valičuse-d parlament-ha?
Когда ESSE.FUT-**3Pl** выбор.PL парламент-ILL?
Когда будут выборы в парламент?[156]
[Бродский, 2008: 192]

(116) Mei-den uroka-d linne-**ba** melentartuiže-d.
Мы.PL-GEN урок-PL ESSE.FUT-**3Pl** интересный-PL
Наши уроки будут интересные.
пример из учебника для 3 класса [Kukojeva, Ginijatullina, 2013][157]

(117) Kaik **linne-ba** hüv-i-š mel-i-š, ku minä pörda-moi tagaze.
Все ESSE.FUT-**3Pl** хороший-PL-IN мысль-PL-IN, когда я вернуться-1Sg:REF назад.
Все будут в хорошем настроении, когда я вернусь назад.
(Корпус вепсского языка, было опубликовано в [Verez tullei, 2014])

Само слово *linneb* используется сейчас как представитель бытийного глагола *olda* в будущем времени (единственный в вепсском языке глагол, имеющий будущее время не в связи с начинательным

на пассив. Мы бы определили значение этой формы как «возможность, вероятность осуществлённости действия в прошлом неопределённым субъектом»: *Se kirja lienee ostettu.* ‘Эту книгу, возможно / наверное, купили’. А по-вепсски *se kirja linneb osttud* значит ‘эта книга будет куплена’.

[156] Так и представляю себе, как вепсы друг у друга спрашивают это.

[157] На его обложке буквы VEPSÄN KEL’ представлены рисунками. При этом L нарисована как снеговик с недоуменным выражением лица, которого кто-то засунул в валенок.

суффиксом). По происхождению оно является переосмысленной супплетивной формой потенциала – возможностного наклонения с показателем *-ne-* – от *olda*. Возможностное наклонение считается утраченным в большинстве прибалтийско-финских языков (это упоминают и [Бурлак, Старостин, 2005], хотя в [М.Зайцева, 1993: 43 – 45] о потенциале говорится как о существующей категории), но в самом финском языке оно сохраняется [ГФЯ, 1958: 159-163], [Братчикова, 2010: 131-134]. Значение потенциала – действие, возможное при каком-либо неопределённом условии (в отличие от кондиционала, обозначающего действие, возможное как раз при каком-то определённом условии), – в динамике развития вепсского (а также водского и ижорского языков) оказалось неактуальным, и соответствующая граммема была утрачена. Остались только супплетивные формы от глагола *olda* (вепс.; вод. – *õlla*, иж. – *olla*), получившие значение будущего времени: значение ‘возможно, буду’ превратилось просто в ‘буду’ на основании того, что относительно будущего времени граница между реальностью и ирреальностью становится нечёткой.

[Бродский, 2008: 304] предлагает возродить потенциал и строит его по-новому: *ol-ne-n, ol-ne-d, ol-ne-b* (формы *linnen, linned, linneb* теперь-то уже заняты!).

Интересна ситуация с выделением (или невыделением) потенциала в грамматике [Junus, 1936]: вместо потенциала автор выделяет «интеррогатив» («вопросительное наклонение»), формы которого оказываются формами потенциала с добавленными к ним элементами *-k* и *-se*, но далее по тексту он всё-таки «пробалтывается», употребляя термин *potentsiala*.

Но вернёмся к примерам (112) и (113), где глагол *linneb* не координируется по числу с подлежащим. Такая же «ситуация некоординированности» встречается в письменном вепсском языке и в других аналитических временах:

(118) Kaik citata-d om ot-tud kirja-späi «Laps’aiga-n abekirj».
Все цитата-**PL** ESSE.3**Sg** брать-PRTPASS книга-EL «Детство-GEN азбука»
Все цитаты взяты из книги «Азбука детства».
[Verez tullei, 2017: 4 (сноска)]
(перфект, *citatad* – во множественном числе, *om* – в единственном)

(119) Vode-l 1937 vepsänkel'ne openduz ol-i kel'-tud, openduzkirja-d ol-i polt-tud.

Год-AD 1937 вепсскоязычный обучение ESSE-IMPF запретить-PRTPASS, учебник-**PL** ESSE-IMPF(3**Sg**) сжечь-PRTPASS.

В 1937 году вепсскоязычное обучение было прекращено, учебники были сожжены.

[Kodima, №3 (300), 2018: 8]

(плюсквамперфект; *openduzkirjad* – во множественном числе, *oli* – в единственном)

[Zaiceva, 2003: 133] специально говорит о том, что вспомогательный глагол в пассивных конструкциях перфекта и плюсквамперфекта (а соответственно, и футурум-экзактума, который там не выделяется) должен употребляться в единственном числе: «Perfektforman saudes olda-abuverb om kaiken üks'lugus 3. (koumandes) personas (***om***): *Kaik radod **om** tehtud.* <…> *Tarbhaižed kirjad ekzamenan täht **om** lugetud*. *Kirjeižed ičhižile **om** kirjutadud*. Nece sänd om vahv, i sidä ei sa mureta. Abuverb om üks'lugus, sikš ku ei ole sel'ged, ken om tegendan sädai i äjak om sädajid. <…> Pluskvamperfektas-ki kävutoittas sidä sändod. **Olda**-verb ezineb kaiken vaiše **oli**-formas: *Nene pertid **oli** saudud lidnas ezmäižin.* <…>» 'При построении [пассивного] перфекта вспомогательный глагол *olda* всегда [стоит] в [форме] 3-го лица единственного числа (***om***): *Kaik radod **om** tehtud.* 'Все работы сделаны'. <…> *Tarbhaižed kirjad ekzamenan täht **om** lugetud*. 'Нужные книги для экзамена прочитаны'. *Kirjeižed ičhižile **om** kirjutadud*. 'Письма близким написаны'. Этот закон строгий, и нарушать его нельзя[158]. Вспомогательный глагол [употребляется] в единственном числе, поскольку неясно, кто производитель действия и сколько производителей[159]. <…> Этот закон используют и в плюсквамперфекте. Глагол **olda** выступает всегда в форме **oli**: *Nene pertid **oli** saudud lidnas ezmäižin.* 'Эти дома были построены первыми в городе'. <…>[160]'.

[158] То есть соблазн, видимо, есть.

[159] То есть в соответствии с такой логикой число вспомогательного глагола ориентируется на логический субъект (отсутствующий в предложении в качестве обязательного компонента; о его выражении, когда он всё-таки есть, см. 2.2.2.1.1), а не на грамматическое подлежащее (=логический объект).

[160] И далее приводятся примеры, где употребление единственного числа *oli* можно объяснить совершенно различными причинами, причём в каждом случае своей: ***Oli valitud** äi openikoid, no Piterihe ajoi vaiše üks'*. 'Было выбрано

Обращение к «Грамматике финского языка» 1958 г. показывает, что употребление вспомогательного глагола в таких конструкциях именно в единственном числе – это исконная особенность прибалтийско-финского синтаксиса. [ГФЯ, 1958: 156 – 157] сообщает: «форма перфекта пассива образуется из формы 3-го лица **единственного числа** презенса вспомогательного глагола *olla* и II причастия пассива (в форме номинатива единственного числа) спрягаемого глагола, например: *on kirjoitettu* ‘написано’, *on annettu* ‘дано’, *on tehty* ‘сделано’» (§132); то же и с плюсквамперфектом, только вспомогательный глагол используется в имперфекте: *oli kirjoitettu* ‘было написано’, *oli annettu* ‘было дано’, *oli tehty* ‘было сделано’ (§137).

В то же время для вепсского языка это вступает в явное противоречие с языковым сознанием. В финском языке все пассивные формы (см. табл. 4) логически являются членами одной парадигмы, а в вепсском презенс и имперфект имперсонала, с одной стороны, и перфект и плюсквамперфект пассива, с другой, фактически стали двумя разными грамматическими категориями. У них разные соответствия в русском языке, которые по-разному управляют своими актантами:

Табл. 8. Имперсонал и пассив в вепсском языке и их русские соответствия

грамм. время	вепсские формы	русские соответствия
презенс	*kirj kirjutadas*	*книгу пишут*
имперфект	*kirj kirjutadihe*	*книгу писали*
будущее время	*kirj kirjutaškatas*	*книгу будут писать*
перфект	*kirj om kirjutadud*	*книга написана*
плюсквамперфект	*kirj oli kirjutadud*	*книга была написана*
футурум-экзактум	*kirj linneb kirjutadud*	*книга будет написана*

много учеников, но в Петербург поехал только один’ (глагол-сказуемое употребляется в единственном числе при подлежащем – счётном обороте). *Kaikile **oli** amu **sanutud** praznikan polhe.* ‘Всем давно было сказано о празднике’ (единственное число глагола-сказуемого в предложении безличного характера: нет ни логического субъекта, ни объекта). *Kat’a tuli i nägišti, miše honusehe **oli todud** ezmäižid änikoid*. ‘Катя пришла и увидела, что в комнату были принесены первые цветы’ (употребление глагола-сказуемого в единственном числе при партитивном подлежащем).

Очевидно, что, в то время как формам презенса (вместе с новым будущим временем) и имперфекта соответствует русская конструкция, в которой логическому объекту соответствует прямое дополнение (эти формы назовём имперсональными)[161], формы перфекта, плюсквамперфекта и образовавшегося по их образцу футурум-экзактума соответствуют такой русской конструкции, которая имеет своё подлежащее (выражающее логический объект), состоящее в координации со сказуемым (эти формы назовём пассивными). И поэтому в вепсском языке слово, обозначающее логический объект при пассивной форме, должно переосмыслиться как подлежащее предложения – а с подлежащим сказуемое (вернее, его связка) должно координироваться по числу (и по лицу, если подлежащее – личное местоимение). Тем не менее, в текстах этого не происходит, так как по непонятной причине описываемая некоординированность сохраняется очень устойчиво:

(120) Paiči si-dä, ned om pan-dud Rustta-ha kirja-ha.
Кроме то-PART, они(неод).**PL** ESSE.3**Sg** положить-PRTPASS Красный-ILL книга-ILL.
Кроме того, они [*bahaloukud* – волнушки розовые] занесены в Красную книгу.
[Kodima, №4 (301), 2018: 6]

(121) Ningoiže-d azjtego-d, mičče-d ol-i omišta-dud Rahvazkeskeiže-le kodikele-n päivä-le, män-i-ba eras-i-š Karjala-n-ki taho-i-š.
Такой-PL мероприятие-**PL**, какой-PL ESSE-IMPF(3**Sg**) посвятить-PRTPASS Международный-ALL родной.язык-GEN день-ALL, идти-IMPF-3Pl отдельный-PL-IN Карелия-GEN-EMPH место-PL-IN.
Такие мероприятия, которые были посвящены Международному дню родного языка, прошли и в разных районах Карелии.
[Kodima, №3 (300), 2018: 8]

Нами был зафиксирован всего лишь один пример, где эта странная некоординированность отступает:

[161] В финском языке и в вепсском для исконной системы такой логический объект при имперсональной форме должен выражаться номинативом, хотя в современных текстах уже едва ли не чаще встречается его оформление аккузативом – в этом тоже проявляется влияние русского языка.

(122) Komissija-n plano-i-š – teh-ta ude-s vode-s frazeologiže-n kirja-n, kus linne-**ba** ezita-dud kirjame-d A – M.

Комиссия-GEN план-PL-IN – делать-INF новый-IN год-IN фразеологический-ACC книга-ACC, где ESSE.FUT-3**Pl** представить-PRTPASS буква-**PL** A – M.

В планах [Термино-орфографической] комиссии – сделать в новом году фразеологический словарь [вепсского языка], где будут представлены буквы A – M.
[Kodima, №1 (298), 2018: 5]

С другой стороны, обнаружен также один пример, показывающий распространение этой некоординированности и на активные формы:

(123) Keza-l vepsläiže-n lageri-n aiga-n lapse-d hüv-i-š mel-i-š lähte-ba ekskursijo-i-le vepsän röuna-n kül-i-dme, mugažo Piteri-n agja-ha, kus **om** kaiče-nu-s enčče-d časoun'a-d da jumalanperti-d.

Лето-AD вепсский-GEN лагерь-GEN время-ESS ребёнок-PL хороший-PL-IN мысль-PL-IN уходить-3Pl экскурсия-PL-ALL вепсский район-GEN деревня-PL-PROL, также Петербург-GEN область-ILL, где ESSE.3**Sg** сохранить-PRTACT-REF прежний-PL часовня-**PL** и церковь-**PL**.

Летом, во время вепсского лагеря, дети в хорошем настроении ездят на экскурсии по деревням вепсского района [т. е. Прионежского района Республики Карелия], [а] также в Ленинградскую область, где сохранились старые часовни и церкви.
[Kodima, №2 (299), 2018: 6][162]

Для письменного вепсского языка описываемую особенность, вероятнее всего, следует признать феннизмом – искусственно привнесённой в него и культивируемой финской языковой чертой. См. [Бродский, 2009: 238]: «Дискуссионным является использование в сложных временных формах пассива вспомогательного глагола **olda** лишь в единственном числе, без согласования [т. е. координации с подлежащим], то есть, например, harjoitused om tehtud 'задания сделаны'[163]. По нашем наблюдениям, проводившимся специально,

[162] При этом в целом эта статья оказывается написана удивительно правильно, несмотря на то, что, судя по подписи, писали её дети – ученики Рыборецкой школы.

[163] В самой этой статье И. Бродский случайно пишет *harjoitused oma tehtud*, то есть так, как и должно быть по его и по нашему мнению.

в современной диалектной речи согласование в числе присутствует (urokad **oma** tehtud)»[164].

2.2.3.3. Конструкции со II инфинитивом – соответствие русским деепричастным оборотам

Конструкции со II инфинитивом (имеющим инессивную форму на -tes/-des и инструктивную на -ten/-den) представлены в вепсском языке намного беднее, чем в финском (об их употреблении в финском языке см.: [Дубровина, 1972: 115 – 140]). В подавляющем большинстве случаев эти вепсские конструкции полностью соответствуют русским деепричастным оборотам:

(124) Ol-iži ningoičč-i-d päivlong-i-d kaikučče-l päivä-l, ka ei ol-iži kolhoz, a ol-iži rai, — sanu-i Kukuškin-ded, **läht-tes** stola-n tagapäi da **rist-tes** rustta-ha čoga-ha (VT:53).

ESSE-COND такой-PL-PART обед-PL-PART каждый-AD день-AD, то NEG.3 ESSE-COND колхоз, а ESSE-COND рай, — сказать-IMPF Кукушкин-дед, **выходить-2INF:IN** стол-GEN из-за и **креститься-2INF:IN** красный-ILL угол-ILL.

Были бы такие обеды каждый день, то не был бы колхоз, а был бы рай, — сказал дед Кукушкин, **выходя** из-за стола и **крестясь** на красный угол.

Оригинал: «Таки обеды да кажинный божий денек, тады б не колхоз был, а рай небесный, — сказал старик Кукушкин, вылезая из-за стола и отвешивая по привычке крест в красный угол» (П:95).

Порядок слов в этих оборотах полностью соответствует русскому. Другие примеры таких русифицированных деепричастных оборотов в вепсском языке см. в главе 2.2.1.4. В учебнике [Бродский, 2008: 216] говорится: «Второй инфинитив времени предшествует тому члену предложения, к которому относится. При этом дополнения, относящиеся ко II инфинитиву, ему также предшествуют», но, как

[164] В другой своей статье И. Бродский поднимает вопрос о том, как будет выглядеть эта конструкция, если логический объект (= грамматический субъект) – личное местоимение: *mö om kuctud*, *tö om kuctud adivoihe* ‘букв.: мы (1Pl) есть позван (3Sg), вы (2Pl) есть позван (3Sg) в гости. С его и с нашей точки зрения, эта «раскоординированность» выглядит совершенно неестественно. *Mö olem kuctud*, *tö olet kuctud* ‘мы позваны, вы позваны’ (с координацией) – вот это по-вепсски.

видно из современных письменных вепсских текстов, в них уже не соблюдается ни то, ни другое условие[165]. Эти обороты полностью русифицировались.

В тексте Нового Завета большинство оборотов со II инфинитивом употребляются препозитивно, но в большинстве из них сам II инфинитив стоит в начале своего оборота. Оборотов, заканчивающихся II инфинитивом, немного, почти все из них выглядят как *necen kulištades* ‘услышав это’, *necen sanudes* ‘сказав это’ и т.п. Обнаружен и один случай, где II инфинитив стоит в середине оборота:

(125) Nece minä, Pavel, vanh mez' jo da ližaks völ *türma-s* ***ol-des*** *Iisusa-ha Hristosa-ha uskonda-n täht*, pakiče-n sindai Onisima-n polhe, kudamb tägä türma-s teg-i-he minei kuti poig.

Это я, Павел, старый человек уже и к.тому.же ещё тюрьма-IN ESSE-2INF:IN Иисус-ILL Христос-ILL вера-GEN для, просить-1Sg ты.PART Онисим-GEN о, который здесь тюрьма-IN делаться-IMPF-3:REF я.ALL как сын.

Это я, Павел, уже старый человек и к тому же в тюрьме *будучи* за веру в Иисуса Христа, прошу тебя за Онисима, который здесь, в тюрьме, сделался мне как сын.

Синод: «По любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа; прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих…» (Флм 1:9 – 10).

Лишь в очень редких случаях вепсским конструкциям со II инфинитивом нельзя сопоставить русский деепричастный оборот, построенный точно так же (речь уже не идёт только о порядке слов). Приведём несколько примеров:

(126) *Perfektforma-n* ***sau-des*** ol-da-abuverb om kaiken üks’lugu-s 3. (kouma-nde-s) persona-s (***om***).

Перфектная.форма-ACC строить-2INF:IN ESSE-INF-вспомогательный.глагол ESSE.3Sg всегда единственное.число-IN 3. (три-CARD-IN) лицо-IN (ESSE.3Sg)

[165] Если бы предложение из примера (121) было построено с применением этих правил, его авторская часть выглядела бы так: *stolan tagapäi* ***lähttes*** *da rusttaha čogaha* ***risttes*** *sanui Kukuškin-ded.*

При построении перфектной формы вспомогательный глагол *olda* всегда [должен стоять] в единственном числе, в 3-м (третьем) лице (***om***)[166].
[Zaiceva, 2003: 133]

В этом предложении деятель действия, выраженного II инфинитивом (*saudes*), не совпадает с деятелем основного, в данном случае «бытийственного» действия (*olda-abuverb om*). В русском языке такое невозможно, а примеры, которые изредка встречаются, признаются ошибками (классический полушуточный пример: «Подъезжая к городу, с меня слетела шляпа»), так как современные русские деепричастия происходят от кратких причастий древнерусского языка, определявших только одного деятеля в предложении – подлежащее [Колесов, 2013: 490 – 491]. Этот деятель в приведённом вепсском предложении вообще не выражен, здесь мы имеем дело с пассивным по семантике деепричастием. В финском языке подобные предложения (с разными деятелями основного и второстепенного действий) возможны [Дубровина, 1972: 116 – 121], а для выражения действия, совершаемого «неопределённым» второстепенным деятелем, существуют даже специальные пассивные формы II инфинитива, не совпадающие с активными:

(127) Halme ol-i pääs-syt *kahvi-a* ***juo-ta-essa*** herrasväe-n pöytä-än.
Халме ESSE-IMPF попасть-PRTACT кофе-PART пить-**PASS**-2INF:IN господа-GEN стол-ILL.
Когда пили кофе, Халми оказался за господским столом.
[Дубровина, 1972: 127]

В вепсском же языке отдельных пассивных деепричастий нет, но когда бывает нужно выразить соответствующее значение, как видим, используется обычное, активное деепричастие. Подобные примеры очень редки. Следующему обороту со II инфинитивом тоже нельзя сопоставить русский деепричастный оборот:

(128) ***Ope-tes*** *vide-nde-l voz'kursa-l üläopišto-s*, händast kuc-tihe rado-le Karelia-rahvahaliže-he toimišto-ho vedä-maha radiopagino-i-d vepsän kele-l.
Учиться-2INF:IN[167] пять-ORD-AD курс-AD университет-IN, он(а).PART звать-IMPF:IMPS работа-ALL Карелия-национальный-ILL

[166] Об этом мы уже говорили: см. предыдущий раздел.

редакция-ILL вести-3INF:ILL радиопередача-PL-PART вепсский язык-AD.

Когда она училась на пятом курсе в университете, её позвали на работу в национальную редакцию ГТРК «Карелия» вести радиопередачи на вепсском языке.
[Verez tullei, 2017: 97]

Здесь у нас тоже несовпадение деятелей основного и второстепенного действий (пользуясь терминами работы [Иванова, 2014], деятелей главной и зависимой предикативных единиц), но имперсональное на этот раз – основное действие. В финском языке в таком случае (когда деятель зависимой предикативной единицы выражен не в ней, а в главной единице, и выражен он прямым дополнением) при II инфинитиве должен стоять притяжательный суффикс, указывающий на деятеля [Дубровина, 1972: 125 (пункт 3)], но в вепсском языке такое невозможно[168]. В финском же начало этого предложения выглядело бы так:

(129) Opiskell-essa-**an** viide-nne-llä kursi-lla yliopisto-ssa, hän-tä kutsu-tiin…

Учиться-2INF:IN-**3POSS** пять-ORD-AD курс-AD университет-IN, он(а)-PART звать-IMPF:IMPS...

Когда она училась на пятом курсе в университете, её позвали…

---

[167] Заметим попутно, что такие формы в вепсском языке могут образовываться и от глаголов возвратного спряжения (которого нет в финском), но они омонимичны таким же формам от аналогичных невозвратных глаголов: *opeta* ‘учить’ – *opetes* ‘уча’, *opeta**s*** ‘учить**ся**’ – *opetes* ‘учась’.

[168] Притяжательные суффиксы в письменном вепсском языке в обязательном порядке присоединяются только к местоимению *ičе* ‘сам’ для образования его форм (*ičе**in*** ‘свой (мой)’, *ičе**iž*** ‘свой (твой)’, *ičе**ze*** ‘свой (его, её, их)’, иногда – к именам с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*linduže**m*** ‘птичка (моя)’) и к названиям родственников (*mamaze* ‘его/её/их мама’). В диалектной речи они могут присоединяться и к личным местоимениям, создавая тем самым довольно своеобразную грамматическую дублетность (ср. парадигмы личных местоимений в [Zaiceva, 2003: 221 – 222] и в [ОФУЯ, 1975: 74]: напр., илл. и ин.: *minuhu – minuhe**in**, minus – minusa**in*** и др.). Принятую в письменном языке партитивную форму местоимения 3-го лица единственного числа *händast* (которую мы глоссируем как он(а).PART) с исторической точки зрения построена как *hän-da-s-t*: он(а)-PART-POSS3Sg-PART.

Следующее предложение похоже на предыдущее, оно тоже оказывается «ущербным» из-за нехватки морфологических средств:

(130) Vepsän muzei kaiken om vaumiž abuta-da mei-le *materialo-i-den* ***ec-tes*** *oppindtö-i-den täht*.
Вепсский музей всегда ESSE.3 готов помогать-INF мы.PL-ALL материал-PL-GEN искать-2INF:IN исследовательская работа-PL-GEN для.
Вепсский музей всегда готов помочь нам в поиске материалов для исследовательских работ.
[Kodima, №2 (299), 2018: 6]

Аналогичная финская форма будет *etsi-essä-**mme*** (искать-2INF:IN-1PlPOSS) ‘когда **мы** ищем’. Она не может существовать без притяжательного суффикса, если деятель оборота (на него указывает дополнение *meile* ‘нам’ в главном предложении) отличен от деятеля в главной части. Генитивная форма слова *materialoiden* и порядок слов заставляет думать, что оборот со II инфинитивом пытается калькировать здесь русское сочетание слов, подчёркнутое выше в переводе, но калька получается неудачной (можно было бы вообще избежать II инфинитива, написав просто *ecindas* ‘в поиске’ или *konz mö ecim* ‘когда мы ищем’).

Во всех разобранных выше предложениях (126, 128, 130) субъект второстепенного действия прямо не выражен (в (126) он пассивный, а в (128) и (130) он не может быть выражен, так как нужного для этого средства в вепсском языке просто нет), так что можно сказать, что это лишь намёк на разносубъектную реализацию. В финском же языке разносубъектная реализация подобных предложений со II инфинитивом существует без всяких трудностей (что совсем невозможно в русских предложениях с деепричастными оборотами):

(131) *Miko-n* ***tull-essa*** *koti-in* Liisa ol-i jo nukku-ma-ssa.
Микко-GEN **прийти-2INF:IN** дом-ILL Лиза ESSE-IMPF уже спать-3INF:IN.
Когда Микко пришел домой, Лиза уже спала.
[Кочергина, 2010: 162]

Деятель второстепенного действия, не совпадающий с деятелем основного, выражается отдельным словом в генитиве [Дубровина,

1972: 116][169]. В вепсской диалектной речи, по данным [Иванова, 2014: 56, 147], это тоже возможно:

(132) Luge-dos tütre-**n** mam nukku-b.
Читать-2INF:IN дочь-**GEN** мама засыпать-3Sg
Когда дочь читает, мать засыпает.

Но такого почти никогда не бывает в письменном вепсском языке, испытывающем мощнейшее русское влияние. Если отдельный деятель невозможен в русском деепричастном обороте, то и в аналогичных вепсских оборотах мы его не найдём. Единственный текст, где была обнаружена такая разносубъектная реализация предложения со II инфинитивом, – это Новый Завет:

(133) Siloi tö *ülembaiže-**n** Paimne-**n** tul-**des*** sa-t venca-n, kudamba-n korged arv ei kado.
Тогда вы высший-GEN Пастырь-GEN прийти-2INF:IN получить-2Pl венец-ACC, который-GEN высокий ценность NEG.3 пропасть.
Тогда, когда придёт высший Пастырь, вы получите венец, высокая ценность которого не пропадёт.
Синод: «И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (1Петр 5:4).

Но таких примеров было обнаружено всего 6. Учитывая, что грамматическая система письменного вепсского языка почти полностью перестраивается под русскую, все описанные выше в этом разделе предложения можно считать разными и уже «негрaмматичными» отклонениями от русифицированной вепсской грамматики в сторону финской. Вспомним, что иногда в вепсских текстах можно наблюдать и более простые и очевидные отклонения в финскую сторону: например, в тексте «Čomad lebupäivät» («Прекрасный отпуск», [Kodima, №11 (296), 2017: 8]) внимательный читатель может найти «странные» формы **sanomata* ‘не говоря’ (в знач. частицы) и **tarjoitas* ‘предложат (имп.)’. В вепсском языке от глаголов *san**u**da* ‘сказать’ и *tar**i**ta* ‘предлагать’ указанные формы (абессивная форма III инфинитива и имперсональная форма

[169] Притяжательный суффикс в этом случае не употребляется. Он нужен только тогда, когда отдельного слова, выражающего деятеля, в обороте со II инфинитивом нет (или когда деятель – «я», «мы», «ты», «вы»).

настоящего времени соответственно) образуются как *san**u**mata* и *tar**i**tas*. А в финском языке им соответствуют *sanoma**tta*** и *tarjoi**taan***. То есть приведённые, на самом деле неправильные, формы из статьи представляют собой отступление от вепсских форм в сторону финских, причём отступление неполное (как и в предл. 125 и 127, не могущих присоединить притяжательные суффиксы к инессивной форме II инфинитива).

Конструкция с инессивной формой II инфинитива, которую мы здесь с вами разбираем, в финской филологии называется *temporaalirakenne* (временная конструкция – [ISK, §543], [Kolomainen, 2005: 62 – 65], так как она выражает второстепенное действие, совершающееся одновременно с основным (как показывает [Дубровина, 1972: 115 – 123], одновременность здесь понимается максимально широко, вплоть до двух действий, совершающихся непосредственно друг за другом). Существует ещё один тип *temporaalirakenne* – конструкция, выражающее второстепенное действие, предшествующее основному (при любом промежутке времени – [Дубровина, 1972: 123]), ядро этого оборота составляет пассивное причастие прошедшего времени с показателем партитива:

(134) Tyttäre-n **syö-ty-ä** äiti men-i työ-hön.
Дочь-GEN **есть-PRTPASS-PART** мать пойти работа-ILL.
Когда дочь поела, мама пошла на работу.
[Братчикова, 2010: 173]

(135) Ole-n iloinen **ymmärre-tty-ä-ni** asia-n.
ESSE-1Sg счастливый **понять-PRTPASS-PART-1SgPOSS** дело-ACC.
Я счастлив, после того как понял дело.
[Kolomainen, 2005: 63]

(136) Marjo-j-en **kypsy-tty-ä** hän käv-i äidi-n mukana metsä-ssä.
Ягода-PL-GEN **поспеть-PRTPASS-PART** он(а) ходить-IMPF мать-GEN вместе лес-IN.
Когда ягоды поспели, он ходил с матерью в лес.
[Дубровина, 1977: 39], цит. по: [Иванова, 2014: 99].

Посмотрим, как выражается это значение в современных вепсских текстах:

(137) ***Tul-des*** *pätoimitaja-n sija-le* Armas Mašin vajeht-i kulehtese-n südäimišto-d.

Прийти-2INF:IN главный.редактор-GEN место-ALL Армас Машин поменять-IMPF журнал-GEN содержание-PART.

Придя на место главного редактора, Армас Машин поменял содержание журнала [«Carelia»].

[Kodima, №3 (300), 2018: 1]

(138) Ded, ***tuldes*** *kodihe bumaganke*, sanui... (VT:57)

Дед, прийти-2INF:IN дом-ILL бумага-COM, сказать-IMPF…

Дед, придя домой с бумагой, сказал…

Оригинал: «Придя домой с бумагой, дед сказал…» (П:101)

(139) ***Kulišta-des*** *neci-š*, Irod pöl'gästu-i, i häne-nke ühtes kaik Jerusalim.

Услышать-2INF:IN это-IN, Ирод испугаться-IMPF, и он-COM вместе весь Иерусалим.

Услышав об этом, Ирод испугался, и с ним вместе весь Иерусалим.

Синод: «Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним» (Мф 2:3).

И снова мы видим ту же вепсскую инессивную форму II инфинитива. Русский деепричастный оборот со значением обстоятельства времени может выражать и одновременное, и предшествующее, и даже последующее действие (*Он вошёл в комнату, громко сказав: «Здравствуйте!»*), включая в себя одни и те же деепричастные формы, и поэтому в грамматической системе письменного вепсского языка, в этом своём фрагменте тоже калькирующей русские средства выражения, такие полупредикативные конструкции тоже не различаются. Но в вепсской диалектной речи аналог финской *temporaalirakenne*, обозначающей предшествующее действие, возможен:

(140) *Sö-dut* lapso-d läht-tihe magat-ta-ha.

Есть-PRTPASS ребёнок-PL уйти-IMPS:IMPF спать-INF-ILL.

Поев, дети пошли спать.

[Иванова, 2014: 83]

(141) ***Lüps-tud*** *lehm-i-d* oigenz-i-n hii-d paimne-lo.
Доить-PRTPASS корова-PL-PART отправить-IMPF-1Sg они.PL-PART пастух-ALL.
Подоив коров, отправила их к пастуху.
[Иванова, 2014: 151]

Вепсское пассивное причастие прошедшего времени на -tud/-dud не склоняется, но сама его форма – это и есть застывшая форма партитива ([Tunkelo, 1946: 136], [Зайцева, 2002: 103]). В отличие от финского языка, разносубъектная реализация предложения с таким оборотом невозможна [Иванова, 2014: 54], присоединение к причастию притяжательных аффиксов невозможно тем более.

До сих пор в этом разделе мы говорили только об инессивной форме II инфинитива на -tes/-des, но у этого инфинитива существует также инструктивная форма на -ten/-den, обозначающая способ осуществления основного действия. Употребляется достаточно редко, но при переводе художественных текстов, наполненных деепричастиями, может и «ожить». Так, в не очень объёмном переводе «Neglik» («Ёжик», Григорий Горин, [Kodima, №4 (301), 2018: 8]) эта форма употреблена 3 раза (и ещё 3 раза – инессивная форма), тогда как обычно её частотность в текстах намного ниже:

(142) E-n mäne, – **voik-ten** sanu-i Slavik. – E-n tahtoi jäškapa-d, tahtoi-n negliko-d!
NEG-1Sg идти, – **плакать-2INF:INSTR** сказать-IMPF Славик. – NEG-1Sg хотеть холодильник-PART, хотеть-1Sg ёжик-PART!
Не пойду, – **плача** (ориг.: всхлипывая), сказал Славик. – Не хочу холодильник, хочу ёжика!

Во многих случаях эта форма употребляется практически как наречие:

(143) Akaine astu-b **rambita-den**.
Старушка идти-3Sg **хромать-2INF:INSTR**.
Старушка идёт **прихрамывая**.
[Zaiceva, 2003: 124].

(144) Kac-mata jogapäiväiž-i-he hol-i-he, kaik mei-den opendaja-d tule-ba škol-ha homendese-l **muha-ten**.

Смотреть-3INF:AB каждодневный-PL-ILL забота-PL-ILL, все мы.PL-GEN учитель-PL приходить-3Pl школа-ILL утро-AD **улыбаться-2INF:INSTR**.

Несмотря на каждодневные заботы, все наши учителя приходят в школу утром с улыбкой (букв.: **улыбаясь**).
Корпус вепсского языка, опубл. в [Kodima, №9 (2015)]

По данным [Дубровина, 1972: 135 – 136], [Кочергина, 2010: 163], инструктивная форма II инфинитива в финском языке способна выступать в составе независимого оборота *nominativus absolutus* (см. о нём раздел 2.2.2.3), но в вепсском языке такое даже и представить нельзя:

(145) Hän seiso-i ääneti, *koko ruumis hiljaa **väris-ten*** (фин.).
Он стоять-IMPF молча, всё тело тихо дрожать-2INF:INSTR.
Он стоял молча, и всё его тело тихо **дрожало**.
[Дубровина, 1972: 136]

Иногда эта форма заменяется всё той же инессивной:

(146) Festivali-n pätegenda-n om sä-ta hüvätahtoine, tolerantine il'mišt opišto-s, **tundištoit-tes** norišto-d Karjala-s elä-j-i-den rahvah-i-den kul'tura-ha, tradicijo-i-he da vero-i-he.

Фестиваль-GEN главная.задача-ESS ESSE.3Sg создать-INF доброжелательный, толерантный климат училище-IN, **знакомить-2INF:IN** молодёжь-PART Карелия-IN жить-PRTPRAES-PL-GEN народ-PL-GEN культура-ILL, традиция-PL-ILL и верования.PL-ILL.

Главная задача фестиваля – создать доброжелательный, толерантный климат в училище, знакомя молодёжь с культурой, традициями и верованиями народов, живущих в Карелии.
[Kodima, №12 (297), 2017: 5]

Очевидно, что оборот *знакомя молодёжь с культурой, традициями и верованиями народов, живущих в Карелии* в этом предложении должен отвечать на вопрос *как?*, а не *когда?*, и поэтому здесь было необходимо употребить инструктивную форму II инфинитива *tundištoit**ten***.

Финская инструктивная форма II инфинитива, за которой стоит неопределённый деятель ([Дубровина, 1972: 136 – 137]) в вепсском языке тоже оказалась превращена в инессивную:

(147) Ei kukko *käski-en* laula (фин.).
NEG.3 петух приказывать-2INF:INSTR петь.
Петух не поёт по приказанию.
[Дубровина, 1972: 136], [Братчикова, 2010: 154]

(148) Kägi ei kukku *käsk-tes*, da kukoi-ki ei launu *kuc-tes*.
Кукушка NEG.3 куковать приказывать-2INF:IN, и петух-EMPH NEG.3 петь звать-2INF:IN.
Кукушка не кукует по приказанию, да и петух не поёт по зову.
[Vepsänman sarnad, 2006: 37][170]

Но не только русскому деепричастию может соответствовать инессивная форма II инфинитива: ещё одно её значение – деепричастие цели ([М.Зайцева, 1981: 270], в [Zaiceva, 2003] не упомянуто). Однако, в [Бродский, 2009: 238] сообщается, что «по непонятным причинам из вепсского письменного языка исключены общераспространённые формы II инессивного инфинитива цели (на **-tes/-des**), например, nece regi om heinän veda**des** ‘эти сани – для перевозки сена’».
Стоит отметить, что целевое значение у инессивного II инфинитива для вепсского языка является специфическим: описания финского языка [ГФЯ, 1958], [Братчикова, 2010], [Кочергина, 2010] такого значения у соответствующей финской формы не отмечают. Также не отмечают его грамматика карельского языка [Зайков, 1999] и грамматика ижорского языка [Junus, 1936]. В водском языке II инфинитив, похоже, вообще вышел из употребления: формы, похожие на него в близкородственных языках, отмечают грамматики [Ahlqvist,

[170] Источник этой поговорник – [Lönnrot, 1853: 24], самый первый научный труд по вепсскому языку. Он, помимо краткого грамматического описания, содержит сказки и поговорки, записанные от вепсов, а также небольшой библейский перевод. Сказки и поговорки даются с переводом на финский язык (уже кое в чём архаичный относительно нашего времени), и можно очень наглядно увидеть, что в вепсской поговорке употребляется инессивная форма, а в аналогичной финской – инструктивная. В [Иванова, 2014: 59] такое же предложение, как (144), переведено информантом на диалектный вепсский тоже с инессивной формой.

1856: 53] и [Ariste, 1968: 77], но, по [Маркус, Рожанский, 2017: 512], современные носители языка их уже не опознают. Нет значения деепричастия цели и у формы на -des в эстонском языке [Ыйспуу, 1999: 53 – 54]. Учитывая всё это, данное явление целесообразнее признать нормативным, ведь это – одна из «изюминок» вепсского языка, выделяющих его на фоне родственных. Но в контекстах, требующих целевого деепричастия, в современном письменном вепсском языке обычно используется обычный I инфинитив:

(149) **Kohe-ta** te-d ei ole dengo-i-d.
Ремонтировать-INF дорога-PART NEG.3 ESSE деньги.PL-PART.
Отремонтировать дорогу нет денег.
[Kodima, №5 (290), 2017: 5]

(150) Pätegenda-n om löu-ta uz-i-d ladu-i-d **el'ge-ta** äikeližut(-t) vai si-dä, kut mehe-d da mez'kunda-d elä-ba i rada-ba äj-i-l erazvuičč-i-l kel-i-l.
Главная.задача-ESS ESSE.3Sg найти-INF новый-PL-PART средство-PL-PART (?) понимать-INF многоязычие-PART или то-PART, как человек-PL и сообщество-PL жить-3Pl и работать-3Pl многие.PL-AD различные.PL-AD язык-PL-AD.
Главная задача – найти новые средства, **чтобы понять** многоязычие, или то, как люди и сообщества живут и работают на многих различных языках.
[ELDIA (вепс.), 2013: 1].

Но II инфинитив цели всё-таки не совсем изгнан из языка, иногда он всё-таки встречается (но, видимо, такие контексты настолько редки, что можно подумать, что его нет совсем):

(145) Mö e-m eht-nu-goi völ teh-ta lämoihut(-t) säsk-i-den **küks-tes**, konz ezmäiže-d lehmä-d ozut-i-he (VT:43)
Мы NEG-1Pl успеть-PRTACT-PL ещё делать-INF огонёк-PART комар-PL-GEN **прогонять-2INF:IN**, когда первый-PL корова-PL показаться-IMPF-3:REF.
Мы не успели ещё сделать костерок, чтобы **отгонять** комаров, когда показались первые коровы.
Оригинал: «Не успели мы развести на новом месте костерок от комарья, как показались коровы» (П:74).

(151) Hän kärauz-i-he naiže-hepäi i sanu-i Simona-le: «Kacu nec-he naiže-he. Konz tul-i-n sinu-n kodi-he, sinä e-d anda-nd vet(-t) jaugo-i-d **pes-tes**, no hän kasto-i minu-n jauga-d kündl-i-l i kuivaz-i iče-ze hibus-i-l».

Он повернуться-IMPF-ILL женщина-1AD и сказать-IMPF Симон-ALL: «Смотреть(IMP) этот-ILL женщина-ILL. Когда прийти-IMPF-1Sg ты-GEN дом-ILL, ты NEG-2Sg дать-PRTACT вода-PART нога-PL-PART **мыть-2INF:IN**, но она полить-IMPF я-GEN нога-PL слеза-PL-AD и сушить-IMPF сам-3POSS волосы.PL-AD».

Он повернулся к женщине и сказал Симону: «Посмотри на эту женщину. Когда [я] пришёл домой, ты не дал воды, чтобы **омыть** ноги, но она полила мои ноги слезами и высушила своими волосами».
Синод.: «И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла…»
(Лк 7:44).

2.2.3.4. Вытеснение форм III инфинитива, не имеющих русских аналогов

Относительно III инфинитива у автора настоящей работы есть целая статья, отправленная в научный альманах «Вопросы уралистики» ИЛИ РАН (обозначим её как [Кузнецов, 2018]), поэтому здесь мы только конспективно очертим её основные моменты, добавив новый материал, обнаруженный в ходе подготовки этой работы.

III инфинитив в вепсском языке может существовать в четырёх падежных формах: иллативной (*-mha, -maha*), инессивной (*-mas*), элативной (*-maspäi*) и абессивной (*-mata*). Существование адессивной формы (*-mal*), о которой говорит [Бродский, 2008: 188], письменными текстами и другими грамматическими описаниями ([М.Зайцева, 1981], [Zaiceva, 2003], [Grünthal, 2015] не подтверждается.

Каждая из вепсских форм III инфинитива употребляется значительно реже, чем в финском языке (об их употреблении в финском см. [Дубровина, 1972: 140 – 201], [ГФЯ, 1958: 178 – 184]), наблюдается тенденция к вытеснению их другими формами. Так, **иллативная форма** может заменяться I инфинитивом даже при одном и том же глаголе:

(152) Minä openz-i-n laps-i-d **teh-maha** iče-ze käz-i-l, **pil'-maha** haugo-i-d, **ištuta-mha** äniko-i-d, marjo-i-d, jur'kazvmus-i-d. Minä openz-i-n he-i-d **kütk-maha**, **kastel-maha** grädo-i-d, tal've-l – **huzaida-mha** suks-i-l, **kerada-mha** labidoiž-i-l lun-t.

Я учить-IMPF-1Sg ребёнок-PL-PART делать-3INF:ILL сам-3POSS рука-PL-AD, пилить-3INF:ILL дрова.PL-PART, садить-3INF:ILL цветок-PL-PART, ягода-PL-PART, овощ-PL-PART. Я учить-IMPF-1Sg они-PART полоть-3INF:ILL, поливать-3INF:ILL грядка-PL-PART, зима-AD – кататься-3INF:ILL лыжа-PL-AD, собирать-3INF:ILL лопатка-PL-AD снег-PART.

Я учила детей **работать** своими руками, **пилить** дрова, **садить** цветы, ягоды, овощи. Я учила их **полоть**, **поливать** грядки, зимой – **кататься** на лыжах, **убирать** лопатками снег[171].
[Kodima, №5 (290), 2017: 4]

(153) Konz näge-n i kule-n, kut lapse-d, kudamb-i-d minä openda-n **pagiš-ta** vepsän kele-l, ozuta-ba kele-s erazvuičč-i-d satus-i-d, pagiže-ba kele-l, kaik minu-n südäin täuta-se ihastuse-l.

Когда видеть-1Sg и слышать-1Sg, как ребёнок-PL, который-PL-PART я учить-1Sg говорить-**INF** вепсский язык-AD, показывать-3Pl язык-IN различный-PL-PART успех-PL-PART, говорить-3Pl язык-AD, весь я-GEN сердце наполняться-3:REF радость-AD.

Когда я вижу и слышу, как дети, которых я учу **говорить** на вепсском языке, показывают в языке различные успехи, говорят на языке, всё моё сердце наполняется радостью.
(Корпус вепсского языка).

В первом предложении при глаголе *opeta* ‘учить’ употреблён целый ряд иллативных форм III инфинитива, а во втором – обычный I инфинитив, который эту форму вытесняет. Зафиксирован пример, когда разные инфинитивы оказались употреблены при одном и том же глаголе даже в пределах одного предложения:

(154) Hot’ mi-dä minä zavodi-n **teh-maha**: živata-d ladi-n kodi-š vai lähte-n tap-maha, vai zavodi-n mi-dä-ni **pašt-ta**, kaiken-se kule-n: «Ku mugoš-t rado-d e-d mahta, ka mi-he mehe-le tul-i-d?» (VT:32 – 33)

[171] Мы отвлекаемся здесь от того, что в русской филологии инфинитив, которому соответствует прибалтийско-финская иллативная форма III инфинитива, часто оказывается не частью сказуемого, а дополнением или обстоятельством цели.

Хоть что-PART я начинать-1Sg **делать-3INF:ILL**: животное-PL ухаживать-1Sg дом-IN или уходить-1Sg молотить-3INF:ILL, или начинать-1Sg что-PART-нибудь **печь-INF**, всегда-то слышать-1Sg: «Если такой-PART работа-PART NEG-2Sg уметь, то что-ILL муж-ALL выходить-IMPF-2Sg?»

Хоть что я начинаю делать: за животными ухаживаю в доме, или выхожу молотить, или начинаю что-нибудь печь, всё время слышу: «Если не умеешь [выполнять] такую работу, то зачем вышла замуж?»

Оригинал: «Ну, уйдет ён, и опять: за что ни возьмёшься — скотину ли управлять, молотить ли, зерно ли молоть, сканцы ли сукать — всё слышишь: “Такой простой работы не сработать, а ещё замуж вылезла”» (П:49).

В финском языке эта форма употребляется с очень широким кругом глаголом (см., напр., список в [Кочергина, 2010: 279]), а в вепсском при некоторых из этих глаголов возможен только I инфинитив:

(155) Hän neuvo-i minu-a **lähte-mään** Italia-an (фин.).

Он советовать-IMPF я-PART **отправиться-3INF:ILL** Италия-ILL.

Он посоветовал мне **отправиться** в Италию.

[Кочергина, 2010: 165]

(156) Kerdan Larisa nevo-i minei **kundel-ta** radio-d, miše minu-n pagin ol-iži paremb (вепс.).

Однажды Лариса советовать-IMPF я.ALL **слушать-INF** радио-PART, что я-GEN разговор ESSE-COND лучше.COMP.

Однажды Лариса посоветовала мне **слушать** радио [на вепсском языке], чтобы моя устная речь была лучше.

[Kodima, №12 (284), 2016: 7][172]

Бывают даже и такие случаи (которые явно следует признать ошибкой), когда семантически однородные компоненты предложения – два глагола, зависимые от третьего, основного, – оформляются один III инфинитивом, а другой – первым:

[172] Обращает на себя внимание также управление глагола ‘советовать’: в финском – исконное, партитивное, а в вепсском – аллативное по образцу русского дательного падежа.

(157) Šoutjärve-n muzei planuiče-b teh-ta vastuse-n pirdaja-n sebraniko-i-denke i kucu-b kaik-i-d adivo-i-he, **kac-maha** ut(-t) ezitus-t da **tedišta-da** enamba ičeze rahvaha-n lahjakah-i-š ristitu-i-š.

Шелтозеро-GEN музей планировать-3Sg делать-INF встреча-ACC художник-GEN друг-PL-COM и звать-3Sg все-PL-PART гость-PL-ILL, **смотреть-3INF:ILL** новый-PART выставка-PART и **узнать-INF** больше сам-3POSS народ-GEN одарённый-PL-IN человек-PL-IN.

Шелтозерский музей планирует сделать встречу с друзьями художника и зовёт всех в гости **посмотреть** новую выставку и **узнать** больше об одарённых людях своего народа.
[Kodima, №2 (287), 2017: 6]

В финском языке иллативная форма III инфинитива может употребляться для обозначения действия объекта (= субъекта зависимой предикативной единицы), совершаемого им по инициативе субъекта (= субъекта главной предикативной единицы), этот объект при этом выражается аккузативом или партитивом:

(158) Akseli sai Elinankin **lähtemään** illa-lla kokoukseen (фин.).

Аксели получить-IMPF Элина-ACC-EMPH **уходить-3INF:ILL** вечер-AD собрание-ILL.

Аксели добился того, что Элина тоже пошла вечером на собрание.

(159) Ida Aalberg ensimmäise-nä tahto-i minu-a **ohjaa-maan** Tšehhovi-a (фин.).

Ида Альберг первый-ESS хотеть-IMPF я-PART **управлять-3INF:ILL** Чехов-PART

Ида Альберг первой пожелала, чтобы я ставил Чехова.
примеры (158) и (159) – из [Дубровина, 1972: 151]

Но вепсские конструкции с тем же значением строятся совершенно иначе: в первом случае (реальное действие) калькируются русский союз *что* и финитная форма глагола (чаще всего прошедшего времени), а во втором (ирреальное, желаемое действие) – конструкция *чтобы* + форма прош. вр., которая переосмысляется как *что* + форма сосл. накл. (откуда эта конструкция в русском языке и происходит – см. примеры в [Колесов, 2013: 486]):

(160) Akseli sa-i-he, **miše** Elina-ki ehta-l **läks-i** suim-ha.

Аксели добиться-IMPF-3:REF, **что** Элина-EMPH вечер-AD **уходить-IMPF** собрание-ILL.

Аксели добился, **что** Элина тоже **пошла** вечером на собрание. (перевод наш)

(161) Hän napr-i teh-ta si-dä nügüdläiž-emba-ks, **miše** lehtez **ol-iži** melentartuiže-n eri-igäiž-i-le ristitu-i-le.

Он стараться-IMPF делать-INF она(неод)-PART современный-COMP-TRANSL, **что** газета **ESSE-COND** интересный-ESS разновозрастной-PL-ALL человек-PL-ALL.

Он старался сделать её современной, **чтобы** газета **была** интересной людям разного возраста.
[Kodima, №3 (300), 2018: 1]

В последнее время, однако, эта калькированная конструкция иногда строится с ошибкой: вместо кондициональной формы используется индикативная (в следующем примере, так же как и в (157), одна форма из семантически однородного ряда выбрана правильно, а вторая – нет)[173]:

(162) Kut voi-b teh-ta uroko-i-d, **miše** ne-d **ol-iži-ba** melentartuiže-d laps-i-le i nii-l **ol-i** taht ope-ta vepsän kel'-t.

Как можно.3Sg делать-INF урок-PL-PART, **что** они(неод).PL **ESSE-COND-3Pl** интересный-PL ребенок-PL-ALL и они(неод).PL-AD **ESSE(IND)-IMPF** желание учить-INF вепсский язык-PART.

Как можно строить уроки, **чтобы** они **были** интересны детям и на них [у детей] **было** желание изучать вепсский язык.
[Kodima, №4 (301), 2018: 6]

И наконец, в финском языке иллативная форма III инфинитива может использоваться для выражения семантики будущего времени[174] в составе конструкции *tulee* + илл. ф. III инф. ([Дубровина, 1972: 144], [Братчикова, 2010: 160]):

[173] Все такие ошибки в числе 4 были обнаружены в одном и том же номере газеты.

[174] Так как, напомним, отдельного будущего времени в финском языке нет.

(162) Vielä kolme kuukaut-ta **tule-e** talvi **jatku-maan** (фин.).
Ещё три месяц-PART **приходить-3Sg** зима **продолжаться-3INF:ILL**.
Зима **будет продолжаться** ещё три месяца.
[Дубровина, 1972: 144]

А в вепсском языке есть своё будущее время для действий, понимаемых как протяжённые во времени (= несовершенный вид русского языка, см. сноску 150):

(163) Lenin el-i, Lenin elä-b, Lenin **elä-škande-b**!
Ленин жить-IMPF(3Sg), Ленин жить(PRAES)-3Sg, Ленин **жить-FUT-3Sg**!
Ленин жил, Ленин жив, Ленин **будет жить**!

Оборот с иллативной формой III инфинитива в вепсском языке может предшествовать основному глаголу предложения, что невозможно в финском языке (в [Дубровина, 1972: 115 – 130] нет ни одного такого примера), но соответствует русскому порядку слов при особом актуальном членении предложения:

(164) Neci-l vode-l ***hiht-maha*** *sukš-i-l* tul-i 53 mes-t: 38 las-t i 15 aigvottuš-t.
Этот-AD год-AD кататься-3INF:ILL лыжа-PL-AD приходить-IMPF 53 человек-PART: 38 ребёнок-PART и 15 взрослый-PART.
В этом году **кататься** на лыжах пришло 53 человека: 38 детей и 15 взрослых.
[Kodima, №3 (300), 2018: 5]

Инессивная форма на *-mas* встречается в современных вепсских текстах очень редко. Во всех 20 просмотренных номерах газеты «Kodima» она была встречена всего 6 раз, причём 3 раза из этих 6 она была употреблена независимо в «заголовочной» функции:

(165) Hursti-n **kudo-mas**
Половик-ACC ткать-3INF:IN
За тканьём половика
[Kodima, №9 (294), 2017: 4]

(166) **Ec-mas** ezitato-i-d
Искать-3INF:IN предок-PL-PART
В поисках предков
[Kodima, № 12 (297), 2017: 6]

В русском языке в такой функции обычно используется деепричастие (но в переводах конкретно данных примеров оно невозможно (**ткя*[175]) или звучит заведомо хуже предложно-падежной конструкции (*ища* и *в поисках*)), поэтому на его месте может употребляться и форма, представляющая собой русское деепричастие в вепсском языке, – инессивная форма II инфинитива:

(167) Tärkto-i-š azjo-i-š **pagiš-tes**
Важный-PL-IN дело-PL-IN **говорить-2INF:IN**
Говоря о важных делах
[Kodima, №5 (290), 2017: 3]

В финском языке описываемая форма как раз и возможна в заголовках ([Дубровина, 1972: 179]), но это не главная её функция. Главная функция – точное приурочивание действия к какому-либо времени. [Дубровина, 1972: 164]: «Если говорят *hän oli juomassa maitoa*, то имеют в виду, что *он пил молоко* в какое-то конкретное время и в конкретном месте, тогда как *hän joi maitoa*, **кроме конкретного действия**, может обозначать и то, что он вообще пил молоко (но не пил, например, пива)»[176].

Подобные употребления инессивной формы III инфинитива (при глаголе *olda* ‘быть’) в вепсском языке – большая редкость. Во всём Новом Зввете было обнаружено всего 33 формы на *-mas* в такой функции. Конструкции, образуемые глаголом *olda* с инессивной формой III инфинитива (*minä olen kirjutamas* ‘я пишу’, *minä olin kirjutamas* ‘я писал’), находятся в очень тонком грамматическом противопоставлении с обычными формами презенса и имперфекта, но письменным вепсским языком, претерпевающим мощнейшее влияние русского языка, в котором такого противопоставления нет, это противопоставление остаётся невостребованным, и поэтому такие конструкции практически невозможно обнаружить в современных вепсских текстах (подробнее см. в [Кузнецов, 2018]).

Грамматика [Zaiceva, 2003: 126] разрешает употребление инессивной формы III инфинитива и при других глаголах (*kävuda* ‘ходить’, *nähta* ‘видеть’, *nägištada* ‘увидеть’, *homaita* ‘заметить’, *seišta* ‘стоять’, *ištta* ‘сидеть), но употреблений этой формы при них всех

[175] [Зализняк, 1980: 669]: *деепричастия нет* (то есть даже не *образование деепричастия затруднено*, а его просто нет).

[176] Все выделения наши.

вместе взятых в Новом Завете было обнаружено всего 12 (и ещё 6 одинаковых употреблений формы *magadamas* при глаголе *löuda* ‘найти’[177] и 1 при *tabata* ‘поймать’). Редкость описываемой формы налицо.

Но абсолютно неожиданно эта форма обретает вторую жизнь в составе конструкции *om olmas* в значении ‘существует’, являющейся калькой с финского *on olemassa*. Именно эта конструкция является ярчайшей чертой энциклопедического стиля вепсского языка, представленного в Вепсской Википедии. К сожалению, в большинстве случаев она употребляется там как-нибудь неправильно (в значении *om*, на конце предложения, в сочетании с транслативом), но можно найти и правильные примеры:

(168) Galaktika-s om 200-400 billiona-d tähtha-d (правильно: tähtas-t), kaik-i-š vanh-emb nii-špäi, HE 1523-0901, **om ol-mas** 13—14 milliarda-d vot(-t).

Галактика-IN ESSE.3Sg 200-400 биллион-PART звезда-PART, все-PL-IN старый-COMP они(неод)-EL, HE 1523-0901, **ESSE.3Sg ESSE-3INF:IN** 13—14 миллиард-PART год-PART.

В галактике 200 – 400 биллионов звёзд, самая старая из них, HE 1523-0901, **существует** 13 – 14 миллиардов лет.
https://vep.wikipedia.org/wiki/Maidte

Поскольку инессивная форма III инфинитива становится редкой в языке, иногда возможны её неверные употребления, напр.:

(169) Čaju-d ***jo-mas*** sanu-i-m läm-i-d sano-i-d toine toiže-le.

Чай-PART **пить-3INF:IN** сказать-IMPF-1Pl тёплый-PL-PART слово-PL-PART друг.друга-ALL.

За чаепитием [мы] говорили тёплые слова друг другу.
[Kodima, №4 (301), 2018: 4]

[177] Напр.: Hän pörd-i-he openiko-i-dennoks i **löuz-i** he-i-d **magada-mas**.

Он вернуться-IMPF-3:REF ученик-PL-2APPR и **найти-IMPF** они.PL-PART **спать 3INF:IN**.

Он вернулся к ученикам и **нашёл** их **спящими**.

Синод. (фрагмент стиха): «И приходит к ученикам и находит их спящими…» (Мф 26:40)

«За чаепитием» – это второстепенное действие, одновременное с основным, а в этом значении, как мы уже знаем, должна употребляться инессивная форма II (а не III) инфинитива: *čajud jodes* (фин.: *teetä juodessamme*).
В переводе повести В.А. Пулькина «Азбука жизни» инессивная форма III инфинитива встречена 2 раза (оба раза – при глаголе *kävuda* ‘ходить’):

(170) Kaike-n sügüze-n mö kävu-i-m Jegora-nke rihmo-i-d **rebita-mas** (VT:38)
Весь-ESS осень-ESS мы ходить-IMPF-1Pl Егор-COM силок-PL-PART **рвать-3INF:IN**.
Всю осень мы с Егором ходили **и разрывали** силки.
Оригинал: «Целую осень мы с Егором орудовали, и все с рук сходило» (П:59)

Иногда (правда, чрезвычайно редко) попадается она и в газете «Kodima» (вне заголовков):

(171) Nor’ neižne kol-i 20-vočče-n **teh-mas** tarbhaiž-i-d tegendo-i-d kodima-n hüvüde-ks.
Молодой девушка умереть-IMPF 20-летний-ESS делать-3INF:IN важный-PL-PART действия-PL-PART родина-GEN благо-TRANSL.
Молодая девушка погибла 20-летней, делая важную работу на благо родины[178].
[Kodima, №3 (300), 2018: 5]

Поэтому можно считать, что эта форма всё ещё функционирует в письменном вепсском языке (хоть и проявляется крайне редко) и её можно и нужно употреблять в подходящих контекстах. Например, одно из предложений из наших переводов мифов Древней Греции выглядит так:

(172) Konz vägestuse-l ülenpäine Apollon ol-i **seiž-mas** läz häne-n nol-i-l rik-tud bukaču-d, hän nägišt-i rinda-l nore-n Erota-n, armastuse-n jumala-n, iče-ze kuldaš-t tauga-d **kingita-mas**.

[178] Речь идёт об уроженке вепсского села Рыбрека партизанке Анне Лисицыной (1922 – 1942), собиравшей разведданные во время финской оккупации Шелтозерского района. Герой Советского Союза (посмертно).

Когда победа-AD гордый Аполлон ESSE-IMPF **стоять-3INF:IN** около он-GEN стрела-PL-AD убить-PRTPASS чудовище-PART, он увидеть-IMPF рядом молодой-ACC Эрот-ACC, любовь-GEN бог-ACC, сам-3POSS золотой-PART лук-PART **натягивать-3INF:IN**.

Когда гордый победой Аполлон стоял около чудовища, убитого его стрелами, он увидел рядом молодого Эрота, бога любви, натягивающего свой золотой лук.

Оригинал: «Когда Аполлон, гордый своей победой, стоял над сраженным его стрелами чудовищем, он увидел около себя юного бога любви Эрота, натягивающего свой золотой лук».

[Kun, «Dafna»]

Элативная форма III инфинитива – ещё бóльшая р едкость, чем инессивная. На весь Новый Завет она встречена всего 2 раза (см. [Кузнецов, 2018]). Ещё 2 раза есть в переводе «Азбуки детства»:

(173) Päzut-i Jumal **sanu-maspäi** muga anope-le (VT:33).
Освободить-IMPF Бог **сказать-3INF:EL** так свекровь-ALL.
Уберёг Бог *(от чего?)* **сказать** так свекрови.

Оригинал:«С языка, правда, не слетало. Ну да бог с ей, со свекровью!»(П: 49)

(174) Ka väzu-d kunuta-n **kandma-späi** (VT:42)
Да устать-2Sg канат-ACC **носить-3INF:EL**.
Да [ты] устанешь *(отчего?)* канат **носить**.

Оригинал: «Устанешь, таскавши...» (П:74)

Согласно [Zaiceva, 2003: 126], эта форма должна употребляться при глаголах *lähtta* ‘уйти’, *erigata* ‘отстраниться, отказаться’, *kel’ta* ‘запретить’, *astta* ‘идти’, *tulda* ‘прийти’ (напр., *tulin kalasta**maspäi*** ‘пришёл с рыбалки’ или *tulin sömäspäi* ‘пришёл, поев’[179]), но несложно обнаружить примеры, где при *kel’ta* употребляется I инфинитив (соотносящийся с русским инфинитивом), а не элативная форма:

[179] Последний пример – из [Vepsänman sarnad, 2006: 27].

(175) Minä e-n kel’dä hei-d **pagiš-ta** iče-ze pagina-l.

Я NEG-1Sg запрещать они-PART **говорить-INF** сам-3POSS говор-AD.

Я не запрещаю им **говорить** на своём говоре.

[Kodima, №1 (274), 2016: 6].

Зафиксирован и такой пример, где на месте элативной формы III инфинитива ошибочно и совершенно незакономерно употреблена иллативная:

(176) Laps-i-d kel’-tihe **pagiž-maha** kodipagina-l i ant-tihe hei-le anglosaksolaiž-i-d nim-i-d.

Ребёнок-PL-PART запрещать-IMPF:IMPS **говорить-3INF:ILL** родной.говор-AD и давать-IMPF:IMPS они.PL-ALL англосаксонский-PL-PART имя-PL-PART.

Детям запрещали говорить на родном говоре и давали им англосаксонские имена[180].

[Kodima, №2 (299), 2018: 3]

Общее значение элативной формы III инфинитива в финском языке – действие, от совершения которого кто-то уходит, уклоняется, отказывается или перестаёт совершать (по [Дубровина, 1972: 180]), то есть это действие, которое прекращается или не начинается. Наличный материал по этой форме в письменном вепсском языке (пусть даже и такой скупой) заставляет думать, что в нём эта форма «возникает» скорее не при этом условии (хотя см. теоретическую возможность употребления при *kel’ta*), а тогда, когда зависимый инфинитив должен отвечать на вопросы *откуда?* (в сочетании с глаголами движения ‘идти’, ‘уйти’, ‘прийти’) или *от чего?*

Абессивная форма III инфинитива с показателем *-mata*, пожалуй, наиболее устойчивая из всех форм, описываемых в этом разделе, так как у неё есть какой-никакой аналог в русском языке, на месте которого она употребляется. Этот аналог – деепричастие с отрицательной частицей *не*:

[180] Статья об индейцах.

(177) Mamoi, sinä mi-dä? – priha **el'genda-mata** kacuht-i mama-ha, Aleksejeviča-ha, neičukaiže-he.

– Мама, ты что-PART? – мальчик **понимать-3INF:AB** взглянуть-IMPF мама-ILL, Алексеевич-ILL, девочка-ILL.

– Мама, ты чего? – мальчик, **не понимая**, взглянул на маму, на Алексеевича, на девочку.

[Kodima, №1 (274), 2016: 8] – N. Silakova «Mezimujuižed sil'mäd», пер. М. Гиниятуллиной.

Эта форма обозначает предполагаемое сопутствующее действие, в отсутствие которого совершается основное. Именно на основе абессивной формы III инфинитива от глагола *kacta* 'смотреть' возникло слово *kacmata*, которое используется как копия русского производного предлога *несмотря на* (в конструкции *kacmata + Ill.*) и как часть уступительного союза *kacmata sihe, miše* 'несмотря на то, что', очень употребительного в современной вепсской прессе (см. раздел «Служебные элементы»). В Новом Завете на вепсском языке обнаружено 88 форм на *-mata*, это говорит о том, что эти формы ещё вполне живы. Там можно встретить их употребление не только на месте русской конструкции *не + деепричастие*, но и в некоторых других грамматических контекстах, напр., в конструкции с глаголом *olda*, выражающей отрицание I инфинитива:

(178) Mö e-m voi-goi **ol-da sanu-mata** si-š, mi-dä iče ole-m näh-nu-ded i kul-nu-ded.

Мы NEG-1Pl мочь-PL ESSE-INF сказать-3INF:AB то-IN, что-PART сам ESSE-1Pl видеть-PRTACT-PL и слышать-PRTACT-PL.

Мы не можем не говорить о том, что сами видели и слышали.

Синод.: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4:20).

'Говорить' – *sanuda*, а 'не говорить' – *olda sanumata*, с абессивной формой III инфинитива. В финском языке эта конструкция является единственной возможностью выразить соответствующее значение ([Дубровина, 1972: 197]), но в вепсском языке для отрицания действия в его неопределённой форме к I инфинитиву можно и просто приставить частицу *ei* 'не', происходящую от прибалтийско-финского отрицательного глагола (см. соответствующий раздел).

Впрочем, путь вытеснения намечен даже для этой формы: иногда в роли деепричастия с отрицанием используется *ei* в комбинации всё с той же инессивной формой II инфинитива, аккумулирующей в себе значение деепричастия в письменной вепсской грамматике:

(179) I kühkjaine kuti el'genz-i kaike-n i män-i vaiše hüvä-hä mehe-n käde-he, **ei teh-tes** hašku-d edemba.

И голубь как(будто) понимать-IMPF всё-ACC и идти-IMPF только хороший-ILL человек-GEN рука-ILL, NEG.3 делать-2INF:IN шаг-PART дальше.

И голубь как будто понимал всё и шёл только в хорошую руку человека, не делая [ни] шагу дальше.

(Олег Мошников. «Клинтух» / «Klintuh», [Verez tullei, 2017: 11], пер. И. Сотникова).

ei 'не' + *tehtes* 'делая' = 'не делая'! И зачем ещё какая-то специальная форма?

2.2.4. Русские служебные элементы в вепсском языке
2.2.4.1. Предлоги

Многим русским непроизводным предлогам в вепсском языке соответствуют падежные формы, напр.: **в** городе – *lidna**s*** (инессив), **из** города – *lidna**späi*** (элатив) **с** братом – *velle**nke*** (комитатив), **без** брата – *velle**ta*** (абессив). А вот производным предлогам часто соответствуют кальки. Напр:

несмотря на – ***kacmata*** (абессивная форма III инфинитива от глагола *kacta* ‘смотреть’) **+ Ill**.

(180) Veterano-i-den hora-n pajanika-d, **kac-mata** igä-hä, oma lujas aktiviže-d.

Ветеран-PL-GEN хор-GEN певец-PL, **смотреть-3INF:AB** возраст-ILL, ESSE.3Pl очень активный-PL.

Участники хора ветеранов, **несмотря на** возраст, очень активны.
[Kodima, №12 (297), 2017: 5]

начиная с – **zavottes** (инессивная форма II инфинтива, или деепричастие, от *zavot’t’a* ‘начинать’) **+ El**.

(181) Ezmäi adivo-d vast-tihe čoma-s lidna-n istorija-n Svirskaja pobeda-muzeja-s, kus starinoi-tihe Pöudo-d-lidna-s[181] da se-n istorija-s **zavot-tes** Petra-n Sure-n aiga-späi da nügüdehesai.

Сначала гости-PL встречать-IMPF:IMPS красивый-IN город-GEN история-GEN Свирская победа-музей-IN, где рассказывать-IMPF:IMPS Лодейное.Поле.PL-город-IN и он(неод)-GEN история-IN **начинать-2INF:IN** Пётр-GEN Великий-GEN время-EL и доныне.

Сначала гостей встретили в красивом музее истории города «Свирская победа», где рассказали о городе Лодейное Поле и его истории **начиная со** времени Петра Великого и доныне.
[Kodima, №1 (286), 2017: 5]

[181] В источнике ошибочно *lidna**n***.

Возможно и употребление *zavottes* в виде послелога:

(182) Nellä-nde-späi klassa-späi **zavot-tes**, minä oleskel-i-n häne-l adivo-i-š.

Четыре-ORD-EL класс-EL начинать-2INF:IN, я бывать-IMPF-1Sg она-AD[182] гость-PL-IN.

Начиная с четвёртого класса, я бывала у неё в гостях. [Kodima, №10 (295), 2017: 4]

по сравнению с – rindatades (инессивная форма II инфинитива от rindatada ‘сравнивать’) + **Ill.**[183]

(183) Nügüd’läine ”Carelia-n” pätoimitai Armas Mašin sanu-b, miše lugi-jo-i-den mär vähäižen kazva-b **rindata-des** jäl’gmäiž-i-he voz-i-he.

Нынешний «Carelia-GEN» главный.редактор Армас Машин говорит-3Sg, что читать-PRTPRAES-PL-GEN количество понемногу расти-3Sg **сравнивать-2INF:IN** последний-PL-ILL год-PL-ILL.

Нынешний редактор [журнала] «Carelia» Армас Машин говорит[184], что количество читателей понемногу растёт **по сравнению с** последними годами. [Kodima, №3 (300), 2018: 1]

---

[182] См. раздел 2.2.2.1.3 об употреблении адессива на месте аппроксиматива I. Исконно должно быть *hänenno*.

[183] Управление у глагола *rindatada* остаётся исконным, букв.: «сравнивать *во что?*»

[184] В русских текстах человек – источник информации часто выражается вводной конструкцией *по словам + род. п.* И в вепсских текстах она тоже есть: *Gen. + sanoiden mödhe*! Напр.: ***Avtoran sanoiden mödhe**, ku rindatada karjalaižidenke da suomalaižidenke, vepsläižil ei olend muga äi kaitud fol’klorižid materialoid, kävutades mičč̮id voiži tehta Kalevalaha pojavad eposad.* ‘По словам автора [эпоса «Вирантаназ» Нины Григорьевны Зайцевой], если сравнивать с карелами и финнами, у вепсов не было так много сохранённых фольклорных материалов, используя которые можно было бы создать эпос, похожий на Калевалу’ [Kodima, №2 (287), 2017: 3]. Обращаем внимание также на подчёркнутые конструкции: конструкция с *по сравнению*, заменённая на конструкцию с *если сравнивать*, так как *по словам* и *по сравнению* плохо звучат вместе **в русском языке** (на каком языке думают авторы текстов на письменном вепсском?); деепричастный оборот с относительным словом *который*, построенный по русской модели подобных предложений; адъективный оборот левого ветвления *Kalevalaha pojavad* с таким же иллативным управлением, как и у глагола *nahodida* ‘быть похожим (на кого-л.)’ (исконное управление слова *pojav* – генитивное).

Возможен и генитив при *rindatades* (вероятно, генитив здесь – это полпути к оформлению слова, зависимого от *rindatades*, комитативом – падежом на *-nke*, отвечающим на вопрос *с чем?*):

(184) Saki-**n** **rindata-des**, se om ani sur' lidn hüv-i-denke kül'bendrando-i-denke.

Саки-**GEN** сравнивать-2INF:IN, это ESSE.3Sg довольно большой город хороший-PL-COM пляж-PL-COM[185].

По сравнению с [городом] Саки, это большой город с хорошими пляжами.
[Kodima, №10 (295), 2017: 8]

2.2.4.2. Союзы

В письменном вепсском языке свободно используются заимствованные русские сочинительные союзы: *i* (при наличии *da*), *a*, *no*, *ili* (при наличии *vai*), *libo*. Например[186]:

(185) Mušta-n, kut minu-n baba-m Gul'a **ili** Gulli-baboi kaiken pagiž-i: «Voi vunukuine, tariž pagiš-ta iče-moi kel'o-u, tariž mušt-ta mičče-l kel'o-u pagiži sinu-n mamoi»[187].

Помнить-1Sg, как я-GEN бабушка.1SgPOSS Гуля, или Гулли-баба всегда говорить-IMPF: «Ой внученька, нужно говорить-INF сам-1PlPOSS язык-AD, нужно помнить-INF какой-AD язык-AD говорить-IMPF ты-GEN мама».

Помню, как моя бабушка Гуля, или Гулли-баба (?), постоянно говорила: «Ой, внученька, нужно говорить на нашем языке, нужно помнить, на каком языке говорила твоя мама».
[Kodima, №5 (278), 2016: 2]

(186) Tämbeiže-ks päivä-ks om sel'ged, miše ende ves'-heimo-n eläjä-d teg-i-ba iče-le-ze sob-i-d pölväsiže-s **libo** villasiže-s kangha-späi[188].

---

[185] Нарушение послеложного согласования. Должно быть *hüvi**den** kül'bendrandoi**denke***.

[186] А примеры с союзами *i*, *a* и *no* вы можете поискать в данной работе сами.

[187] Слова Нины Григорьевны Зайцевой. Форма *kel'ou* из прямой речи – диалектная.

Сегодняшний-TRANSL день-TRANSL ESSE.3Sg ясный, что раньше весь-племя-GEN житель-PL делать-IMPF-3Pl сам-ALL-3POSS одежда-PL-PART льняной-IN либо шерстяной-IN ткань-EL.

На сегодняшний день ясно, что раньше жители племени весь делали себе одежду из льняной **либо** шерстяной ткани.
[Kodima, №6 (291), 2017: 6]

Также отметим калькированные с русского языка **сложные** союзы, часто использующиеся в современных вепсских газетных текстах[189]:

не только…, но и… – ei vaiše…, no …-ki
(используется довольно часто)

(187) Konz Tö kaike-n ehti-t teh-ta? Nacein, se ota-b **ei vaiše** rado-n aiga-d, **no** joudja-d-**ki** aiga-d?

Когда Вы всё-ACC успевать-2Pl делать-INF? Наверное, это брать-3Sg **не только** работа-GEN время-PART, **но** свободный-PART-**EMPH** время-PART?

Когда Вы всё успеваете делать? Наверное, это отнимает **не только** рабочее, **но и** свободное время?
[Kodima, №5 (278), 2016: 3]

(188) Hän lugeb **ei vaiše** venäks, **no** vepsän-**ki** kelel.

Он(а) читать-3Sg **не только** по-русски, **но** вепсский-**EMPH** язык-AD.

Она читает **не только** по-русски, **но и** на вепсском языке.
[Kodima, №8 (281), 2016: 4]

---

[188] Это предложение демонстрирует также реализацию послеложного согласования.

[189] См. также скалькированные сложные союзы в [Иванова, 2014: 118 – 128]: *selle aighasai, kudai* ‘до того времени, пока’, *ses aigaspäi konz* ‘с того времени, как’, *edou temad (?), kut* ‘перед тем, как’, *sespäi mi* ‘оттого, что’, *sen vigau, mi* ‘по причине того, что’, *ka sikš i* ‘то потому и’, *ka seda i* ‘то поэтому и’, *kaikičču kerdau, kut* ‘всякий раз, как’, *kut vaiše* ‘как только’, *sentäht miše* ‘потому что’ (букв.: для того, что[бы]), *sentäht, kut* ‘из-за того, что’, *päliči seda, miše* ‘из-за того, что’, *a se* ‘а (не) то’, *darom, miše* ‘даром, что (несмотря на то, что)’ и др. (Приведены только одноместные двухкомпонентые союзы. Союзы приведены в диалектном виде. При использовании в письменном языке некоторые из них выглядели бы немного иначе, напр., *sidä* вместо *seda, kaikučče̮l kerdal* вместо *kaikičču kerdau*).

Возможно также и такое оформление:

(189) Nece festival’ jo amu teg-i-he regionankeskeiže-ks, sinna tule-ba lapse-d ozuta-mha sarno-i-d, teatrozutes-i-d **ei vaiše** Karjala-späi, **no mugažo** Piteri-n da Vologda-n agjo-i-špäi.

Этот фестиваль уже давно делаться-IMPF-3:REF межрегиональный-TRANSL, туда приходить-3Pl ребёнок-PL показывать-3INF:ILL сказка-PL-PART, постановка-PL-PART **не только** Карелия-EL, **но также** Петербург-GEN и Вологда-GEN область-PL-EL.

Этот фестиваль уже давно стал межрегиональным: туда приезжают дети, чтобы показать сказки, театральные постановки, **не только** из Карелии, **но также** из Ленинградской и Вологодской областей.
[Kodima, №3 (276), 2016: 5]

Вместо эмфатической частицы *-ki* может даже использоваться русское *i*:

(190) Galina Petrovna om hüvä emäg, häne-n magukah-i-d pirgo-i-d tez-i-ba **ei vaiše** heimolaiže-d, **no i** toiže-d külä-n eläja-d.

Галина Петровна ESSE.3Sg хороший хозяйка, он(а)-GEN вкусный-PL-PART пирог-PL-PART знать-IMPF-3Pl **не только** родственник-PL, **но и** другой-PL деревня-GEN житель-PL.

Галина Петровна – хорошая хозяйка, её вкусные пироги знали **не только** родственники, **но и** другие жители деревни.
[Kodima, №3 (300), 2018: 6]

как …, так и … – kut …, muga …-ki

(191) Ozuteluz ol-i lujas čoma **kut** päivä-l, konz jä ilokahašti lošt-i päiväiže-n a-l, **muga** ö-l-**ki**, konz kaik vestatuse-d čomin pašto-i-ba erimujuiž-i-l lämo-i-l.

Выставка ESSE-IMPF очень красивый **как** день-AD, когда лёд весело блестеть-IMPF солнце-GEN под.AD, **так** ночь-AD-**EMPH**, когда все скульптура-PL красиво светить-IMPF-3Pl разноцветный-PL-AD огонь-PL-AD.

Выставка была очень красива **как** днём, когда лёд весело блестел на солнце, **так и** ночью, когда все скульптуры красиво светились разноцветными огнями.
[Kodima, №3 (276), 2016: 6]

несмотря на то, что – kacmata sihe, miše (употребляется часто)[190]

(192) **Kac-mata si-he, miše** vepsän rahvaz om valata-dud, ristitu-d usko-ba vedehiže-he, mechiže-he, kül'beti-n da kodi-n ižando-i-he da emägo-i-he.

Смотреть-3INF:AB то-ILL, **что** вепсский народ ESSE.3Sg крестить-PRTPASS, человек-PL верить-3Pl водяной-ILL, леший-ILL, баня-GEN и дом-GEN хозяин-PL-ILL и хозяйка-PL-ILL.

Несмотря на то, что вепсский народ крещён, люди верят в водяного, лешего, хозяев и хозяек бани и дома.
[Kodima, №8 (281), 2016: 4]

(193) **Kac-mata si-he, miše** romana-s om äjan kuva-tud voina-n tego-i-d, se-n jüvä-s om voina-n vasthapäi mel'.

Смотреть-3INF:AB то-ILL, что роман-IN ESSE.3Sg много-GEN(?) рисовать-PRTPASS война-GEN действие-PL-PART, он(неод)-GEN зерно-IN ESSE.3Sg война-GEN против мысль.

Несмотря на то, что в романе [Вяйно Линна «Неизвестный солдат»] много вымышленных военных действий, в его основе («зерне») – мысль против войны.
[Kodima, №1 (298), 2018: 3]

до тех пор, пока (не) – sihesai, kuni

(194) Mam da poig seižu-i-ba, hei-den hardjo-d da pä-d ol-i-ba jo lume-s, a hö kacu-i-ba tata-n da tütre-n jäl'g-he, kacu-i-ba **si-hesai, kuni** hei-d ei nägu-škande-nd.

[190] Придаточное уступительное может вводиться также и союзом *hot'*: *Hüväsüdäimeline ak Valentina Išanina vastsi meid muhul, avaiži kaikid uksid, ozuti kaikid muzejan honusid,* ***hot'*** *nece oli lebupäiv*. 'Добросердечная женщина Валентина Ишанина встретила нас улыбкой, открыла все двери, показала все комнаты музея, **хотя** это был выходной' [Kodima, №7 (292), 2017: 5]. ***Hot'*** *используется и в роли частицы: Sen täht, miše tedištada vepsän rahvahan istorijas da kul'turas enamba, pidab* ***hot'*** *ühten kerdan tulda Šoutjärven vepsän etnografižehe muzejaha.* 'Для того, чтобы узнать больше об истории и культуре вепсского народа, нужно **хоть** один раз прийти (приехать) в Шелтозерский вепсский этнографический музей [Kodima, №6 (291), 2017: 8].

Мать и сын стоять-IMPF-3Pl, они.PL-GEN плечо-PL и голова-PL ESSE-IMPF-3Pl уже снег-IN, а они смотреть-IMPF-3Pl отец-GEN и дочь-GEN след-ILL[191], смотреть-IMPF-3Pl **то-TERM, пока** они.PL-PART NEG.3 видеть-INCH-PRTACT.

Мать и сын стояли, их плечи и головы были уже в снегу, а они смотрели вслед отцу и дочери, смотрели **до тех пор, пока** их не стало видно.
(N. Silakova. Mezimujuižed sil'mäd. Пер. М. Гиниятуллина)

(195) Liža-das nižujauho-d da kaik hüvin segoita-das **si-hesai, kuni** tahtaz tege-soi[192] sageda-ks.

Добавлять-IMPS ржаная.мука-PART и всё хорошо перемешивать-IMPS **то-TERM, пока** тесто делаться-3:REF густой-TRANSL.

Добавляют ржаную муку и всё тщательно перемешивают до тех пор, пока тесто [не] станет густым.
[Kodima, №3 (276), 2016: 8]

(196) Minä sanu-n tei-le: en enambad sö-škande si-dä **si-hesai, kuni** linne-b todesine äipäivsömine Jumala-n valdkunda-s.

Я говорить-1Sg вы-ALL: NEG-1Sg больше есть-FUT это-PART **то-TERM, пока** ESSE.FUT-3Sg настоящий пасхальная.еда Бог-GEN государство-IN.

Я говорю вам: не буду больше есть этого **до тех пор, пока** [не] будет настоящая пасхальная еда в Царстве Божием.
Синод: «Ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием» (Лк 22:16).

Встречаются в вепсских текстах и русские повторяющиеся союзы:

(197) Äi om vepsän ma-l **i** kül-i-d, **i** meco-i-d, **i** jog-i-d, **i** järv-i-d – ei voi luge-da-ki!

[191] Можно рассматривать как кальку производного предлога.

[192] По таблицам в [Бродский, 2008: 178 – 179] и [Zaiceva, 2003: 233] правильно будет *tege**se***. Форма 3 л. мн. ч. в возвратном спряжении тоже должна быть на *-se*, но в современных вепсских текстах её образуют только на *-soiš* (под влиянием форм других лиц): *Lapsed pigašti kehitoita**soiš**, heredas openda**soiš**.* 'Дети быстро развиваются, быстро учатся' [Kodima, №1 (286), 2017: 3].

Много ESSE.3Sg вепсский земля-AD **и** деревня-PL-PART, **и** лес-PL-PART, **и** река-PL-PART, **и** озеро-PL-PART – NEG.3 можно считать-INF-EMPH!

Много на вепсской земле **и** деревень, **и** лесов, **и** рек, **и** озёр – нельзя и сосчитать!
[Brodski, 2000: 18]

(198) Nügüdläiž-i-den ristitu-i-den pä-s om kaiken küzünd – «A kut-žo ende norišt mänet-i aiga-d? Ved' ei ole-nd **ni** tedomašino-i-d, **ni** televizoro-i-d, da mi-š pagiš-ta – ei ole-nd lämoi-d-ki!»

Современный-PL-GEN человек-PL-GEN голова-IN ESSE.3Sg всегда вопрос – «А как-же раньше молодёжь проводить-IMPF время-PART? Ведь NEG.3 ESSE-PRTACT **ни** компьютер-PL-PART, **ни** телевизор-PL-PART, да что-IN говорить-INF – NEG ESSE-PRTACT огонь-PART-EMPH!»

В голове современных людей всегда есть вопрос: «А как же раньше молодёжь проводила время? Ведь не было **ни** компьютеров, **ни** телевизоров, да о чём говорить – не было даже огня!»
[Kodima, №1 (286), 2017: 4]

Русский повторяющийся союз ***то…, то…*** передаётся по-вепсски как ***se…, se…*** (потому что одно из соотвествий вепсского слова *se* – это русское местоимение *mo*):

(199) **Se** perti-n ke-lle-ni lenda-b, **se** meca-n čapa-b, **se** päči-n pane-b (VT:32).

То дом-ACC кто-ALL-нибудь строить-3Sg, **то** лес-ACC рубить-3Sg, **то** печь-ACC класть-3Sg.

То дом кому-нибудь построит, **то** лес нарубит, **то** печь сложит.
Оригинал: «То дом кому построит, то тёсу напилит, то печку сложит» (П:49).

2.2.4.3. Частицы

Нередко в вепсском языке используются и заимствованные русские частицы:

(200) Venä-n kel' ühtenzoit-i mei-d kaik-i-d. **Ved'** äja-d olimpiada-n ühtnika-d pagiž-i-ba ičeze kodikele-l kesketi, kodi-š hö pagiže-ba vaiše si-l.

Русь-GEN язык объединить-IMPF мы.PL-PART все-PL-PART. **Ведь** многие.PL олимпиада-GEN участник-PL говорить-IMPF-3Pl сам-3POSS родной.язык-AD между.собой, дом-IN они говорить-3Pl только он(неод)-AD. Русский язык объединил нас всех. Ведь многие участники олимпиады говорили на своём языке между собой, дома они говорят только на нём[193].
[Kodima, №12 (282), 2016: 3]

(201) Necil-**žo** ehta-l Vepsän kul'tursebra-n pämez' Zinaida Strogalščikova lahjoič-i Jurii Mihailovič Mugačeva-le "Za vernost' Severu"-medali-n.

Этот-AD-**же** вечер-AD Вепсский культурное.общество-GEN глава Зинаида Строгальщикова подарить-IMPF Юрий Михайлович Мугачев-ALL «За верность Северу»-медаль-ACC.

На этом же вечере глава Вепсского культурного общества [Карелии] Зинаида Строгальщикова вручила Юрию Михайловичу Мугачеву медаль «За верность Северу».
[Kodima, №2 (275), 2016: 4]

Эта же частица обнаруживается и в составе слова *mugaž**o*** 'так**же**'.

(202) **A vot** iče kul'turpert' ei varasta-nd ni-ke-da.
А вот сам дом.культуры NEG.3 ждать-PRTACT ни-кто-PART.
А вот сам дом культуры не ждал никого.
[Kodima, №5 (290), 2017: 6]

Особенно много калькированных сочетаний служебных слов обнаруживается в переводе повести «Азбука детства» В.А. Пулькина (см. также пр-ры 8 – 12):

(203) Ka naku muga (VT:36).
Да вот так.
Оригинал: «Значит, так» (П:56).

[193] Речь идёт об олимпиаде по государственным языкам республик России, впервые проведённой в 2016 г.

(204) A miše ne-d ei tahtoi-koi vihel-ta, **ka nece nimi-dä** (VT:25)

А что он(неод) NEG.3 хотеть-PL свистеть-INF, **то это ничто-PART**[194]

А что они не хотят свистеть, **то это ничего.**

Оригинал: «И ничего тогда, что заяц или медведь не свистят»[195] (П:19).

Ei как отрицательная частица

Русское влияние обнаруживается также и в том, что прибалтийско-финский отрицательный глагол *ei*, участвующий в образовании отрицательных глагольных форм, в вепсском языке уже стал использоваться по образцу русской отрицательной частицы *не*, никак не влияя на глагол-сказуемое:

(205) Nece-n polhe nügüd' voi-b sanu-da **ei** kaikutte külä-n eläi.

Это-GEN о сейчас мочь-3Sg сказать-INF **не** каждый деревня-GEN житель.

Об этом [что такое завет и что значит положить завет] сейчас может сказать **не** каждый деревенский житель.

[Kodima, №8 (281), 2016: 4]

(206) **Ei** muite sanu-tas, miše üks' pä om hüvä, no kaks' pä-d om völ paremba.

Не зря говорить-IMPS, что один голова ESSE.3Sg хороший, но два голова-PART ESSE.3Sg ещё лучше.

Не зря говорят, что одна голова – хорошо, а две головы – ещё лучше.

[Kodima, №1 (286), 2017: 5]

(207) Se om kuti **ei** künt-tud ma – tägä om lujas äi rado-i-d, kaike-n aiga-n voi-b löu-ta uz-i-d temo-i-d.

Он(неод) ESSE.3Sg как **не** пахать-PRTPASS земля – здесь ESSE.3Sg очень много работа-PL-PART, весь-ESS время-ESS можно-3Sg найти-INF новый-PL-PART тема-PL-PART.

[194] Служебное слово *ka* в разных случаях может значить и 'да' (как формула положительного ответа или эмоциональная частица, начинающая предложение), и 'то' (как слово, начинающее главную часть после придаточного условия или причины).

[195] Речь идёт об игрушках в виде зверей.

Она [вепсская народная культура] как **не**паханая земля: здесь очень много работы, всё время можно найти новые темы [для телесюжета].
[Kodima, №8 (281), 2016: 8]

Ei в роли *не* в данном примере присоединяется к пассивному причастию, несмотря на то что (*kacmata sihe miše!*) в исконной прибалтийско-финской грамматической системе есть свой способ построить отрицательное отглагольное образование на *-matoi*, не забытый окончательно и вепсским языком:

(208) Nece **varasta-matoi** vastuz jä-i kaike-ks igä-ks mušt-ho hei-le molembi-le.

Этот **ждать-PRTNEG** встреча остаться-IMPF весь-TRANSL возраст-TRANSL память-ILL они.PL-ALL оба.PL-ALL.

Эта **неожиданная** (= которую не ждали) встреча осталась в памяти навсегда у них обоих.
[Kodima, №3 (288), 2017: 5]

(209) Kaik nene azjtego-d oma tärkta-d vepsän rahvaha-n täht, no **ei** kaike-n aiga-n ristitu-i-l om den'go-i-d, miše ühtne-da ni-i-he, a **maks-matom-i-den** sijo-i-den lugumär om röunata-dud vai ni-i-d ei ole.

Все эти.PL мероприятие-PL ESSE.3Pl важный-PL вепсский народ-GEN для, но **не** весь-ESS время-ESS человек-PL-AD ESSE.3Sg деньги.PL-PART, что участвовать-INF они(неод).PL-ILL, а **платить-PRTNEG-PL-GEN** место-PL-NEG количество ESSE.3Sg ограничить-PRTPASS или они(неод).PL-PART NEG.3 ESSE.

Все эти мероприятия важны для вепсского народа, но **не** всегда у людей есть деньги, чтобы участвовать в них, а количество **бесплатных** (=которые не оплачивают) мест ограничено или их нет.
[Kodima, №3 (300), 2018: 3]

Насчёт того, является это образование причастием или отглагольным прилагательным, возможны разные мнения. По справочнику [Братчикова, 2010: 168], «причастие-отрицание» в финском языке имеет показатель *-maton/-mätön*, но никаких примеров его употребления не приводится. [ГФЯ, 1958: 186] не упоминает отрицательное причастие в списке разновидностей причастий, видимо считая описываемые формы прилагательными. [Кочергина, 2010] тоже не упоминает такого причастия, но эти формы встречаются среди именных. На наш взгляд, эту форму можно признать отрицательным

причастием в вепсском языке; по своим свойствам оно одноприродно с финским причастием-агентом: определяет только объект действия и семантически относится только к прошедшему времени.
В той же статье, откуда взят пример (207), есть ещё один очень интересный пример трансформации вепсской грамматической системы под русским влиянием:

(210) Voi-m sanu-da ühte-n – tusttu-da mugoiže-s rado-s **om** tode-ks **ei sa**.
Мочь-1Pl сказать-INF один-ACC – скучать-INF такой-IN работа-IN **ESSE.3Sg** правда-TRANSL **NEG.3 можно**.
Можем сказать одно: скучать на такой работе [и] вправду **нельзя**.

Sab, слово со значением ‘можно’ (субъективной возможности[196]), – для исконной системы безличный (или, как это называют прибалтийско-финские грамматические описания, «одноличный») **глагол**. Чтобы получить значение ‘нельзя’, к нему надо так же, как и к любому другому глаголу, добавить слово *ei* (в 3-м лице), убрав лично-числовой показатель: *sab* ‘можно’ – *ei sa* ‘нельзя’:

(211) Verha-l mele-l **ei sa** elä-da.
Чужой-AD ум-AD **NEG.3 можно** жить-INF.
Чужим умом **нельзя** жить.
[Kodima, №2 (275), 2016: 8]

Но под русским влиянием *ei sa* ‘нельзя’ осмысляется как предикатив, то есть как часть составного именного сказуемого, при которой – уже по правилам вепсского языка – должен быть свой глагол, то есть бытийная связка: **om ei sa*. Редактор просмотрел совершенно очевидную ошибку против исконной вепсской грамматической системы.

Такие же очевиднейшие ошибки против грамматической системы вепсского языка можно найти даже и в прошедшем времени:

(212) **Ei sa-nd ol-i** ot-ta recepto-i-d Karel’skaja kuhn’a-kirja-späi da interneta-späi, se ol-i völ ühte-n da tärkta-n konkursa-n pakičuse-n.

[196] При том, что контекст подразумевает скорее объективную (не)возможность, которая должна выражаться словами *voib* ‘можно’ и *ei voi* ‘нельзя’.

NEG.3 можно-PRTACT ESSE-IMPF брать-INF рецепт-PL-PART *Карельская кухня*-книга-EL и интернет-EL, это ESSE-IMPF ещё один-ESS и важный-ESS конкурс-GEN требование-ESS.

Нельзя было брать рецепты из книги «Карельская кухня» и из интернета, это было ещё одним и [самым?] важным требованием конкурса.
[Kodima, №2 (275), 2016: 5]

Ei sand – это отрицательная форма имперфекта от *sab*, она и так значит ‘нельзя было’. Связка прошедшего времени *oli*, появившаяся ввиду наличия в русской фразе слова *было*, здесь совершенно лишняя и даже грамматически тавтологичная. Её наличие ещё можно было бы понять, если бы эта конструкция – по аналогии с **om ei sa* – выглядела как **oli ei sa*, но в том виде, в каком эта фраза выглядит в приведённом примере, она не соответствует даже буквальному переводу с русского. Но такая ошибка была встречена всего 1 раз. Во всех остальных случаях (в просмотренных номерах газеты их было обнаружено 8[197]) *ei sand* было употреблено правильно:

(213) Siloi norišt ei kävu-nd besedoi-le, **ei sa-nd** pajata-da da kargai-ta äjan.

Тогда молодёжь NEG.3 ходить-PRTPACT бесёды.PL-ALL, **NEG.3 можно-PRTACT** петь-INF и танцевать-INF много.

Тогда [в Великий пост] молодёжь не ходила на бесёды, **нельзя** было много петь и танцевать.
[Kodima, №3 (276), 2017: 7]

Nece в роли частицы и дефинитивная конструкция *nece om*

Русизмом в вепсском языке следует считать и использование местоимения *nece* ‘этот, эта, *это*’ в функции частицы ‘это’. В качестве примера на *это* мы возьмём замечательные слова Нины Григорьевны Зайцевой из её юбилейного интервью газете «Kodima»:

(214) Erašti sanu-tas, miše kel’ kole-b, sambu-b. *No* kel’ ei kole, ei sambu, **nece** kole-b mei-den mušt, kole-b harjenuz pagiš-ta iče-moi kele-l, *a* iče kel’ om eläb.

[197] Без учёта тех случаев, где *ei sand* означает ‘не получил’.

Иногда говорить-IMPS, что язык умирать-3Sg, гаснуть-3Sg. *Но* язык NEG.3 умирать, NEG.3 гаснуть, **это** умирать-3Sg мы.PL-GEN память, умирать-3Sg навык говорить-INF сам-1PlPOSS язык-AD, *а* сам язык ESSE.3Sg живой.

Иногда говорят, что язык умирает, гаснет. *Но* язык не умирает, не гаснет, **это** умирает наша память, умирает навык говорить на своём языке, *а* сам язык жив.
[Kodima, №5 (278), 2016: 2]

Исконно *nece* – указательное местоимение-прилагательное (см. примеры 39, 111, 189, 208, где это слово употреблено именно в это функции), но оно также может использоваться и как местоимение-существительное, обозначающее некий объект или даже некую целостную ситуацию, – по той причине, что в русском языке в этой функции тоже используется слово *это*:

(215) **Nece** om Vikipedii vepsän kele-l.
Это ESSE.3Sg Википедия вепсский язык-AD.
Это Википедия на вепсском языке.
(фраза на главной странице vep.wikipedia.org)

(216) Ei, **nece** ei ole redukaz lävä, **nece** om administracija-n kodi.
Нет, это NEG.3 ESSE грязный хлев, **это** ESSE.3Sg администрация-GEN дом.
Нет, **это** не грязный хлев, **это** здание администрации.
[Бродский, 2008: 56]

(217) Mei-den kaži om äja-n maga-nu i sö-nu, a, kut rahvaz pagiš-tas – **nece** om vilu-ks sä-ks.
Мы.PL-GEN кошка ESSE.3Sg много-ESS спать-PRTACT и есть-PRTACT, а, как народ говорить-IMPS – **это** ESSE.3Sg холодный-TRANSL погода-TRANSL.
Наша кошка много спала и ела, а, как говорит народ, **это** к холодной погоде.
[Бродский, 2008: 111, из текста к уроку]

В финском языке в функции указания на ситуацию используется местоимение *se*, в вепсском языке обычно имеющее перевод ‘то’ (такой перевод предлагается в словаре [Бродский, 2016], также оно используется и в роли местоимения-существительного при указании на неодушевлённые объекты):

(218) **Se** tapahtu-i viime vuo-nna (фин.).
То случиться-IMPF прошлый(несклон) год-ESS.
Это случилось в прошлом году.
[ГФЯ, 1958: 130]

Поскольку *nece om* буквально переводится ‘это [есть] (что-то)’, такая конструкция попадает даже в такие контексты, где чему-либо даётся дефиниция или приписывается предметное свойство:

(219) Vaihišt[198] – **nece** om mugoine kele-n pala, kudamb ozuta-b, mičč-i-d sanagrupp-i-d znamoičenda-n mödhe mülü-b kel’-he[199].
Лексика – **это** ESSE.3Sg такой язык-GEN часть, который показывать-3Sg, какой-PL-PART группа.слов-PL-PART значение-GEN по входить-3Sg язык-ILL.
Лексика – **это** такая часть языка, которая показывает, какие группы слов по значению входят в язык.
[Zaiceva, 2003: 9].

(220) Mö tege-m Olimpiada-n, miše laps-i-l kazva-iži melentartuz’ sport-ha, ved’ likund **nece** om mei-den elo-n päazj!
Мы делать-1Sg Олимпиада-ACC, что ребёнок-PL-AD расти-COND интерес спорт-ILL, ведь движение **это** ESSE.3Sg мы.PL-GEN жизнь-GEN главное.дело!
Мы делаем олимпиаду, чтобы у детей рос интерес к спорту, ведь движение – это главное дело нашей жизни!
[Kodima, №3 (300), 2018: 5]

Так под русским влиянием формируется новая «дефинитивная» конструкция (**NOM – nece om NOM**), для которой просто *om* оказывается недостаточно; слово *nece* в ней – уже частица, а не местоимение.

И в качестве последнего примера в нашей работе мы возьмём тоже очень важные и символические слова:

[198] Неологизм. Буквально его ещё можно понять как «словесность».

[199] Это предложение – пример ещё и на партитивное подлежащее со сказуемым в единственном числе.

(221) Vepsän kele-n opendamine – **nece** om tärged azj, mičče-späi rippu-b rahvaha-n tuli-i aig.

Вепсский язык-GEN изучение – **это** ESSE.3Sg важный дело, какой-EL зависеть-3Sg народ-GEN приходить-PRTPRAES время.

Изучение вепсского языка – **это** важное дело, от которого зависит будущее народа.
[Konošenko, 2016: 64].

2.3. Синтаксические таблицы

В этом разделе, подводящем своеобразный итог нашей работе, мы предложим вам сводную таблицу рассмотренных нами синтаксических черт с указанием их наличия или отсутствия в русском, вепсском и финском языках. Стрелочки, протянувшиеся от ячеек столбца «русский», обозначают степень влияния соответствующей языковой черты на вепсский язык:

короткая стрелка → обозначает малое влияние: только в немногих случаях исконная прибалтийско-финская конструкция или оборот начинает строиться по русскому образцу; эти случаи можно признать ошибками против грамматической системы вепсского языка;
стрелка средней длины ⟶ обозначает среднюю степень влияния: нарушение исконной конструкции уже наблюдается довольно часто и уже не осознаётся как ошибка;
и, наконец, длинная стрелка ⟶ обозначает, что исконная вепсская конструкция разрушена почти полностью; лишь в очень редких случаях, которые даже можно признать маргинальными, тот или иной оборот не имеет прямого соответствия в русском языке.

В случае полного тождества языковых черт в русском и вепсском языках этих стрелок нет. Такие случаи подсвечены цветом.

Табл. 9. Сводная таблица синтаксических черт в русском, вепсском и финском языках

	русский	вепсский	финский
поссесивная констр. с препозитивным посессором	**нет**	**да**	**да**
послеложно-падежная констр.	**нет (почти)** →	**да (не всегда)**	**да (почти)**
констр. с приложением на первом месте	**нет** →	**да (не всегда)**	**да**

прич. и дееприч. обороты левого ветвления	**редко**	**да (не всегда)**	**да**
констр. приблиз. кол-ва	**да**	**да**	**нет**
выраж. деятеля в пассивной констр. (генитивом)	**нет**	**нет**	**да**
падеж при глаголе говорения – партитив	**нет**	**нет**	**да**
партитивное подлежащее	**нет**	**да**	**да**
партитивное сказуемое	**нет**	**нет**	**да**
независимые обороты (nom. abs., part. abs.)	**нет**	**да**	**да**
послеложное согласование	**нет**	**разрушается**	**нет**
футурум-экзактум	**да**	**да**	**нет**
PL + om/oli/linneb + пасс. прич.	**нет**	**да (искусственно)**	**да**
Разносубъектная реализация предложения с оборотом со II инфинитивом	**нет**	**нет (почти)**	**да**
Temporaalirakenne предшествующего действия	**нет**	**нет**	**да**
Иллативная форма III инф.	**нет**	**да (редко)**	**да**
Инессивная форма III инф.	**нет**	**очень редко**	**да**

Элативная форма III инф.	**нет**	**нет (почти)** →	**да**
Абессивная форма III инф.	**нет**	→ **да**	**да**
Простые союзы (i, a, no, ili, hot') и частицы (vot, ved')	**да**	**да**	**нет**
Составные предлоги и союзы	**да**	**да**	**нет**
NOM nece om NOM	**да**	**да**	**нет**

Как видим, лишь в одном-единственном случае из рассмотренных нами между русской и вепсской синтаксическими чертами нет ни тождества, ни влияния со стороны русского языка. Эта черта – поссессивная конструкция (2.2.1.1), наиболее устойчивая исконная особенность вепсского синтаксиса, можно даже сказать, его последний рубеж на пути полной трансформации прибалтийско-финских моделей в русские.

Приведём ещё одну поучительную таблицу, построенную на основе материала и примеров в [Kolomainen, 2005: 60 – 72]. В ней представлены так называемые *lauseenvastikkeet* – эквиваленты придаточных предложений, выделяемые в синтаксисе финского языка, на которые следут обращать особое внимание при углублённом изучении финского языка как неродного.

Табл. 10. *Lauseenvastikkeet* в финском языке и их аналоги в вепсском

название	пример в финском языке	ядро оборота	аналог в вепсском языке
Ensimmäinen referatiivirakenne (Реферативная конструкция I)	Kuulen *hänen olevan kotona.* 'Слышу, *что он дома*'.	причастие (любое) в форме аккузатива	нет
Toinen referatiivirakenne (Реферативная конструкция II)	Hän näkyy *olevan kotona*. 'Видно, *что он дома*'.	причастие в форме аккузатива	нет

Temporaalirakenne I (Временная конструкция I)	*Junaa odottaessasi* luit lehteä. ‘*Ожидая поезд*, ты читал газету’.	инессивная форма II инфинитива (в некоторых случаях с притяжательным суффиксом)	возможен только при моносубъектной реализации предложения: *Pojezdad varastades*, sinä lugid lehtest.
Temporaalirakenne II (Временная конструкция II)	Hän oli vihainen *odotettuaan monta tuntia*. ‘Он был зол, *прождав много часов*’.	пассивное причастие прошедшего времени в форме партитива	нет (только в диалектной речи)
Predikatiivinen lauseenvastikke (Предикативный эквивалент придаточного)	Nuorena hän asui maalla. ‘*Молодым* (= когда он был молодой) он жил на природе’.	имя в форме эссива	возможен (предп.): *Nore**n*** hän eli londusel.
Finaalirakenne (Финальная конструкция)	Hän nousi *lähteäkseen*. ‘Он встал, чтобы уйти’.	долгая форма I инфинитива с притяжательным суффиксом	нет
Kvantumrakenne (Квантумная конструкция)	*Nähdäkseni* asia on niin kuin sanoit. ‘Как я вижу, дело [обстоит] так, как [ты] сказал’.	долгая форма I инфинитива с притяжательным суффиксом	нет
Modaalirakenne (Модальная конструкция)	Kerroin asiasta *nauroen*. ‘[Я] рассказывал о деле, *смеясь*’. *(Sinun) kutsumattasi* tulin, *(sinun) käskemättäsi* lähden. ‘[Я] пришёл без зова (твоего), уйду без повеления (твоего)’.	инструктивная форма II инфинитива или абессивная форма III инфинитива (при отрицательной семантике), в некоторых случаях – с притяжательным и суффиксами	возможен (только при моносубъектной реализации; эти формы могут заменяться инессивной формой II инфинитива): Minä starinoičin neciš azjas *nagrden* (*nagrdes*).

			Hän läksi *nimidä sanumata* (*ei sanudes*). ‘Он ушёл, ничего не сказав’.
Fatumrakenne (Фатумная конструкция)	Kyllä kirje tulee, *jos on tullakseen*. ‘Конечно, письмо придёт, *если должно прийти*’.	On + долгая форма I инфинитива с притяжательным суффиксом	нет
Nesessiivirakenne (Несессивная конструкция)	Ikkunat *on pestävä*. ‘Окна *следует помыть*’.	On + пассивное причастие настоящего времени	нет
Kvasirakenne (Квази-конструкция)	Mummo *ei ollut tietävinään*. ‘Бабушка *сделала вид, что не знала*’.	Форма глаг. olla + форма эссива множественного числа активного причастия настоящего времени с притяжательным суффиксом	нет
Intensiteettirakenne (Конструкция интенсивности)	Pelkäsimme kuollaksemme. ‘[Мы] испугались до смерти (= *так, что чуть не умерли*)’.	долгая форма I инфинитива с притяжательным суффиксом	нет
Permissiivirakenne (Пермиссивная конструкция)	Anna *hänen mennä*. ‘Дай *ему пройти*’.	генитивный субъект + I инфинитив	возможно в порядке кальки с русского (предп.): Anda *hänele mända*.
Statusrakenne (Статусная конструкция)	Tiellä käveli Kettu Repolainen *rahaa taskussa*. ‘По дороге шёл Кетту Реполайнен *с деньгами за пазухой*’.	независимый оборот nominativus absolutus или partitivus absolutus (в составе которого может быть	возможен (только без инструктивной формы II инфинитива): Mužik tuli mecaspäi *kirvez kädes*.

	Susi katseli Punahilkkaa *silmät kiiluen*. ‘Волк смотрел на Красную Шапочку *с блеском в глазах*’.	инструктивная форма II инфинитива)	‘Мужик пришёл из леса с топором в руке’.

Анализ таблицы убеждает, что многие из финских *lauseenvastikkeet* в вепсском языке оказываются невозможны – в большинстве случаев из-за того, что в нём просто нет нужной морфологической формы. Те же конструкции, которые всё-таки возможно воспроизвести на вепсской почве, оказываются сильно ограничены в разнообразии, потому что в письменной норме вепсского языка за редчайшими (маргинальными) исключениями невозможна двухсубъектная реализация монофинитных полипредикативных конструкций (точно так же, как и в русском языке деепричастный оборот не может содержать своё подлежащее)[200].

[200] На примере оборотов со II инфинитивом (которые соответствуют финским *temporaalirakenne I* и употребляются вместо *temporaalirakenne II* и *modaalirakenne*) см. раздел. 2.2.3.3.

Заключение

Ситуация, в которой находится современный вепсский язык – малый по числу носителей, но при этом обладающий активно используемой письменной нормой, уникальна. Его носители составляют две чётко выделяющиеся группы, которые, впрочем, иногда пересекаются: сельские жители, владеющие диалектной речью, и городская интеллигенция, выучившая нормативный вепсский язык в системе образования и применяющая его в современной письменной культуре. Состояние вепсского языка в обеих этих группах неидеально, причём в первой группе хорошее владение языком наблюдается практически только у пожилых людей (старше 60 лет)[201], при том что люди среднего и младшего возраста естественным путём (в семье) язык почти не осваивают, а во второй группе вепсский язык, усвоенный искусственно (фактически как иностранный), обычно применяется в очень немногочисленных ситуациях – чаще всего когда нужно написать статью в газету, сделать теле- или радиопередачу. Пребывая в таком состоянии, вепсский язык не может не испытывать воздействий со стороны русского – что мы и попытались показать в настоящей работе.

Основная причина русского влияния на литературный вепсский язык – это русскоязычное мышление его носителей. Освоившие вепсский язык не в семье, а в вузе, его носители – для которых родным в научно-лингвистическом (не этническом) смысле этого слова является русский язык – продолжают думать по-русски и строить по русским моделям вепсские фразы. Следствием этого, как выражается словарь контактологических терминов [Панькин, Филиппов, 2011], *искусственного двуязычия* является, в частности, так называемая *скрытая интерференция* – это значит, что некоторые факты вепсского языка, которым нет прямого соответствия в русском, забываются, утрачиваются, разрушаются. Это можно сказать о послеложном согласовании (а ведь это очень яркая черта! 2.2.2.4), о полипредикативных конструкциях с инессивной и элативной формами III инфинитива (2.2.3.4). Очень часты *синтаксические кальки*, например выражение деятеля при пассивном причастии (2.2.2.1.1), прочие употребления адессива под влиянием других однозначно соответствующих ему русских конструкций (2.2.2.1.2, 2.2.2.1.3, 2.2.2.1.4), обороты со II инфинитивом, построенные по образцу русских деепричастных оборотов и вытесняющие все остальные

[201] Одним из редких исключений был поэт Николай Абрамов (1961 – 2016).

конструкции, которым тоже соответствуют русские деепричастные обороты (2.2.3.3) и др. Но, несмотря на это, сохраняются и некоторые исконно прибалтийско-финские черты синтаксиса, как например партитивное подлежащее (2.2.2.2), причастные обороты левого ветвления, по-русски подчас выглядящие громоздко (2.2.1.4). В то же время некоторые исконные черты вепсского синтаксиса, сохраняющиеся в диалектной речи, не находят своего отражения в письменном вепсском языке, не имея опоры в языке русском: например, практически отсутствует II инфинитив в функции деепричастия цели (2.2.3.3), отсутствует темпоральная конструкция, обозначающая предшествующее действие (там же).

Влияние русского языка свойственно в той или иной мере всем литературным вепсским текстам, иначе (учитывая очень долгую историю взаимоотношений летописной веси со славянами, а в дальнейшем – вепсов с русским населением) и быть не может. Но всё-таки в письменном языке лучших его носителей (Нины Григорьевны Зайцевой) обнаруживается больше исконных черт, не замещённых синонимичными им под русским влиянием: так, в частности, в Новом Завете, переведённом на вепсский язык ею, всё-таки удаётся обнаружить разносубъектную реализацию предложения со II инфинитивом (2.2.3.3), возможную и в диалектной речи, там же мы найдём и частое, по сравнению с другими текстами, употребление инессивных форм III инфинитива на *-mas*. Поэтому язык переводов и произведений Н.Г. Зайцевой следует признать образцовым и рекомендовать к внимательному прочтению каждому, кто имеет дело с письменным вепсским Словом.

Библиография

1. Абрамов Н.В. Оять-ёген рандал… / сост. М.Ю. Кузнецов. Питер, 2013
2. АГ, 1970 = Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 1970.
3. Агранат Т.Б. Водские тексты с поморфемной нотацией. М., Тезаурус, 2012.
4. Агранат Т.Б. Малые языки Российской Федерации: водский // Вопросы языкознания, №2, 2008. – с. 65 – 72.
5. Агранат Т.Б. Миноритарные языки и письменность в эпоху глобализации. // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. - М., 2014. - С. 403-409.
6. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва, Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000.
7. Атаев Б.М. Миноритарные языки аваро-андо-цезского региона: особенности функционирования и перспективы развития // Родной язык. №1 (3), 2015.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
9. Байдуков Г. Схасюхвал'ыт илямнын' Сталинмын'. Изд-во Главсевморпути. Л., 1939.
10. Белошапкова, 1989 = Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989.
11. Бирин В. Н. Финны в Карелии (очерк). Эл. изд. 2009.
12. Братчикова Н. С. Становление финского литературного языка в эпоху Реформации // Труды Института лингвистических исследований РАН - Acta Linguistica Petropolitana. — 2014. — Т. 10. — с. 463–480.
13. Братчикова Н.С. К появлению национальной эпической поэмы на вепсском языке в современном финно-угорском культурном сообществе. // Вестник угроведения. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). №4 (23), 2015. – с. 7 – 15.
14. Братчикова Н.С. Финский язык. Справочник по грамматике. – М.: Живой язык, 2010. – 224 с.
15. Бродский И.В. Вепсско-русский словарь Санкт-Петербургского вепсского общества. Версия β 1 от 5.2016 г. (26 600 слов).

16. Бродский И.В. Наши разногласия (было опубликовано в Интернете, ныне недоступно, сохранено в личном архиве автора). СПб, 2009а.
17. Бродский И.В. Некоторые современные проблемы становления вепсского письменного языка. // Вопросы уралистики 2009. Научный альманах / Ин-т. лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2009. С. 233 – 242.
18. Бродский И.В. Самоучитель вепсского языка. Санкт-Петербург, 2008. Эл. изд.
19. Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937.
20. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., «Просвещение», 1976.
21. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2005.
22. Бурыкин А.А. О соотношении понятий “литературный язык” и “письменный язык” применительно к языкам малочисленных народов севера РФ // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. Н. Десницкой. - СПб., 2002. - С. 33-40.
23. Бурыкин А.А. Проблемы письменности и письменных языков малочисленных народов Севера РФ на современном этапе // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2014, №2 (9). С. 63 – 75
24. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка) – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.
25. Вахтин Н.Б. Русско-эскимосская интерференция в ранних письменных текстах // От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской / отв. ред. В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова. — СПб: Нестор-История, 2014. С. 130 – 140
26. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001 – 338 с.
27. Вахтин Н.Б. Языковые контакты и русско-эскимосская лексическая интерференция // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головко / Сост. и ред. тома Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская. СПб.: Наука, 2013. С. 346 – 361

28. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
29. Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2007.
30. Горшкова К.И., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 359 с.
31. Гудзий Н.К. (сост.) Хрестоматия по древней русской литературе XI – XVII веков: для высших учебных заведений. Изд. 5-е, испр. и доп. М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерство просвещения РСФСР, 1952.
32. ГФЯ, 1958 = Грамматика финского языка: Фонетика и морфология. Издательство Академии наук СССР. М. – Л., 1958.
33. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993
34. Дубровина З. М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении (К вопросу об эквивалентах предложения) // Вопросы финно-угорской филологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 34–74.
35. Дубровина З.М. Инфинитивы в финском языке. Л., 1972 (то же в кн.: Дубровина З.М. Избранные труды. СПб., 2016).
36. Елисеев Ю.С. Финский язык, в кн.: Языки мира: Уральские языки. – М., 1993.
37. Зайков П.М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, «Периодика», 1999.
38. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. Фонетика и морфология. Л., «Наука», 1981.
39. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969
40. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. ИЯЛИ Карельск. филиала АН СССР. — Л. «Наука», 1972. — 747 с.
41. Зайцева М.И. Вепсский язык, в кн.: Языки мира: Уральские языки. – М., 1993.
42. Зайцева Н. Г. Диалекты вепсского языка в контексте лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 6–22.
43. Зайцева Н.Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 2002.
44. Зайцева Н.Г. Диалектная основа вепсской орфографии // vepsia.ru (ныне недоступна)

45. Зайцева Н.Г. Младописьменный язык вепсов: периоды и перспективы развития // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 119 – 135
46. Зайцева Н.Г. Переводы Библии на язык вепсов и развитие вепсского языка // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонина). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 80 – 91
47. Зайцева Н.Г., Муллонен М.И. Новый русско-вепсский словарь = Uz' venä-vepsläine vajehnik. Петрозаводск, «Периодика», 2007.
48. Зайцева Н.Г., Харитонова Е.Е. Жукова О.Ю. Орфографический словарь вепсского языка = Vepsän kelen orfografine vajehnik. Петрозаводск, «Периодика», 2012.
49. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980. — 880 с.
50. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — 3-е изд. — М., 2006.
51. Иванова Г. П. Сохранение языка и культуры малой этнической группы (на примере вепсов) / Г. П. Иванова // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 52—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-52-61.
52. Иванова Г.П. Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 2014.
53. Икэгами Дзиро, Бибикова Е.А., Китазима Л.Р., Минато С., Роон Т.П., Федяева. И.Я. Уилтадаирису: первая книга для детей и взрослых, желающих научиться уилтинскому языку. Южно-Сахалинск, 2007.
54. Йоалайд М. Ральф-Петер Риттер и вепсский язык. // Ежегодник финно-угорских исследований. Изд-во УдГУ, Ижевск. – 2015, №3 – с. 60 – 63
55. Карелы: модели языковой мобилизации: Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. 281 с.

56. Ковалёва С.В., Родионова А.П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск, 2011.
57. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976 (2-е изд: М., 2002).
58. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013 – 512 с.
59. Конькова О.И., Дьячков Н.А. Пособие по ижорскому языку. – СПб., 2014. – 84 с.; ил.
60. Кочергина В. К. Финский язык. Грамматика в упражнениях. – СПб.: КАРО, 2010 – 288 с.
61. Кочкуркина С.И. Весь // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 178 – 211.
62. Кузнецов М.Ю. Употребление форм III инфинитива в современном письменном вепсском языке // отпр. в. Вопросы уралистики, СПб, ИЛИ РАН (написано в 2017, планируется к выходу в 2018).
63. Кузнецов М.Ю. О литературности языков коренных малочисленных народов Ленинградской области. (Статья, написанная к XX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ, не опубликована). СПб, 2017.
64. Лааксо А. О совместной работе с Рюриком Лониным над переводами библейских текстов / пер. О. Зайцевой // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонина). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 91 – 95
65. ЛЭС, 1990 = Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990 (2-е изд: «Языкознание: большой энциклопедический словарь. М., Научн. издат. «Большая Российская Энциклопедия», 1998)
66. Максимова Р.Ф., Коттина Э.В. Букварь для 1 класса вепсских школ. Санкт-Петербург: отделение изд-ва "Просвещение", 1992. — 127 с.
67. Маркус Е.Б., Рожанский Ф.И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: в 2-х тт. – СПб., 2011 (2-е, эл. изд. – 2017).

68. Мини-разговорник на языках народов, проживающих на территории Ленинградской области (сост. Т. Е. Салье). 2015.
69. Мишин А.И., Строгальщикова З.И. Вепсская литература в меняющемся мире // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лонина). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 38 – 79
70. Морфология современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфология современного русского языка». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 640 с.
71. Муслимов М.З. Заметки на полях книги Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского «Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т.» // Вопросы уралистики 2014. Научный альманах / Ин-т. лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014 – 816 с. – с .772 – 800.
72. Нагурная С.В. Роль Д.В. Бубриха в создании единого карельского языка // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1-2 октября 2015 г. / Редкол.: Н. Г. Зайцева, Е. В. Захарова и др. - Петрозаводск, 2015. С. 259 – 266 [Электронный ресурс].
73. Новикова Н.В. К вопросу о семантике и функциях футурума экзактума в древнерусском языке. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №12-2 (104) – с. 699 – 703
74. Новикова Н.В., Трофимова Е.В. О некоторых проблемах перевода древнерусского текста и достоверности лингвистической информации. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011, №12-2 (204) – с. 704 – 707.
75. Носов. Н. Натын пилъх’ит Толям Клюквиным / Пер. на эским. С. Тагьек. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989.
76. Онегина Н.Ф. Зайцева М.И. (сост). Vepsän rahvhan sarnad = Вепсские народные сказки. Петрозаводск, «Карелия», 1996.
77. ОФУЯ, 1975 = Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). Москва, «Наука», 1975.

78. Падучева Е.В. Отрицательные местоимения-предикативы (на не-) // Русская корпусная грамматика, http://rusgram.ru. На правах рукописи. М. 2017.
79. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.
80. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003 – 384 с.
81. Пулькин В.А. Азбука детства: Повесть в рассказах. Петрозаводск, 1983. 143 с.
82. Пулькин В.А. Возвращение в сказку. Л.: Детская литература, 1986. 112 с.
83. Пулькин В.А. Глубокие воды Корбярви. Л.: Лениздат, 1985. 245 с.
84. Пуура У., Карьялайнен Х., Зайцева Н.Г., Грюнталь Р. Вепсский язык в России. Подробный отчёт ELDIA. Mainz – Wien – Helsinki – Tartu – Mariehamn – Oulu – Maribor. 2013.
85. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 26.12.2011) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».
86. РГ, 1980 = Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980.
87. Родионова А.П., Чикина Н.В. Вклад Н.Г. Зайцевой в ревитализацию вепсского языка // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 21 – 28
88. Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. Ижора Сойкинского полуострова: фрагменты социолингвистического анализа // Acta linguistica Petropolitana. Т. IX, № 3. Санкт-Петербург, «Наука», 2013
89. Рожанский Ф.И., Маркус Е.Б. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке). // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2012 – Т.8 – №1. – с. 448 – 503.
90. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. – СПб, 1997.
91. Синтаксис современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис

современного русского языка». — 2-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 432 с.
92. Строгальщикова З.И. Вепсская письменность: история восстановления // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1-2 октября 2015 г. / Редкол.: Н. Г. Зайцева, Е. В. Захарова и др. - Петрозаводск, 2015. С. 259 – 266 [Электронный ресурс].
93. Строгальщикова З.И. Вепсы: очерки истории и культуры. Санкт-Петербург, Издательский дом «Инкери», 2014.
94. Строгальщикова З.И. Глава 9. Республика Карелия // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. – М.: издание ИЭА РАН, 2012. С. 136 – 149
95. Титова А.А. Творчество Василия Пулькина как историко-этнографический источник // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 198 – 206
96. Ульянова А.И. Таг'нух'амалъх'а сяма игалх'а Ильичым. Л.: Просвещение. 1990.
97. Успенскій П. Русско-чудскій словарь с нѣкоторыми грамматическими указаніями. С-Петербургъ, 1913.
98. ФРиРФС = Финско-русский и русско-финский словарь (свыше 40 000) слов. – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2009. – 624 с.
99. Функ Д.А. Сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. – М.: издание ИЭА РАН, 2012. С. 51 – 61
100. Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979.
101. Чернявский В. Ižoran keel (Ittseopastaja) = Ижорский язык (Самоучитель). Эл. изд.
102. Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск, 2012. 150 с.
103. Чиркова Л.В. Современные технологии развития языков-меньшинств на примере вепсов. (Доклад на Всемирном

конгрессе финно-угорских народов в г. Лахти, Финляндия). 2016.
104. Шведова Н.Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопр. языкознания. — 1968. — № 2.
105. Ыйспуу Я. Справочник по эстонскому языку. Таллинн: Колибри, 1999.
106. Яковлев С. Вепсская литература и школа. Опыт Ленинградской области // Красная Карелия. 1937. 14 мая.
107. Abramov N. Koumekümne koume. Petroskoi, 1994.
108. Abramov N. Kurgiden aig. Petroskoi, 1999.
109. Abramov N. Pagiškam, vel'l' = Поговорим, брат. Petroskoi, 2005.
110. Ahlqvist A. E. Anteckningar i nord-tschudiskan. — Acta Soc. Scient. Fenn. — 1861. — 6. S. 49 — 113
111. Ahlqvist A. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae V 1). Helsingfors, 1856.
112. Airila M., Turunen A., Rainio J. Vepsän opas. Helsinki, K. F. Puronmiehen Kirjapaino O-Y, 1945.
113. Andrejev, F. A.; Bogdanov, N. I.; Petuhov, V. I.; Silin, I. A. Lugend knig 2 le opendus vodele vepsoiden nacalnijas şkolas. Leningrad: Kirja, 1933.
114. Andrejev, F. A.; Hämäläinen, M. Bukvar' vepsan şkolile. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936
115. Andrejeva A. Koivuine, Petroskoi, 2003.
116. Apostoliden tegod. Helsinki; Stokgolm, 1999.
117. Ariste P. A grammar of the Votic language. — The Hague: Mouton & Co, 1968.
118. Bašnin M. Vanh zirkul = Старое зеркало. Petroskoi, 2003.
119. Bogdanov G., Hämäläinen M., Mihkijev A. Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig. Leningrad: Kirja, 1932.
120. Bogdanov, N.; Loginov, M.; Bol'sakov, G.; Romanov, V.; Andrejeva, I.; Sokolov, M. Lugend knig : 2 cast' nacal'nijan şkolan 2-le klassale. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936.
121. Brodski I. Ičemoi londuz. Petroskoi, Periodika, 2000.
122. Brodski I. Kalarand. Kuhmo, 2002.
123. Čikina N. Vasilii Pul'kin - Vepsän man pajatai: kirjutajan 95-voččeks jubilejaks / пер. Г. Бабуровой // Verez tullei. Petroskoi, 2017. С. 3 – 5.
124. Grigorjev, N. Pol'toşt' paginad : dispetceran sanutez. = Полтора разговора : рассказ диспетчера. Moskv ; Leningrad : Lapsiden literaturan izdatel'stv, 1937.

125. Grünthal, R. Vepsän kielioppi. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 2015.
126. Hämäläinen, M.; Andrejev, F. A. Vepsa-venähine vajehnik. = Вепсско-русский словарь. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936.
127. Hämäläinen, M.; Andrejev, F. Vepskijan kelen grammatik. = Грамматика вепсского языка. Leningrad : Kirja, 1934.
128. Heinsoo H. Vad'd'a sõnakopittõja. Paratõttu tekstõ. Tartu, 2016.
129. Heinsoo H. Vad'd'a sõnakopittõja. Tartu, 2015.
130. Ičein sil'mil nägin. Сост. О.Ю. Жукова. Petroskoi, 2012.
131. ISK = Iso suomen kielioppi / Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki. 2004 (веб-версия: http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php).
132. Joann = Evangelii Joannan mödhe. Saarijärvi, 1993.
133. Junus V.I. Izoran keelen grammatikka: morfologia: opettaijaa vart. Moskova – Leningrad, Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdateljstva, 1936.
134. Kährik A. Рец. на: R.-P. Ritter, Untersuchungen zum Partitiv im Vepsischen, Wiesbaden, 1989 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 26). 101 s. // Linguistica Uralica, 1991 – c. 68 – 71.
135. Kalevala : lapsile i noristole / E. Lönnrot (tegii); A. Misinan i E. Kiurun kompozician mödhe. Vepsäks om kändnu N. Zaiceva. Petroskoi : Periodika : Juminkeko, 2003. - 163 l.
136. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. I. Helsinki, 1920.
137. Kettunen, L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. – Helsinki, 1943.
138. Kodima, газета. №№ 274, 275, 276, 278, 281, 285, 286, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301.
139. Kolomainen L.P. Suomen lauseoppia: Opetusmoniste. Petroskoi, 2005.
140. Konošenko, A. Pandas äi toivoid školan päle. // Verez tullei, 2016.
141. Kukojeva N.A., Ginijatullina M.B. Vepsän kel': 3. klass: openduzkirj. Петрозаводск, «Фонд творческой инициативы», 2013.
142. Kun N. Amuižen Grekanman mifad da legendad. Рабочие материалы автора, 2017 – 2018.
143. Lapsiden Biblii. Stokgolm; Helsinki, 1996.
144. Lebedeva V. Lendi linduine. Petroskoi, 2012.
145. Lönnrot E. Om det Nord-Tschudiska språket. Helsingfors, J.C. Frenckell & Son, 1853.

146. LPG = The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. Leipzig, 2015. https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf
147. Luka = Evangelii Lukan mödhe. Stokgolm; Helsinki, 1996.
148. Mark = Markan evangelii. Saarijärvi, 1992.
149. Matvei = Evangelii Matvejan mödhe. Stokgolm; Helsinki, 1998.
150. Mehen oiktuziden ühthine deklaracii. Om todištadud i ezitadud Päassamblejan rezolucijal 217 A (III) 10. tal'vkud v. 1948 / пер. О.Ю. Жуковой. М., Издательство «Права человека», 2009.
151. Mošnikov O., Silakova N. Kodiman vägi. / Пер. М.Б. Гиниятуллина, И.А. Сотникова. Петрозаводск: Периодика, 2015.
152. Petrova N. Haritonova J. Pagižem vepsäks (Говорим по-вепсски: сборник материалов для разговорных занятий по вепсскому языку) - Petroskoi : Periodika, 2016. - 69 с.
153. Popova, N. S. Arifmetikan openduskirj nacal'nijale skolale : 1-ne cast' : 1-ne voz' opendust. Leningrad : Kirja, 1933.
154. Popova, N. S. Arifmetikan openduz knig nacal'nijale şkolale : 1-ne cast' : 1-le klassale. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936.
155. Popova, N. S. Arifmetikan openduzkirj : 2 openduzvoz'. Leningrad : Kirja, 1934.
156. Psalmoiden kirj. Biblijan kändmižen institut. Helsinki, 2012. (переводчик – Н.Г. Зайцева).
157. Puura U., Karjalainen H., Zaiceva N., Grünthal R. Vepsän kel'. ELDIA Lühetud raport / Vepsäks kändi O. Žukova. – Mainz – Wien – Helsinki – Tartu – Mariehamn – Oulu – Maribor. 2013.
158. Ritter R.-P. Untersuchungen zum Partitiv im Vepsischen. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 26. Wiesbaden, 1989. 101 s.
159. Školvaihišt = Школьная лексика (на вепсском языке) / сост. Е. Харитонова. Петрозаводск, «Периодика», 2015.
160. Solomonan muštatišiden kirj. Helsinki, Biblijan kändmižen institut, 2016.
161. Terehova, L. G., Erdeli, V. G. Geografij : 1 cast' : openduz knig 3-le klassale nacal'nijas skolas. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936.
162. Terehova, L. G., Erdeli, V. G. Geografij : 2 cast' : openduz knig 4-le klassale nacal'nijas şkolas. Moskv ; Leningrad : Gos. openduz-ped. izd., 1936.
163. Terehova, L. G., Erdeli, V. G. Geografijan openduzkirj nacal'nijale şkolale : 1 cast' : 3 openduz voz'. Leningrad : Kirja, 1934.

164. Tetyrev, V. A. Jestestvoznanij : 1 cast' : openduz knig nacal'nijan şkolan 3-le klassale. Leningrad; Moskv : Gos. openduz-ped. izd., 1937
165. Tetyrev, V. A. Jestestvoznanij : 2 cast' : openduz knig nacal'nijan şkolan 4-le klassale. Leningrad; Moskv : Gos. openduz-ped. izd., 1937
166. Tetyrev, V. A. Jestestvoznanijan openduzkirj nacal'nijale şkolale : 1 cast' : 3 openduz voz'. Leningrad : Kirja, 1934.
167. Tetyrev, V. A. Jestestvoznanijan openduzkirj nacal'nijale şkolale : 2 cast' : IV openduz voz'. Leningrad : Kirja, 1935.
168. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (SKST, № 228).
169. Ühthižrahvazkundan (ÜRK) deklaracii igähižiden rahvahiden oiktuziš / пер. О.Ю. Жуковой (б.г.)
170. Ujfalvy Ch. E. de. Essai de grammaire vêpse ou tchoude du nord d'après les données de MM. Ahlqvist et Lönnrot. – Paris: E. Leroux, 1875.
171. Uz' Zavet / [om kändnu Nina Zaiceva]. - Helsinki : Biblijan kändmižen institut ; Петрозаводск : Карелия, 2006. - 614 l.
172. Vepsänman sarnad: kerazi vepsläižidenno oldes vodel 1842 Elias Lönnrot / [toim. Nina Zaiceva; kuv. Aleksei Maksimov]. - [Suomi]; Juminkeko, 2006 (Petroskoi: Verso). - 40 s. - (Juminkegon paindused; № 51).
173. Verez tullei, журнал. 2014, 2016, 2017 гг.
174. Zaiceva N. Izo Lizoi : [сборник стихов]. Petroskoi : Periodika, 2005.
175. Zaiceva N. Uz' vepsä-venälaine vajehnik = Новый вепсско-русский словарь. Петрозаводск, «Периодика», 2010.
176. Zaiceva N. Vauktan unen süles : [стихи]. Petroskoi : Periodika, 2008.
177. Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik: Teoretine openduzkirj 5. – 9. klassoile. Petroskoi, "Periodika", 2003.
178. Zaiceva N. Virantanaz : vepsläine epos. Kuhmo : Juminkeko, 2012.
179. Zaiceva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi, 1991.
180. Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 241. Helsinki, 2001.

Приложение 1. Образец перевода книги Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» на вепсский язык

Dafna[202]

Vauvaz, ilosine Apollon-jumal tezi opalad-ki, i händast tabazi gor'a. Hän tedišti gor'ad pigai Pifonas vägestusen jäl'ghe. Konz vägestusel ülenpäine Apollon oli seižmas läz hänen nolil riktud bukačud, hän nägišti rindal noren Erotan, armastusen jumalan, ičeze kuldašt taugad kingitamas. Nagrdes Apollon sanui hänele:

— Min täht sinei, lapsudem, mugoine opak azeg? Laske paremba minei oigeta kuldaižid razijoid nolid, miččil minä nügüd' rikoin Pifonad. Sinei-k voibišteldas minunke, nolankandajanke? Ed-ik sinä tahtoi sabutada mindai surembad hoštust?

Abidoks otnu Erot vastuti Apollonale:

— Noled sinun, Feb-Apollon, ei tekoi tugedust, kaikid raziba ned, no minun nol razib sindai.

Erot maihutaškanzi kuldaižil suugil da ühtes kuros lendi korktale Parnasale. Sigä hän heiti nolhodraspäi kaks' nolt. Ühtel, südänt satatajal da armastust heraštoitajal, puhkaiži hän Apollonan südänt, toižen – armastust rikojan – Erot pästi Dafna-nimfan, Penei-jogijumalan tütren, südäimehe.

Vastsi kerdan Apollon čomakulun nimfan da mel'düi hänehe. Vaiše Dafna nägišti kuldkidžoran Apollonan, kut tullein pigudenke jokseškanzi hänennopäi: ved' armastust rikoi Erotan nol puhkaiži hänen südänt. Jokseškanzi hänen jäl'ghe hobedantaugaine Apollon-ki.

— Seižutade, čoma nimf, — pakiči Apollon, — min täht joksed sinä minunnopäi, kuti lambaz, kudambad kükseb händikaz? Kuti orlalpäi päzui kühkjaine, lendad sinä. Ved' minä en ole sinun vihanik! Kac, sinä oled rebitanu jaugad teraviš penzhiš! O, seižutade! Ved' minä olen Apollon, Zevs-samaldusenlükäidajan poig, en ole mitte-se surmanaluine paimen.

No kaik hotkemba joksi čomakulu Dafna. Kuti suugil lendab hänen jäl'ghe Apollon. Kaik lähemba om hän. Naku nügüd' jo sabutab! Dafna rižab hänen hengaidust. Väged jätaba händast. Loiči Dafna ičeze Penei-tatale:

— Penei-tatam, abuta minei! Levitade pigemba, ma, da lainda mindai. O, otkat minaipäi poiš nece nägu, se vaiše mokičeb mindai!

Vaiše hän sanui nene sanad, ka sil-žo aigal muroštiba hänen hibjanpalad. Kor' katoi hänen hibjan, hibused tegihe lehtikš, a taivhalepäi

[202] Om starinoitud Ovidijan «Metamorfozad»-poemadme.

letud käded – lavran barboikš. Hätken seižui čududeldud Apollon lavran edes da lopuks virki:

— Čomitagha minun päd vaiše sinun barboišpäi tehtud venc, čomitagha sinun lehtesed i minun kifarad, i minun nolhodrad. Algha vänttugoi nikonz, o lavr, sinun barbad. Seižu vihandan igän!

A lavr vaiše šobaidaškanzi tünäs ičeze paksuil barboil Apollonale anttes vastust i, kuti hökkähtades, koverzi ičeze vihandan ladvan.

kingitada – натягивать
azeg – оружие
raz'da – разить
nolankandai – стреловержец
sabutada – достичь
hoštuz – слава
otta abidoks – обидеться
ühtes kuros – в мгновение ока
nolhodr – колчан
satatada – ранить
puhkaita – пронзить
hobedantaugaine – сребролукий (Аполлон)
kühkjaine – голубка
rebitada – поранить (поцарапать)
sabutada – догнать
muroštada – неметь (о частях тела)
virkta – промолвить
koverta – склонить

Приложение 2. Список глосс для работы с вепсским языком
(в т. ч. и не использованных в настоящей работе)

AB – абессив (лишительный падеж)
ABL – аблатив (отдалительный падеж)
ACC – аккузатив (винительный падеж)
AD – адессив (внешнеместный падеж)
ALL – аллатив (направительный падеж)
COM – комитатив (совместный падеж)
COMP – компаратив (сравнительная степень)
COND – кондиционал (условное наклонение)
EGR – эгрессив (падеж движения от чего-либо)
EL – элатив (исходный падеж)
EMPH – эмфатическая (усилительная) частица
EQ – экватив (тождественная степень)
ESS – эссив (бытийный падеж)
ESSE – бытийный глагол
FUT – будущее время
GEN – генитив (родительный падеж)
ILL – иллатив (входный падеж)
IMP – императив (повелительное наклонение)
IMPF – имперфект (прошедшее время)
IMPS – имперсонал (неопределённо-личная форма)
IN – инессив (местный падеж)
INCH – инхоативный (начинательный) суффикс
IND – индикатив (изъявительное наклонение)
INF – первый инфинитив (основной)
INSTR – инструктив (падеж образа действия)
NEG – отрицательный глагол (или частица)
NOM – номинатив (именительный падеж)
ORD – аффикс порядкового числительного
PART – партитив (частичный падеж)
PL – множественное число
POT – потенциал (возможностное наклонение)
PRAES – презенс (настояще-будущее время)
PROL – пролатив (проходной падеж)
PRTACT – активное причастие прошедшего времени
PRTAG – причастие-агент (в фин. яз.)
PRTNEG – отрицательное причастие
PRTPASS – пассивное причастие прошедшего времени
PRTPRAES – причастие настоящего времени

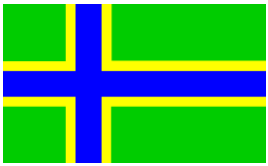
Q – вопросительная частица
REF – показатель возвратного (рефлексивного) спряжения
SG – единственное число
SUPER – суперлатив (превосходная степень) (синтет. – в фин. яз.)
TERM – терминатив I (I предельный падеж)
TRANSL – транслатив (превратительный падеж)
1AD – адитив I (I целевой падеж)
1APPR – аппроксиматив I (падеж нахождения у чего-либо)
1Pl – первое лицо множественного числа
1PlPOSS – притяжательный суффикс первого лица множественного числа
1Sg – первое лицо единственного числа
1SgPOSS – притяжательный суффикс первого лица единственного числа
2AD – адитив II (II целевой падеж)
2APPR – аппроксиматив II (падеж движения к чему-либо)
2INF – второй инфинитив (деепричастный)
2Pl – второе лицо множественного числа
2PlPOSS – притяжательный суффикс второго лица множественного числа
2PRTPRAES – II причастие настоящего времени
2Sg – второе лицо единственного числа
2SgPOSS – притяжательный суффикс второго лица единственного числа
2TERM – терминатив II (II предельный падеж)
3INF – третий инфинитив (склоняемый)
3Pl – третье лицо множественного числа
3POSS – притяжательный суффикс третьего лица (обоих чисел)
3Sg – третье лицо единственного числа

Приложение 3. Список таблиц

Табл. 1.	Послеложное согласование в вепсском языке	с. 81 – 82
Табл. 2.	Времена в пассивном залоге в русском языке	с. 88 – 89
Табл. 3.	Перфект и плюсквамперфект пассива в финском языке	с. 90
Табл. 4.	Времена глагола в финском языке (глагол *sanoa* ‘сказать’)	с. 90
Табл. 5.	Времена глагола в вепсском языке (исконная система, глагол *sanuda* ‘то же’)	с. 91
Табл. 6.	Аналитические глаг. формы в вепсском языке (глагол *tehta* ‘делать’)	с. 92
Табл. 7.	Формы будущего времени в вепсском языке (дополнение к табл. 5)	с. 93
Табл. 8.	Имперсонал и пассив в вепсском языке и их русские соответствия	с. 97
Табл. 9.	Сводная таблица синтаксических черт в русском, вепсском и финском языках	с. 141 – 143
Табл. 10.	*Lauseenvastikkeet* в финском языке и их аналоги в вепсском	с. 143 – 146

Elägaha vepsän kel’ igän!

Пусть вечно живёт
вепсский язык!



Erašti sanutas, miše kel' koleb, sambub. No kel' ei kole, ei sambu, nece koleb meiden mušt, koleb harjenuz pagišta ičemoi kelel, a iče kel' om eläb.

N.G. Zaiceva

Иногда говорят, что язык умирает, гаснет. Но язык не умирает, не гаснет, это умирает наша память, умирает навык говорить на родном языке, а сам язык жив.

Н.Г. Зайцева